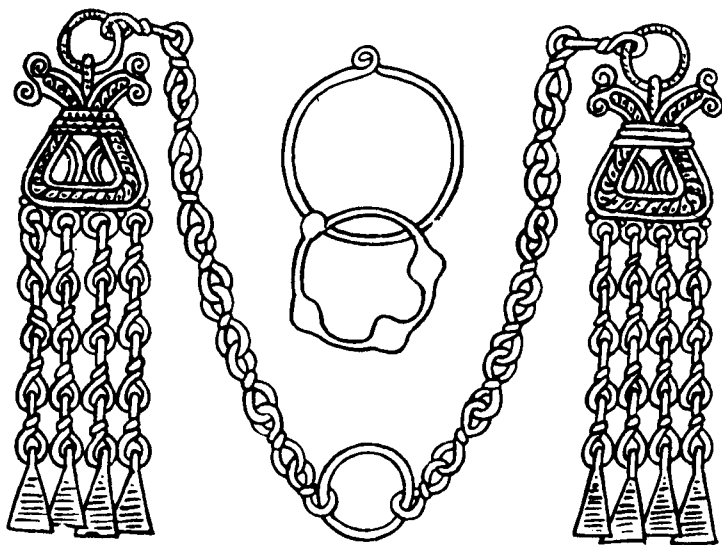

Е. А. РЯБЕНИН

КОСТРОМСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Е.А.РЯБЕНИН

КОСТРОМСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ответственный редактор
А. Н. КИРШИЧНИКОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

50

Книга является обобщающим исследованием, посвященным средневековому прошлому крупного региона Северо-Восточной Руси. Источниковедческую базу работы составляют материалы около 2000 курганных захоронений XII-XIII вв. На основе изучения погребального обряда и инвентаря могильников, комплексного анализа археологических, исторических, лингвистических и антропологических данных реконструируется характер древнерусского заселения края и взаимодействие славян с местными финно-угорскими группировками. Большое внимание уделяется определению социально-экономических и демографических предпосылок, обусловивших расцвет Костромского Поволжья в позднесредневековую эпоху.

Для археологов, историков, этнографов, языковедов.

Рецензенты

И. В. ДУБОВ, О. В. ОВСЯННИКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

70—80-е гг. нашего столетия — время заметного усиления региональных научных разработок славяно-русских и финно-угорских древностей. Появился ряд монографий и обобщающих статей, посвященных отдельным славянским княжествам или землям. Обстоятельному анализу подверглись, в частности, памятники Киевской, Полоцкой, Смоленской земель и территории вятичей. Не менее интенсивно изучаются и материалы северных областей Руси, занятых в средневековый период «чудским» или смешанным славяно-финно-угорским населением. Об этом свидетельствует выход монографий, освещающих этническую историю Юго-Восточного Приладожья, Корельской земли, Белозерского края и Северо-Восточной Руси. Защищена серия диссертаций, в которых содержится углубленный анализ памятников центральных и западных районов Новгородской земли, Восточного Прионежья, Ярославского Поволжья и Суздальского Ополя.

Вместе с тем новый этап исследований показал тесную взаимосвязь этнокультурных процессов, протекавших в широких контактных зонах и заметно влиявших на ход внутреннего развития племенных или исторически складывающихся древнерусских областей. В работах последних лет самое пристальное внимание начинает уделяться сравнительному анализу древностей изучаемых регионов и материалов соседних территорий, определению сходных черт и различий между ними. Особое место в выявлении таких аналогий принадлежит Костромскому Поволжью, погребальные памятники которого составляли крупный и обособленный массив древнерусских курганов. Пожалуй, ни в одном исследовании, посвященном средневековому прошлому северных восточнославянских и финно-угорских группировок, не обходится стороной яркая и крайне пестрая по слагаемым элементам культура Костромского края, где переплелись племенные особенности местных «чудских» образований и традиции разных потоков славянских поселенцев, осваивавших в начале II тысячелетия н. э. лесные пространства Приволжья и Заволжья. Это определяет актуальность темы, связанной с изучением данного северорусского региона.

Основной фонд археологических источников Костромского Поволжья был создан в процессе массовых раскопок курганных кладбищ, осуществленных в конце XIX—начале XX в. Результаты исследований нашли лишь частичное отражение в отдельных статьях отчетного характера. До сих пор отсутствуют сводные труды по средневековому прошлому края. Единственная работа, целиком посвященная костромским курганам, была опубликована П. Н. Третьяковым более полувека назад [1931]. Однако и автор этого небольшого по объему издания акцентировал основное внимание на хронологии памятников и вопросах социально-экономической структуры местного общества. В остальных же археологических изданиях материалы Костромского Поволжья привлекались лишь для решения более широких проблем.

При подготовке настоящей публикации автором была проведена большая и кропотливая работа по максимально полному сбору существующего фонда источников. При этом выяснились серьезные изъяны и фактологические ошибки в основных изданиях по костромским древностям, которыми пользовались до последнего времени исследователи. Среди первоисточников, привлеченных для каталогизации памятников, ведущее место занимают полевые дневники и отчеты КУАК о раскопках в конце XIX в. многих сотен погребений, ныне хранящиеся в архиве ЛОИА АН СССР. О более поздних исследованиях курганов основная документация содержится в архиве ИА АН СССР. Сбор отчетных данных сочетался с изучением музейных коллекций Костромского областного музея-заповедника (раскопки Г. М. Девочкина и КУАК), Государственного Эрмитажа (раскопки Ф. Д. Нефедова) и Ивановского областного музея (раскопки Е. Н. Ерофеевой). Для научной обработки и интерпретации источников большое значение имело и использование археологических материалов, составляющих фонды Государственного Исторического музея и ряда областных музеев РСФСР.

За длительный срок, истекший со времени массовых раскопок костромских курганов, произошла депаспортизация части коллекций, некоторые вещи не сохранились. Для их восстановления и привязки к конкретным погребальным комплексам особое значение имели рукописные источники, хранящиеся в архиве ЛОИА АН СССР. Среди них — серия работ ведущего знатока археологии Костромского края В. И. Смирнова; «корочки» А. А. Спицына, содержащие воспроизведения ряда отсутствующих теперь в музеях уникальных находок; фонд П. Н. Третьякова, включающий многие десятки вещевых комплексов, зарисованных в Костромском музее в 1928—1929 гг. и ныне восстановленных лишь частично.

При написании монографии перед автором стояла весьма трудная задача — определить основные принципы обработки массового археологического материала, полученного в результате раскопок группы дореволюционных исследователей, в различной степени владевших полевой методикой того времени. Лишь при введении единых критериев оценки неоднозначных по информативным возможностям источников появились реальные предпосылки для объективной интерпретации анализируемых древностей.

В настоящей работе изложены итоги изучения костромских могильников. За рамками издания осталась по курганная характеристика 1690 документированных захоронений. Полное введение в научный оборот всего накопленного фонда археологических источников (особенно при учете того, что курганы в Костромском Поволжье раскопаны практически полностью) имеет самостоятельное историко-культурное значение и заслуживает публикации.

Интерес к данной теме у автора сформировался два десятилетия назад под непосредственным влиянием видного археолога-слависта, члена-корреспондента АН СССР П. Н. Третьякова. При помощи и поддержке Петра Николаевича была начата и эта работа. Ее публикация — дань уважения памяти учителя.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И ИСТОРИЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Костромское Поволжье¹ включает в свои границы бассейн Волги от ее притоков Костромы, Солоницы и Костромской низменности на западе до р. Унжи и меридиональной излучины русла Волги на востоке. Южная граница проходит по водоразделу Волги и Клязьмы, северная — по водоразделу Волжского и Северодвинского бассейнов. Очерченная территория в основном совпадает с ареалом так называемых костромских могильников, составлявших в эпоху средневековья отдельный регион древнерусской курганной культуры (рис. 1).²

На западе между массивом костромских курганов и могильниками Ярославского Поволжья расположена довольно обширная зона, лишенная синхронных археологических памятников. Восточный рубеж совпадает с границей ареала древнерусских курганов. Далее к востоку, в Ветлужско-Вятском междуречье, распространены могильники и поселения древних марийцев. К юго-западу от Костромского курганного массива, в бассейне Клязьмы и ее притоков, сконцентрированы средневековые памятники Суздальского Ополья. Древнерусские курганы известны и на некоторых северных притоках Клязьмы, верховья которых близко подходят к южным притокам костромского течения Волги. Такие памятники, относящиеся к Клязьминскому бассейну, не включены в раздел костромских курганов, хотя и привлекаются в работе для изучения путей и направления древнерусской колонизации интересующего нас региона.

Многочисленные курганные кладбища Костромского Поволжья разбросаны по обеим сторонам Волги и ее мелких притоков — Черной, Кубани, Покши (и ее притока Сендеги), Стежеры, Колдомы, Локши, Шехонки, Шачи, Сунжи, Кипешемки, Ломки и Мочи. Они известны также в низовьях наиболее крупных рек левобережья Волги — Костромы и Меры, но почти не встречаются

¹ Географические границы Костромского Поволжья, охватывающего основную часть Костромской и северные приволжские районы Ивановской области, определены с учетом рассматриваемого в работе археологического материала.

² В Костромском Поволжье известен, кроме того, ряд селищ курганной эпохи. Но последние не исследовались и в подавляющем большинстве разрушены расправкой [Горюнова, 1961, с. 254—257; Рябинин, 1979в, с. 87; Комаров, 1980, с. 56].

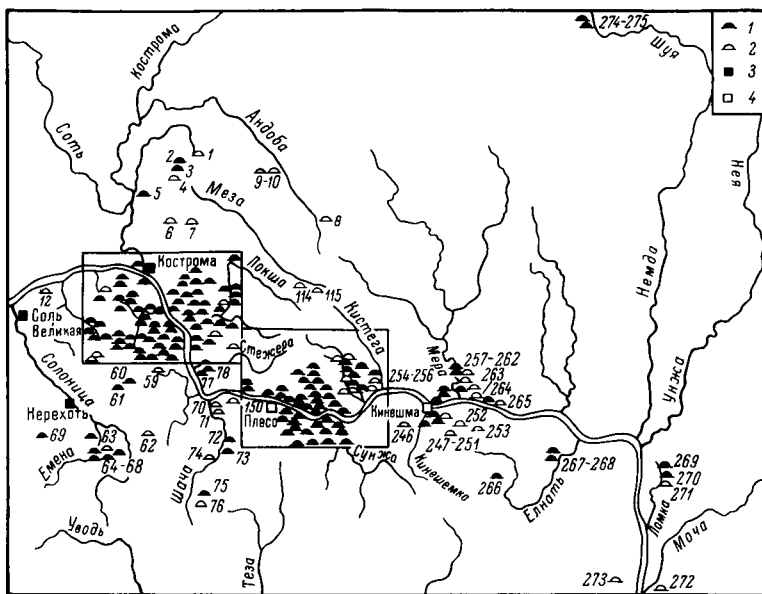

Рис. 1. Средневековые памятники Костромского Поволжья. Нумерация здесь и далее соответствует Списку погребальных памятников.

1 — исследованные курганы; 2 — неисследованные; 3 — города и поселения городского типа, возникшие в домонгольский период; 4 — города, упоминаемые в источниках XIV — начала XV в.

в глубинных районах Заволжья. Северная граница распространения курганов отмечена отдельными и немногочисленными памятниками, зафиксированными в бассейне Шуи — левого притока Немды — и в бассейнах Андобы и Мезы — левых притоков Костромы. На правобережье Волги наиболее удаленной от главной речной магистрали является компактная группа могильников в верховьях Солоницы.

Бассейн костромского течения Волги неоднороден как по ландшафтным, так и почвенным условиям [Семенов, 1865, с. 587, 742—745; Костромская губерния, 1877, с. III—XIX; Красюк, 1923, с. 1—29; 1924, с. 24—39; Красюк, Юницкий, 1925, с. 1—17]. Южное Приволжье почти на всем своем протяжении состоит из ряда возвышенностей, круто спускающихся к реке и перерезанных оврагами и долинами мелких притоков Волги. Между правым берегом Волги и левым — Костромы расположена обширная Костромская низменность (в настоящее время здесь сделано водохранилище). Это огромная луговая пойма, простиравшаяся ранее на десятки километров и изобиловавшая озерами и протоками. Весной вся низина заливалась водами Волги и Костромы, в результате чего редкие поселения, занимавшие песчаные всхолмления в пойме, оказывались изолированными. Ближко напоминает Костромскую низменность и другой район в бассейне Костромы, вклю-

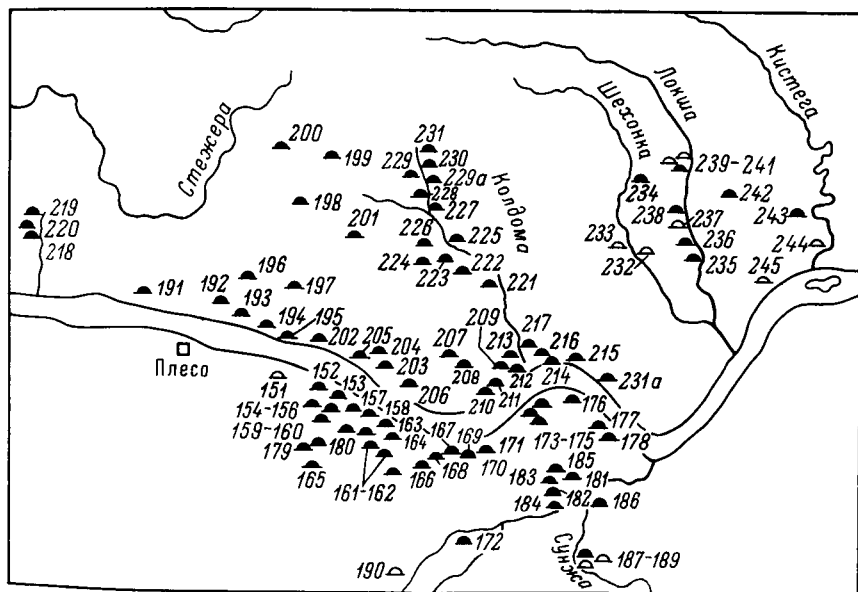
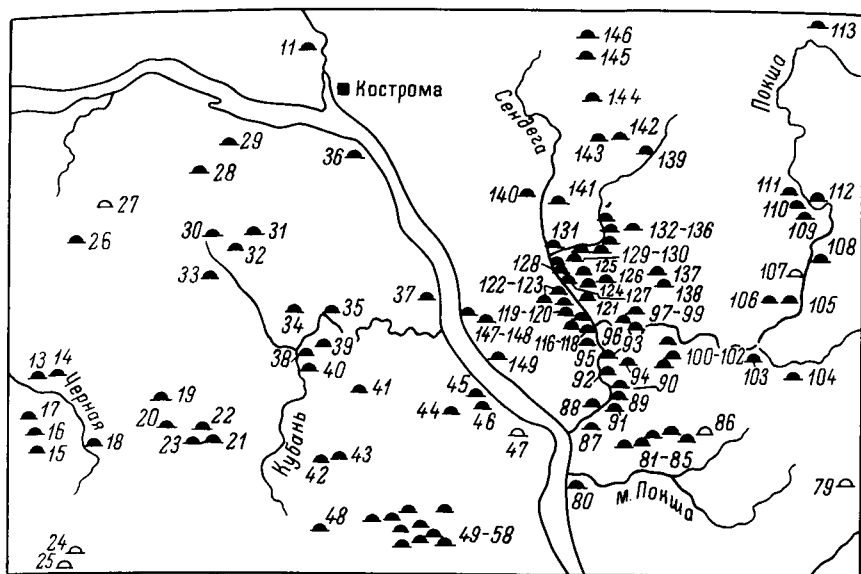

Рис. 1 (продолжение).

чающий нижние течения ее правых притоков — Андобы и Мезы. Он также представляет собой сплошную низину, насыщенную болотами и мелкими озерами. Полоса Северного Приволжья между Костромой и Унжей характеризуется наличием высокой береговой террасы, которая местами отступает от русла Волги, оставляя зоны заливных лугов, и с приближением к устьям Унжи и Немды постепенно превращается в песчаную и лесистую низменность. Восточная часть этой полосы, прилегающая к Унже, вся покрыта лесами и болотами и только по правым берегам Унжи, Неи и Немды тянется неширокий кряж. Далее к востоку обширные пространства Унжинско-Ветлужского междуречья еще в прошлом столетии были заняты сплошными дремучими лесами, чередующимися с болотами, и вследствие этого остались почти не освоенными человеком.

Примечательна необычайно высокая залесенность территорий, расположенных на периферии Костромского Поволжья и примыкающих с севера и востока к ареалу костромских курганов. По данным начала XX в., в восточных уездах Костромской губернии, включавших, в частности, бассейны Унжи и Немды, леса занимали 78—81 % общей площади, а в северных уездах — Солигаличском, Чухломском, Галичском и Буйском — 50—66 %. Несомненно, в древности залесенность края была более значительной, захватывая и побережье Волги. Но в целом, по мнению специалистов, для бывшей Костромской губернии «чрезвычайно характерно падение лесистости в направлении с северо-востока на юго-запад» [Дюбюк, 1918, с. 6], т. е. как раз к области плотного древнерусского расселения, устанавливаемой по археологическим данным. Очевидно, это обстоятельство следует учитывать и при изучении направления потоков земледельческой колонизации края.

На рассматриваемой территории распространены подзолистые, преимущественно суглинистые почвы [Красюк, 1923, с. 1—29]. Они тянутся по обоим берегам Волги от р. Костромы до Меры, захватывая в Южном Приволжье верховья Тезы, а на севере достигая Галицкого озера. По степени плодородия такие почвы значительно уступают черноземному Суздальскому Ополью, но включаются специалистами в разряд хороших или удовлетворительных почв для земледелия. В Костромской низине и частично в бассейне Солоницы выделяются аллювиальные, наносные почвы, служащие прекрасной базой для заливных лугов. В бассейне Костромы преобладают крайне бедные песчаные почвы, переходящие к северу от р. Вексы в лесные заболоченные районы на моренных суглинках. Такие же заболоченные почвы распространены и к востоку от Меры. Наконец, на левобережье Меры и к югу от Волги, в бассейнах северных притоков Клязьмы, господствуют невысокие по плодородию суглинки на моренных отложениях.

Костромское Поволжье богато археологическими памятниками различного времени начиная с периода позднего мезолита [Гурина, 1963, с. 85, 197—203]. В неолитическую эпоху указанная территория была уже прочно обжита людьми. Об этом свидетельствует обилие поселений данного времени с интенсивно насыщенным

культурным слоем. Эпоха бронзы представлена памятниками вологовского и фатьяновского типов, которые затем сменяются памятниками раннего железного века. В названный период Костромское Поволжье включается в зону распространения текстильной (сетчатой) керамики, известной на огромных пространствах Восточной Европы, Юго-Восточной Финляндии и Прибалтики. Культура текстильной керамики сформировалась в конце II—начале I тысячелетия до н. э. в среде поволжских и прибалтийских финноугров — «этот факт никем и никогда не оспаривался» [Третьяков, 1966, с. 141].

Более сложным представляется вопрос о месте памятников Костромского Поволжья в дьяковской культурной общности, возникшей на основе культуры раннетекстильной керамики. Древнейшие дьяковские городища появились в VIII—VI вв. до н. э., а наиболее поздние из них заканчивают свое существование в V—VI (возможно, VII) вв. н. э. [Третьяков, 1966, с. 146; Смирнов, 1974, с. 77—79; Дубынин, 1974, с. 248—251]. В последнее время И. Г. Розенфельдт было высказано предположение о наличии еще более позднего этапа дьяковской культуры — VI—VIII (X?) вв. [1974, с. 189—191]. Сходного мнения придерживается и Е. И. Горюнова, автор обобщающего исследования по этнической истории Волго-Окского междуречья, включившая в третью, позднюю хронологическую группу дьяковские памятники, которые доживают до конца I тысячелетия н. э. [1961, с. 47].

Ареал дьяковской культуры очерчивается обычно в пределах Волго-Окского междуречья, Верхнего Поволжья и Валдайской возвышенности. Сюда же включаются костромские городища и открытые поселения раннего железного века, скопления которых отмечены по берегам Волги, в среднем течении Костромы (в районе ее слияния с Вексой) и на Галицком озере. Лишь некоторые из этих памятников, содержащих в ранних культурных напластованиях сетчатую, а в более поздних — лепную неорнаментированную керамику, исследованы археологически. Полученные данные свидетельствуют о наличии в местной культуре ряда особенностей, несвойственных другим дьяковским памятникам и обусловленных промежуточным положением рассматриваемого региона на пограничье крупных этнокультурных общностей раннего железного века [Третьяков, 1941; 1966, с. 149; Горюнова, 1961, с. 109—110; 1967, с. 75; Генинг, 1967, с. 68]. По мнению И. Г. Розенфельдт, камские традиции в памятниках, известных в восточной части Волго-Окского междуречья и объединенных рядом ученых в восточный вариант дьяковской культуры, так сильны, а собственно дьяковские элементы настолько слабо выражены, что эти памятники вообще не представляется возможным включить в ареал дьяковской культуры [1974, с. 193—194]. В любом случае общепризнанный факт пограничного положения Костромского Поволжья приобретает для нас большое значение: финно-угорская подоснова, выявляемая в могильниках древнерусского времени, отражает традиции населения, культура которого сформировалась в контактной

зоне в раннем железном веке и безусловно именно тогда приобрела ряд своих характерных особенностей.

К сожалению, крайне слабоизученными остаются памятники, непосредственно предшествующие распространению в Поволжье средневековых курганных могильников. Е. И. Горюнова приводит перечень 11 городищ и селищ, отнесенных ею к VI—IX вв., но почти все они или вообще не исследованы, или их изучение ограничено шурфовкой и сбором подъемного материала [1961, с. 252, рис. 102 (к. № 2)]. Единственным исключением является Дурасовское городище — поселение второй половины I тысячелетия н. э., раскопанное Горюновой у д. Очищицевой в Южном Приволжье [там же, с. 109—116]. Этот финно-угорский поселок, датированный автором раскопок IX—началом X в., рассматривается им в качестве одного из ранних центров ювелирного производства в Костромском Поволжье; особо подчеркивается культурная связь обитателей Дурасовского городища с населением Поволжья.

К этому же периоду относится разрушенный финно-угорский могильник, открытый в конце прошлого века при земляных работах близ с. Подольского в Северном Приволжье [Покровский, 1894, с. 358—360; Отдельные находки... 1903, с. 194; Спицын, 1924, с. 185]. В карьере были найдены железный топор-кельт, наконечники копья и стрелы, а также глиняный горшок, наполненный углем. Все предметы располагались среди углей и, очевидно, входили в погребальный инвентарь трупосожжения грунтового могильника. На основании аналогий комплекс у с. Подольского датируется VII—IX вв. [Горюнова, 1961, с. 122, 124].

Интересные данные получены в самое последнее время о культуре финно-угорского населения в верховьях Унжи. На Ухтубужском городище у с. Попова, уже давно известном в археологической литературе, открыты слои конца I тысячелетия н. э. с остатками построек и разнообразным вещевым материалом; в 1.5 км от городища зафиксирован разрушенный грунтовой могильник третьей четверти I тысячелетия н. э. с погребениями по обряду кремации [Бадер, 1951, с. 147, 148; Архипов, 1980, с. 44, 45; Леонтьев, Рябинин, 1981, с. 62, 63; Леонтьев, 1982, с. 69; 1984, с. 65; Рябинин, 1982б, с. 84]. Однако территориальная удаленность унжинских памятников от Волги и близость к бассейну Ветлуги ставит под сомнение возможность их прямолинейного отождествления с «чудским» населением, обитавшим в дорусскую эпоху на костромском отрезке волжской речной артерии.

В последующий период история края оказывается неразрывно связанной с историей Древнерусского государства. В XII—XIII вв. здесь возникает ряд русских городов и центров волостей — Кострома, Нерехоть, Соль Великая, Унжа; во второй половине XIV в. письменные источники упоминают такие поволжские города, как Плесо, Кинешма, Юрьевец. На этой территории распространяются многочисленные курганные могильники, изучению которых посвящена настоящая работа.

В середине XIX в. развернулись первые широкие исследования средневековых памятников Северо-Восточной Руси. В 1851—1854 гг. А. С. Уваров, П. С. Савельев и К. Н. Тихонравов раскопали 7757 курганных насыпей, расположенных на территории современных Владимирской, Ивановской и Ярославской областей [Спицын, 1905, с. 87, 88]. Грандиозные исследования Владимирских курганов, итоги которых были подведены в обобщающей работе Уварова [1871, с. 633—847], пробудили особый интерес молодой археологической науки к изучению средневековых погребальных памятников на землях Древней Руси, в том числе курганных захоронений Верхнего Поволжья и междуречья Волги и Оки.

Первые отрывочные сведения о «разрытии» курганов в Костромском крае относятся еще к первой половине прошлого столетия.³ Но такие раскопки носили еще явно кладоискательский характер. Начало целенаправленному исследованию костромских средневековых захоронений было положено геологом и палеонтологом Г. М. Девочкиным. Еще в 1850-е гг. Девочкин начал работу по сбору археологических материалов, относящихся преимущественно к каменному веку Костромской губернии. Тогда же под влиянием раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева в Суздальской области он предпринял исследование курганной насыпи у с. Татьяна на р. Шорке [АЛОИА, ф. 46, д. 64, л. 10]. В 1879 г. Девочкин раскопал еще около 10 курганов на Шорке и одно погребение у д. Калище на р. Емене [там же, л. 30; Миловидов, 1890а, с. 127]. В 1880—1882 гг. им были исследованы 42 насыпи в бассейне Кубани (не менее 37 курганов в могильнике у д. Пьянково и, очевидно, пять захоронений у сел Покров и Ильинского).⁴

В 1883 г. Г. М. Девочкин скончался. Но именно к этому году относится начало археологической деятельности КУАК, члены которой Н. М. Бекаревич, И. Д. Преображенский и И. В. Миловидов развернули широкие исследования средневековых погребальных памятников.

Еще в 1882 г. по поручению Общества естествоиспытателей при Казанском университете С. Дмитриев и Н. М. Бекаревич предприняли раскопки в пределах Костромского уезда, вскрыв за один сезон 134 насыпи в семи курганных группах. Итоги этих исследований получили отражение лишь в кратком предварительном отчете, в котором приведено описание только шести погребений, и в археологической заметке, помещенной в первом выпуске сборника «Костромская старина» [Дмитриев, Бекаревич, 1883; Миловидов, 1890а, с. 119—121].

³ Есть известия, что в конце 1830-х гг. производились раскопки в окрестностях г. Кинешмы [Козловский, 1840, с. 153].

⁴ Местоположение погребений определяется лишь по этикеткам на вещах из коллекции Г. М. Девочкина, хранящихся в Костромском музее.

В 1883 г. Н. М. Бекаревич раскопал уже самостоятельно 48 курганов близ трех селений Костромского уезда. Отчет об этих работах содержал крайне скудные сведения о погребениях и занимал лишь несколько печатных строчек [Бекаревич, 1890, с. 149, 150]. Несомненно, прав был известный исследователь Костромского края В. И. Смирнов, считавший, что первые раскопки члена КУАК имели чисто любительский характер [АЛОИА, ф. 46, д. 64, л. 37].

В 1880-е — первой половине 1890-х гг. КУАК активизирует свою деятельность по сбору сведений об археологических памятниках в Костромском Поволжье. В этот период по инициативе Московского археологического общества в различные учреждения европейской части России были разосланы запросы о наличии остатков древности и старины на местах — в уездах и волостях. Сведения о памятниках Костромской губернии стекались в КУАК. На их основе в 1889—1890 гг. И. В. Миловидов составил первую археологическую карту Костромской губернии, которую переслал в Московское археологическое общество [АЛОИА, ф. 4, д. 166]. В печатном органе КУАК появляется серия публикаций, посвященная памятникам Костромского края [Миловидов, 1890а, с. 115—133; 1892а, с. 56—70; 1892б, с. 71—81; Пирогов, 1890, с. 132—142; Преображенский, 1897а, с. 368—371].

Исследования курганных могильников 1850—1880 гг. охватили правобережье Волги, преимущественно территорию Костромского и прилегающей к нему части Нерехтского уездов. В этом же районе в 1890-е гг. развернулись и первые широкие работы КУАК.

В 1892 г. Н. М. Бекаревич и И. Д. Преображенский раскопали 99 насыпей (11 групп) в Костромском уезде [АЛОИА, ф. 1, д. 1892/53; Бекаревич, 1894, с. 24—39]. В 1893 г. Преображенский исследовал 45 погребений в девяти курганных группах [АЛОИА, ф. 1, д. 1893/101; Преображенский, 1897б, с. 371—376], а в 1894 г. Бекаревич, Преображенский и Миловидов вскрыли еще 106 курганов в 14 группах [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51].

Как уже отмечалось, сведения о погребальных комплексах, исследованных в 1850—1880 гг., крайне скудны и плохо документированы. При раскопках КУАК в 1892—1894 гг. уже велась полевая документация, позволяющая судить о форме курганных насыпей, особенностях погребального обряда и инвентаре захоронений. Вместе с тем в отчетах этого времени еще отсутствует ряд данных, необходимых для полной реконструкции курганного обряда. В частности, отмечая глубину залегания костяка, авторы раскопок, как правило, не указывали высоту самой насыпи; следовательно, оставалось неясным, где было совершено захоронение: на материке, в насыпи или яме. В отчетах отсутствовали планы могильников, часто опускались сведения о наличии обкладок из камней по основанию или поверхности насыпей (а последнее свойственно большинству курганов Костромского и Нерехтского уездов), далеко не всегда члены КУАК приводили данные и о положении умерших, о характере размещения вещей при костяках.

Значительно более полной становится документация раскопок членов КУАК начиная с 1895 г. Этот факт находит объяснение при обращении к их отчетам 1895—1899 гг. С 1895 г. Археологическая комиссия начинает пересылать авторам раскопок вместе с открытыми листами унифицированные полевые дневники, в которых содержатся правила раскопок и фиксации курганных погребений, отвечающие методике того времени.

Исследования 1895—1899 гг. охватили территории Костромского и Перехтского уездов, но внимание членов КУАК привлекают главным образом курганные кладбища, расположенные на левобережье Волги. Особенно богатым средневековыми могильниками оказался бассейн р. Покши и ее притока Сендеги. Именно здесь и была вскрыта основная часть курганных захоронений. В 1895 г. комиссия раскопала 215 насыпей в 20 группах, в 1896 г. — 168 курганов (25 групп), в 1897 г. — 193 погребальных комплекса (15 групп), в 1898 г. — 68 курганов (9 групп), в 1899 г. — 75 насыпей (6 групп) [АЛОИА, ф. 1, д. 1895/49, 1896/55, 1897/49, 1898/61, 1899/74]. В 1898 г. КУАК предприняла исследование двух могильников, расположенных за пределами основных работ комиссии: было вскрыто 15 курганов в Макарьевском уезде, на восточной окраине Костромского Поволжья.

В 1895 г. костромскими курганами заинтересовалось Общество любителей естествознания при Московском университете. Оно командировало на раскопки средневековых могильников Ф. Д. Нефедова, который развернул полевые исследования в Кинешемском и Перехтском уездах. За исключением нескольких пунктов, район раскопок Нефедова охватил территорию, которая оказалась вне поля зрения КУАК. Если ее члены изучали преимущественно курганный массив между р. Солоницей на западе и рр. Стежерой и Шачей на востоке, то Нефедов раскапывал могильники к востоку от названного региона, вниз по течению Волги до р. Меры. Этот факт необходимо учитывать, так как в целом ряде последующих работ выводы, полученные при изучении материалов раскопок КУАК или Нефедова, переносились на всю совокупность костромских курганов без учета их территориальной обособленности.

В 1895—1896 гг., за два полевых сезона, Ф. Д. Нефедов раскопал 548 насыпей в 85 группах, расположенных по обоим берегам Волги и ее притоков Колдомы, Шехонки, Локши, Сунжи и Меры. К моменту раскопок Нефедов — известный этнограф, писатель и народник — был уже довольно опытным полевым исследователем. В 1870—1890 гг. он изучал археологические памятники Окского бассейна, Южного Приуралья и Прикамья [АЛОИА, ф. 46, д. 64, л. 46, 47]. Раскопки костромских курганов проведены им на относительно хорошем методическом уровне, хотя в публикации его дневников далеко не всегда содержатся все необходимые данные об исследованных комплексах [Нефедов, 1899, с. 161—236]. Большие затруднения при анализе материалов из раскопок Нефедова вызывают полное отсутствие графической документации

и крайне неопределенная локализация многих изученных памятников.⁵

На рубеже XIX—XX вв. наблюдается значительное снижение интереса местных археологов к курганным древностям Костромского края. В 1900 г. сотрудниками КУАК было раскопано лишь восемь насыпей в двух группах, расположенных в бассейнах правых притоков Волги — Солоницы и Шачи [АЛОИА, ф. 1, д. 1900/87, л. 5]. В 1901—1902 гг., по данным Археологической комиссии, исследования курганов в Костромском Поволжье вообще не проводились [там же, д. 1902/80, л. 7]. В 1901 г. появляется публикация дневников раскопок КУАК за 1895—1899 гг., включающая и данные о ряде курганных групп, изученных в более раннее время. В ней приведены сведения о 818 курганах из 85 групп, расположенных при 56 селениях [Бекаревич, 1901, с. 302—462].

В 1903 г. КУАК обратилась в Археологическую комиссию с просьбой о разрешении дальнейшего исследования костромских курганов. Решительным противником этих работ выступил А. А. Спицын. В своем заключении, представленном в АК, он писал о необходимости приостановить «дальнейшее уничтожение» средневековых памятников. По его мнению, «раскопки костромских курганов ведены были без определенного плана и с ничем не оправдываемой поспешностью. . . а добытые вещи сохраняются в кучах или грудах без всяких ярлыков и отметок, из какого погребения каждый предмет происходит, так что представляют собой лишь курганный мусор, не имеющий никакого научного значения». «Если продолжать раскопки с той же поспешностью, — отмечал Спицын, — то никаких местных курганов не останется до следующего же поколения костромских деятелей. Археологическая комиссия обязана пренебречь неудовольствием современных деятелей Костромской архивной комиссии, чтобы тем более живую благодарность иметь от будущих» [АЛОИА, ф. 1, д. 1903/35, л. 3, 4].

Заключение А. А. Спицына о крайне низком уровне исследования и фиксации курганов представляется несколько преувеличенным. Основная часть материалов из раскопок КУАК 1895—1899 гг. хранящихся в Костромском музее, имеет паспорта и увязывается с определенными комплексами. Вместе с тем вполне закономерно предложение Спицына о прекращении крупных и поспешных работ КУАК по изучению средневековых погребений. Обследование района основных раскопок, проводившихся ею в последнее время показало, что могильники этого крупного курганного региона вскрыты почти полностью.

В начале XX в. были предприняты поиски средневековых могильников к северу от основного ареала костромских курганов. Имеются сведения о раскопках насыпей около Галича, произведен-

⁵ В рукописном архиве ЛОИА АН СССР имеется лишь краткий указатель ряда местностей, в которых производил раскопки Ф. Д. Нефедов [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/206].

ных Д. Анухтиным в 1902 г. [АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223; ф. 5, д. 381, л. 14]. В 1910 г. В. Н. Глазов предпринял разведочное обследование Буйского уезда, осмотрев места предполагаемых курганных могильников; однако эти поиски оказались безрезультатными [АЛОИА, ф. 1, д. 1910/68].⁶ В том же году небольшие раскопки курганов в Костромском уезде произвел Д. Н. Сизов [АЛОИА, ф. 46, д. 33, л. 47], а в 1912 г. две насыпи в Кинешемском уезде были исследованы И. Д. Преображенским [Археологическая. . . , 1912, с. 35, 36].

На рубеже XIX—XX вв. в основном завершилось создание существующей источниковедческой базы для изучения костромской курганной культуры. К 1900 г. было раскопано не менее 1584 погребений, входивших в состав 196 курганных групп. Добытый археологический материал требовал изучения и научной интерпретации.

Уже первыми исследователями костромских курганов — И. Д. Преображенским и Н. М. Бекаревичем — были приведены суммарные данные о внешнем виде, форме и размерах насыпей, обряде захоронения и ведущих типах вещевого инвентаря погребений [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51, л. 20—23; Бекаревич, 1901, с. 439—455]. Почти одновременно появилась статья известного русского этнографа Д. Н. Анучина, посвященная изучению культуры костромских курганов, преимущественно украшений и религиозных символов [1899, с. 237—259]. В этих работах высказаны мнения о хронологии памятников и об этнической принадлежности населения курганной эпохи. По заключению Бекаревича, «курганные люди жили в обследованных районах в конце IX и в X в.», но ряд памятников относится и к последующему периоду — XI—XII вв. [1901, с. 453]. Анучин датировал «преобладающую эпоху погребений» концом X—XI в., допуская вместе с тем наличие как более ранних комплексов, так и курганов XII в. [1899, с. 244].⁷

При решении вопроса об этнической принадлежности костромского населения курганной поры исследователи второй половины XIX в. исходили из господствовавших в то время теоретических построений М. А. Кастрена и А. С. Уварова. Предположение Кастрена о родстве летописной мери и предков марийцев было развито в целом ряде работ. На основе географических названий, якобы этимологизирующихся только из марийского языка (как было доказано позднее, такие «этимологии» основывались преимущественно на примитивном раскрытии «по созвучию» тополексем),⁸ в область расселения мери (мари) были включены Костром-

⁶ Еще ранее, в 1896 г., разведочные работы в Буйском уезде были проведены Ф. Д. Нефедовым. Им было раскопано в двух курганных группах близ усадьбы Афонасово шесть насыпей, в которых не оказалось следов захоронений [Нефедов, 1899, с. 230, 231].

⁷ В другой своей работе, положения которой были изложены в 1896 г. на X археологическом съезде, автор считал возможным датировать курганы, раскопанные Ф. Д. Нефедовым, XI—XIII вв. [Анучин, 1900, с. 85—88].

⁸ Ср.: [Козлова, 1978, с. 24, 25].

ская, Ярославская, Владимирская, Московская, даже Вологодская и Новгородская губернии [Диев, 1865, с. 167, 168; Семенов, 1891, с. 228 след.; Кузнецов, 1910, с. 49—52, и др.].

Подводя итоги широким раскопкам во Владимирской земле, А. С. Уваров связал весь пласт изученных им курганных древностей с мерей. По хорографическим названиям с корнем *-мер* Костромская губерния была также отнесена им к мерянскому региону [Уваров, 1871]. Исследованные же здесь в конце прошлого столетия могильники уже традиционно, исходя из этнических определений Уварова, объявлялись финно-угорскими. Так, Н. М. Бекаревич и И. Д. Преображенский, отмечая незначительные размеры исследованных ими погребальных памятников, объясняли этот факт тем, что оставившая курганы меря, вытесняемая славянами к северу из-под Ростова, Суздаля и Владимира, расселялась по Волге отдельными семьями.

Д. Н. Анучин впервые указал на своеобразный характер местной культуры, подчеркнув, что костромские курганы «представляют особую группу, отличающуюся в подробностях от других соседних групп курганов — Владимирских („мерянских“), Московских и Петербургских». Это обусловлено, по его мнению, сильным влиянием на культуру Костромского Поволжья вятско-камского востока. Признавая финно-угорскую основу средневекового населения края, Анучин считал возможным допустить для XI—XII вв. проникновение сюда славянских колонистов, отмечая, что «по обстановке отдельных курганов трудно ... различить между ними славянские и финские» [1899, с. 257].

Значительный вклад в изучение культуры костромских курганов внес А. А. Спицын. Краткая характеристика этих памятников была приведена им еще в 1899 г. в одном из выпусков «Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», а развернутые выводы изложены в 1909 г. на историко-археологическом съезде в г. Костроме и в работе 1924 г. [1899, с. 229—232; 1914, с. XLIX—LI; 1924, с. 13—17].

А. А. Спицын отнес время сооружения костромских насыпей к XI—XIII вв., причислив их наряду с погребениями С.-Петербургской губернии к «позднейшим курганам русского типа». Ядро местной культуры, по его мнению, составляют древности, характерные для Владимирских курганов, но значительная примесь камских и приладожских типов вещей придает ей ярко выраженный финский оттенок. «Допустимо, — отмечал он в 1909 г., — что костромские курганы в основной массе принадлежат сильно русифицированному и даже окрещенному финскому племени, одному или двум».

В работе 1924 г. А. А. Спицын включил Костромской курганный район в «особый раздел суздальских курганов», отличавшийся от Владимирского «более значительным количеством финских, естественнее думать, мерянских вещей». Крупнейший знаток славянских и финно-угорских древностей, анализируя состав погребального инвентаря костромских могильников, подчеркнул крайне

пестрый, смешанный характер местной культуры, в которой представлены изделия владимирских, кривичских и киевских типов, предметы камского, весского и мерянского происхождения.

В советский период, почти через четверть века после завершения работ КУАК, небольшие по объему раскопки курганов были осуществлены В. И. Смирновым, А. П. Смирновым и П. А. Касторским. В. И. Смирнов доследовал разрушенную кладоискателями группу насыпей у д. Пепелино на правом берегу Волги [АЛОИА, ф. 2, д. 1927/157, л. 30—32]. А. П. Смирнов раскопал девять курганов в двух группах у с. Турова на р. Шуге, притоке Немды [там же, д. 1928/179, л. 13—16; Смирнов, 1929, с. 45—48]. Наконец, Касторский исследовал несколько насыпей у д. Пезлово на р. Локше [см.: Ерофеева, 1965, с. 19].

Из работ 1920-х—начала 1930-х гг., в которых затрагивался вопрос о костромской курганной культуре, следует отметить обстоятельные историографические очерки сотрудника Костромского краеведческого музея В. И. Смирнова [1924, с. 135—161]⁹ и статью финского ученого А. М. Тальгрена «Финские культурные провинции в эпоху позднего железного века» [Tallgren, 1928, р. 13, 14]. Последний выделил Костромское Поволжье в особый район финно-угорской средневековой культуры, в основе своей «меряно-черемисской», но испытавшей значительные влияния со стороны славян, западных, окских и камских финнов и даже «варяжской культуры». По мнению исследователя, костромская культурная провинция охватывала не только бассейн костромского течения Волги, но и район Поволжья от Рыбинска до Ярославля, а сфера ее влияния простиралась к верховьям Сухоны до Вологды, где уже начиналась другая культурная область.

Новое направление в анализе погребальных памятников выявилось в работе П. Н. Третьякова [1931]. На основе метода культурной стратиграфии автор разделил массив курганных захоронений на четыре хронологические группы. В первую были объединены комплексы второй половины XII в., во вторую — XIII в., в третью — конца XIII—начала XIV в., в четвертую, самую позднюю, — погребения с бедным и невыразительным инвентарем, датированные предположительно концом XIV—XV в.

Опираясь на хронологическую дифференциацию материала, П. Н. Третьяков проследил развитие местной культуры во времени, установил ведущие типы древностей для каждого хронологического этапа и при их сопоставлении наметил направление и динамику связей костромского населения с обитателями окружающих территорий. На основании этих данных был сделан вывод, что для XII в. в системе экономических связей Костромского Поволжья

⁹ Перу этого исследователя принадлежат также крупная историографическая работа «Материалы к истории археологического изучения Костромского края», оставшаяся, к сожалению, неопубликованной [АЛОИА, ф. 46, д. 64], и археологическая сводка «Курганы и городища Костромской губернии» [там же, д. 33].

«особое значение имеет Прибалтика, конкретнее — Приладожье, и, видимо, Новгород; для XIII—XIV вв. имеет место приток северо-восточных вещей, что понятно при увеличении в этот период роли Галича и Вятки как форпостов русского феодализма» [Третьяков, 1931, с. 37]. Население, оставившее костромские курганы, сложилось главным образом к середине XII в. на базе местного финноязычного и славянского населения, продвинувшегося на север преимущественно из Ростово-Суздальской земли.

Особое место в работе отведено социально-экономической истории края, т. е. тому вопросу, который ранее вообще не рассматривался исследователями. Распространение в Костромском Поволжье мелких курганных групп, по размерам соответствующих, очевидно, производственной ячейке того времени, и набор орудий труда из погребений показывают, что земледельческая колонизация района проводилась небольшими группами (а часто и отдельными семьями), оседавшими вдоль рек и практиковавшими преимущественно переложную систему лесного земледелия. Среди погребальных комплексов выделяются захоронения с богатым инвентарем, принадлежавшие, по мнению автора, социальной верхушке деревни, не оторвавшейся, правда, от основного средства существования крестьян — земледелия.

П. Н. Третьяков не ставил перед собой задачи полного анализа костромской курганной культуры, а акцентировал основное внимание на периодизации ее развития и реконструкции социально-экономической истории края. Им была использована часть материалов из раскопок КУАК и почти не привлекались находки из могильников более восточного региона, изучавшиеся Ф. Д. Нефедовым. Тем не менее работа Третьякова до настоящего времени остается основным исследованием, посвященным анализу погребальных памятников Костромского Поволжья.

После работ 1920-х — начала 1930-х гг. наблюдается значительный перерыв в изучении костромских средневековых памятников. С 1946 г. восточные и южные районы Костромского Поволжья, расположенные в пределах современной Ивановской области, включаются в зону исследования отряда Ивановского областного музея (а впоследствии отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР), возглавляемого Е. Н. Ерофеевой. В течение ряда полевых сезонов Ерофеева проводила широкие разведочные работы в Кинешемском, Юрьевецком и Наволокском районах Ивановской области, а также на южном пограничье костромской курганной культуры [АИА, р-1, д. 51, 224, 225, 542, 673, 782, 1227, 1445, 1925, 2249, 2537, 2537а, 2894, 3385, 3385а, 3706]. Ей принадлежит и первая сводка археологических памятников Ивановской области [Ерофеева, 1965]. Большой интерес представляют раскопки средневековых могильников, осуществленные Ерофеевой в окрестностях г. Кинешмы, на Волге и ее притоках Мере, Кинешемке и Елнати. В общей сложности ею было вскрыто около 100 захоронений, сконцентрированных преимущественно за пределами курганного ареала, известного по раскопкам предшествующего времени. Кроме

того, еще два кургана в Кинешемском районе были раскопаны в 1954 г. отрядом Горьковской археологической экспедиции [Камандева, 1963, с. 269—273].

В 1976—1978 гг. Волго-Окской новостроечной экспедицией ИА АН СССР (начальник А. Е. Леонтьев) было проведено обследование средневековых памятников в западной части Костромского Поволжья. В Костромском районе обнаружена и полностью изучена курганная группа у д. Коряково, включающая 20 насыпей [Леонтьев, 1977, с. 57, 58; 1978, с. 70; Леонтьев, Исланова, 1979, с. 70; Леонтьев, 1984, с. 176—196]. С 1978 г. в Костромской и Ивановской областях развернула работы Заволжская экспедиция ЛОИА АН СССР, возглавляемая автором настоящей работы. Проведено сплошное обследование известных ранее погребальных памятников, зафиксирован ряд древнерусских селищ, синхронных костромским курганам.

В послевоенный период началось изучение городских центров рассматриваемой территории. М. В. Фехнер осуществила разведочные раскопки в Костроме, подтвердившие существование этого города уже в XII в. [1952, с. 101—108]. Исследования П. А. Раппопорта на территории Галича Мерьского позволили установить, что город был построен на берегах Галицкого озера в XII в. [1959, с. 3—9]. Эти данные имеют важное значение для изучения характера, направления и времени ранней волны славянской колонизации края. Не менее интересны и результаты раскопок уже упоминавшегося выше Дурасовского городища в правобережной части Волжского бассейна: на его материалах получила первое освещение неизвестная ранее культура местного населения в предкурганную эпоху.

В последние десятилетия могильники Костромского Поволжья неоднократно привлекались для изучения этногенетических процессов, происходивших в лесной полосе Восточной Европы в I—начале II тысячелетия н. э. Довольно подробный анализ погребальных памятников содержится в работе Е. И. Горюновой [1961, с. 220—248]. В ней говорится о двух волнах древнерусской колонизации, шедшей в Костромское Поволжье: южной (ростово-суздальской) и северо-западной (новгородской). Начало славянского заселения края Горюнова относит к XI в., а основную массу курганных могильников датирует XII—XIII вв. В вопросе о характере земледельческой колонизации автор солидаризируется с мнением П. Н. Третьякова и считает, что заселение края происходило отдельными семьями. Особое внимание в монографии уделено выявлению традиций местного финноязычного населения и характеристике его культурных особенностей (в частности, реконструкции финской одежды). Дославянское население Костромского Поволжья, по заключению Горюновой, принадлежало к мерянскому племенному союзу, составляя его северо-восточную (или костромскую) группу наряду со второй — центральной (или владимирской). От мери, обитавшей в летописных районах расселения, костромская группировка отличается значительной

культурной близостью к средневековым мари́йским племенам Поволжья. Однако общность в культуре костромской мери и ветлужских мари обусловлена не единством их происхождения, а наличием непрерывающегося контакта населения с посетителями алаштинской, пьяноборской и более поздних культур Вятско-Камского междуречья [Горюнова, 1967, с. 70—78].

Несколько иная точка зрения по этому вопросу высказана В. Ф. Генингом [1967, с. 52—70]. Проанализировав материалы костромских могильников (им использованы лишь данные из раскопок Ф. Д. Нефедова) и сопоставив их с древностями владимирской мери, муромы и мари, автор пришел к выводу о существовании обширной мерянской общности, включавшей эти четыре более мелких подразделения летописного периода. Как полагает Генинг, мерянская общность сформировалась на единой основе более раннего времени — восточном варианте дяковской культуры.

В 1970 г. к костромским курганным материалам вновь обратился П. Н. Третьяков. Высказав мнение о преимущественно новгородской колонизации края, автор подчеркнул ее сложный этнический состав — она включала не только славянские, но и некоторые водекие, ижорские или карельские элементы. Исследователем было сделано интересное сопоставление ареала могильников с финно-угорскими традициями и территорией Мерских станов и волостей, известных по источникам XV—XVIII вв., и выдвинут тезис о финно-угорских «островках», длительное время сохранявших свою культурную автономию в окружении славянских поселений [Третьяков, 1970, с. 129, 135—139].

Костромское Поволжье рассматривалось в качестве самостоятельного раздела в диссертации автора настоящего издания. На основе различий, выявляемых в форме и размерах насыпей, погребальном обряде и инвентаре захоронений, курганные могильники были разделены на две территориально-культурные группы: Костромскую (западную) и Кинешемскую (восточную). Различия между этими двумя подразделениями обусловлены как характером заселения каждого из названных районов, так и неоднородным составом местного финно-угорского населения [Рябинин, 1974а, с. 12—14; см. также: 1979б, с. 96—98]. Один из наиболее ярких элементов костромской финской культуры стал объектом специального рассмотрения в статье «Зооморфные украшения Костромского Поволжья» [Рябинин, 1975, с. 35—39].

Высказанное в 1974 г. заключение о наличии в ареале костромской курганной культуры более мелких локальных подразделений получило подтверждение в статье В. П. Глазова «О курганах Костромского Поволжья» [1977]. Правда, Глазов выделяет не две, а три территориальные группы могильников, но это объясняется тем, что в его работе привлечены материалы раскопок Е. Н. Ерофеевой, в свое время не учтенные нами.

Подводя итоги историографическому обзору современного состояния проблем и источников, связанных с изучением Костром-

ского Поволжья, следует отметить тот пристальный интерес, который всегда вызывал у исследователей крупный и своеобразный по своим культурным особенностям пласт костромских курганов. Он сконцентрирован в одном из тех районов Восточной Европы, где в эпоху средневековья происходило скрещивание различных колонизационных потоков, длительное время протекала ассимиляция местного финноязычного населения, закончившаяся формированием там одной из групп северо-восточных великорусов. Положение Костромского Поволжья на восточной окраине славянского расселения и его близость к финно-угорским областям обусловили длительное сохранение в местной культуре традиций «чуждых» группировок.

На рассматриваемой территории насчитывается в общей сложности около 2900-3000 курганов, зафиксированных в 275 пунктах (см. Список погребальных памятников). В процессе археологических раскопок было исследовано 1890 насыпей в 225 группах. Полевая документация имеется для 1670 комплексов, рассматриваемых в настоящей работе. Последние составляют свыше половины всего фонда костромских курганов, исследованы равномерно на всей территории Костромского Поволжья и являются, таким образом, достаточно прочной и надежной основой для изучения средневековой культуры этого древнерусского региона.

СЕЛЬСКИЕ МОГИЛЬНИКИ КРАЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ

Курганные кладбища Костромского Поволжья расположены по обоим берегам Волги и в бассейнах ее притоков. Выделяются три территориальных скопления (группы) погребальных памятников между которыми расположены зоны, лишенные средневековых могильников (см. рис. 1).

Первая группа памятников локализуется в западной части костромского течения Волги и занимает на правобережье междуречья Черной и Кубани, а на левобережье — бассейны Стежеры, Покши и ее притока Сендеги. К этому же ареалу примыкают немногочисленные могильники, известные в низовьях Костромы и на ее притоках Мезе и Андобе, а также в бассейнах правых притоков Волги — Солоницы и Шачи. Всего в данном регионе, условно названном Костромским (или западным), насчитывается 149 курганных групп, включающих 1700—1800 насыпей. Именно здесь, в окрестностях Костромы, развернула свою исследовательскую деятельность КУАК. Всего в Костромском регионе раскопано 1232 кургана, из которых 1012 могут быть использованы для научного анализа.

Второе скопление памятников намечается ниже по Волге примерно в 15 км к востоку от ее правого притока — р. Шачи. Оно занимает оба берега Волги и ее притоки Колдому, Шехонку, Локшу, Кистегу, Сунжу (от г. Пlesa до устья Кистеги). Эту территориальную группу — Колдомо-Сунжинскую (или центральную)¹ в последующем изложении — отделяет от Костромского региона почти 30-километровый участок волжской речной артерии на котором известны лишь единичные курганные могильники. В Колдомо-Сунжинском регионе зарегистрировано 96 погребальных памятников, содержащих около 1000 курганов. 576 насыпей исследованных преимущественно Ф. Д. Нефедовым, создают базу для изучения данного массива могильников.

Еще одно скопление памятников выявляется в восточной части костромского течения Волги в 14—15 км от Колдомо-Сунжинского региона. Основная часть могильников концентрируется в окрест-

¹ В работе приняты наименования курганных массивов, предложенные В. П. Глазовым [1977, с. 37—41] и, на наш взгляд, наиболее четко определяющие их территориальное размещение.

ностях г. Кинешмы, в бассейнах мелких волжских притоков — Кинешемки, Ваги, Черной, Елнати — и в низовьях Меры. Это **Кинешемский (или восточный) регион**. Здесь зарегистрирована 21 курганная группа, включающая 150—200 насыпей. Условно к данному региону отнесено еще семь могильников, известных к юго-востоку от кинешемских захоронений на меридиональной к юго-востоку от кинешемских захоронений на меридиональной излучине Волги в бассейне ее левого притока — Ломки. Всего на восточной периферии Костромского Поволжья Е. Н. Ерофеевой и Ф. Д. Нефедовым исследовано 87 курганных комплексов.

подавляющее большинство средневековых могильников тяготеет к прибрежным участкам Волжского бассейна. Исключением являются две курганные группы на р. Шуге (№ 274, 275).² Эти памятники оставлены древнерусскими поселенцами, продвинувшимися в глубь лесного Заволжья более чем на 100 км от основной магистрали и осевшими в 30 км к востоку от Галицкого озера. Тем не менее расположение в бассейне левого притока Волги позволяет рассматривать обе северные курганные группы в числе памятников Костромского Поволжья.

В литературе уже неоднократно отмечалась одна особенность костромских могильников: многочисленность курганных групп при малом количестве составляющих их насыпей [Анучин, 1899, с. 238; Бекаревич, 1901, с. 440; Третьяков, 1931, с. 8—10; Горюнова, 1961, с. 222; Генинг, 1967, с. 61]. Наиболее ярко это проявляется в районах скопления погребальных памятников. Например, в бассейне Покши — Стежеры на площади 20×18 км зарегистрировано 70 групп, содержащих свыше 700 насыпей; на правобережье Колдомо-Сунжинского региона участок 18×6 км занят 38 могильниками, включающими 400 курганов.

Точное количество насыпей установлено для 200 памятников. Из них 14 содержали по одному кургану, 20 — два-четыре, 18 — пять, 17 — шесть, 16 — семь, 24 — восемь, 17 — 9—10, 27 — 11—15, 19 — 16—20, 15 — 21—25, пять — 26—30, восемь — свыше 30. Таким образом, подавляющее большинство могильников (86 %) насчитывало до 20 насыпей, причем отмечается преобладание групп, включающих не более 10 захоронений (65 %). Лишь для 4 % учтенных могильников число погребальных комплексов превышает 30. Наиболее крупные некрополи отмечены в верхнем течении Сендеги (до 40—45 насыпей) и в Колдомо-Сунжинском регионе, где известны группы, включающие до 50 (№ 198) и даже 70 (№ 72) курганов.

Средневековые кладбища расположены, как правило, близ рек, мелких безымянных речек и впадающих в них ручьев, занимая возвышенные участки местности — крутые и обрывистые берега, вершины естественных всхолмлений, склоны оврагов. В Приволжье могильники сооружались на верхней террасе коренного

² Здесь и далее в скобках приведены помера курганных групп и входящих в них погребальных комплексов (даются курсивом после запятой; см. с. 18), перечисленные в Списке погребальных памятников.

берега Волги, лишь изредка встречаясь на его средней террасе. В районах скопления памятников курганные группы образуют сплошную цепочку, тянущуюся вдоль берегов Волги (Колдомо-Сунжинский регион) и по ее притокам (особенно в бассейнах Покши, Сендеги и Колдомы). Расстояние между соседними группами на этих участках нередко составляет 0.5—1.0 км. Лишь незначительное число рассматриваемых кладбищ зарегистрировано на сравнительном удалении от рек (5—7 км), но и в таких случаях можно предполагать их топографическую привязку к пересохшим в настоящее время руслам мелких речек и ручьев или к берегам небольших водоемов, превратившихся позднее в болота. В целом же древнерусские памятники Костромского Поволжья обнаруживают отчетливо выраженное тяготение к речным артериям.

Курганные кладбища состоят из насыпей, образующих компактные группы или же разбросанных на площади могильного поля. Известны единичные случаи, когда внутри могильника намечается не одно, а два курганных «ядра», отстоящих друг от друга на 40—80 м, но последнее обстоятельство объясняется, по-видимому, рельефом местности — наличием на ограниченной площади нескольких всхолмлений, на которых и сооружались погребальные насыпи. При раскопках Ф. Д. Нефедова в восточных районах Костромского Поволжья неоднократно отмечалось обособленное положение отдельных курганов в могильнике (№ 158, 162, 170, 171, 176, 200, 205, 218, 220, 221, 222а, 223). По имеющимся данным, такие «особняки» могли отстоять от группы на 30—40 и даже 100—120 м.

Костромские насыпи неоднородны по своим размерам. Наряду с незначительными по величине курганами встречаются огромные искусственные всхолмления — высотой до 3 м и более:

Количество курганов	Высота (м)	Количество курганов	Высота (м)
63	0.20 - 0.30	59	1.41 - 1.60
93	0.31 - 0.40	22	1.61 - 1.80
138	0.41 - 0.50	64	1.81 - 2.00
146	0.51 - 0.60	9	2.01 - 2.20
117	0.61 - 0.70	25	2.21 - 2.40
117	0.71 - 0.80	15	2.41 - 2.60
79	0.81 - 0.90	4	2.61 - 2.80
141	0.91 - 1.00	17	2.81 - 3.00
63	1.01 - 1.20	9	Свыше 3.00
54	1.21 - 1.40		

При сопоставлении размеров насыпей наиболее ярко проступают их различия в двух крупных регионах: Костромском и Колдомо-Сунжинском. Исходя из того что там исследовано свыше 95 % всех курганов с известными размерами высот и основания, будет более целесообразным рассмотреть последние по двум территориальным группам памятников (рис. 2).

Для Костромского погребального массива (западного) наиболее характерны курганы высотой 0.3—0.8 м (536 насыпей). Они составляют 78.1 % насыпей этого региона. Лишь в 19 случаях

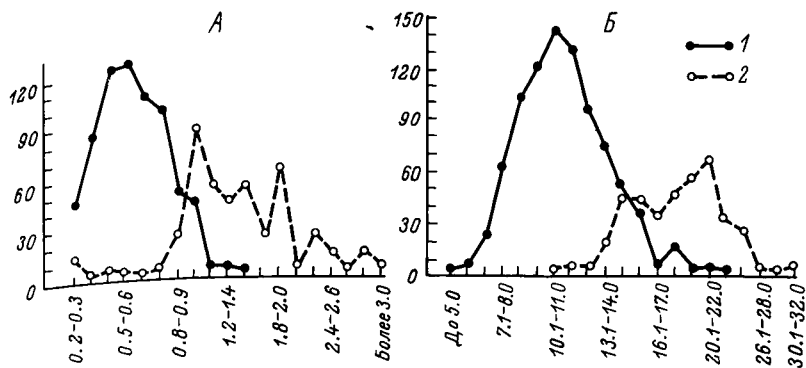

Рис. 2. Размеры насыпей Костромского (1) и Колдмо Суужинского (2) курганных регионов.

На оси ординат — количество курганов; абсцисс: А — высота (м), Б — длина окружности основания (м).

(2.2 %) встречены курганы высотой более 1 м. У 251 насыпи высота не превышает 50 см. Известны могильные холмики, поднимающиеся над поверхностью всего на 0.2—0.3 м.

Небольшие размеры имеют и основания курганов.³ Лишь в 10 случаях (1.3 %) окружность основания превышала 18 м (т. е. диаметр был более 6 м). Самыми распространенными являются насыпи диаметром 3 - 4 м (49.1 %), но часто встречаются и курганы, диаметр которых составляет 2—3 (24.5 %) и 4—5 м (15.5 %).

Совсем иная картина выявляется в центральном регионе рассматриваемой территории. Здесь лишь 10 % учтенных насыпей имеют высоту менее 0.8 м. У 66.1 % курганов высота составляла от 1 до 2 м, у 15.9 % (75 насыпей) превышала 2 м. Встречаются курганы высотой более 3 м, а уникальная по величине «сопко-видная» насыпь с остатками трупосожжения, раскопанная Ф. Д. Нефедовым на правобережье Волги, достигала в высоту 4.38 м (№ 155, 4).

У большинства колдмо-суужинских курганов длина окружности 15 - 24 м, их исчисляемый диаметр 5 - 8 м (72 %). В 33 случаях диаметр основания достигал 8—10 м (9 %). Следует отметить

³ Определение размеров насыпей вызывает большие затруднения вследствие недостаточной полевой документации дореволюционных раскопок. Ф. Д. Нефедов отмечал лишь длину окружности курганов, не указывая диаметра. Члены КУАК фиксировали как длину окружности, так и диаметр основания большинства насыпей, но приводимые ими сведения не всегда могут быть приняты с доверием. Поэтому в основу наших подсчетов положены сведения о размерах окружности. Для выделенных статистически серий курганов с единым метрическим диапазоном затем определялся суммарный диаметр их основания по элементарной геометрической формуле. Полученные данные проверялись и корректировались с учетом немногочисленных материалов послереволюционных раскопок. Естественно, что насыпи овальных (вытянутых) очертаний были из таких подсчетов исключены.

несколько необычные пропорции насыпей центрального региона; соотношение их высоты и диаметра обычно 1:3.

В сравнительно немногочисленных погребальных памятниках, исследованных в восточной части Костромского Поволжья - в окрестностях Кинешмы и на меридиональной излучине Волги, встречаются как крупные насыпи, так и невысокие всхолмления, преобладающие в западном регионе. В целом же для этой территории наиболее характерны курганы высотой 0,4—1,0 м (72 % учтенных комплексов).

Различия проявляются также в форме насыпей и в конструктивных деталях их сооружения (каменная обкладка основания или поверхности, ровики). Следует, правда, сказать, что далеко не во всех случаях старые исследователи обращали должное внимание на внешние признаки курганов и приводимое ими описание насыпей часто носит субъективный характер, не подкрепленный графической документацией.

В западном регионе распространены лишь круглые в плане, полусферические насыпи. Только два близко расположенных могильника, зафиксированных на правом берегу Волги, включали овальные курганы (№ 28, 29), причем в группе у д. Пепелино они располагались на периферии средневекового кладбища с обычными полусферическими насыпями.⁴

Вытянутую овальную форму имел одиночный курган «Волотова могилы», раскопанный на р. Шаче. Крупные размеры этой насыпи, достигавшей в высоту 2 м, позволяют отнести ее скорее к памятникам не Костромского, а Колдомо-Сунжинского региона.

Насыпи центрального и восточного районов курганной культуры более разнообразны. В дневниках Ф. Д. Нефедова содержатся сведения о круглых (273), сопковидных (123), конических (8) и усеченно-конических курганах, а также о всхолмлениях овальной формы (56). Круглые и овальные в плане курганы исследовала в окрестностях г. Кинешмы и Е. Н. Ерофеева. Отмеченные выше характерные пропорции колдомо-сунжинских курганов, очевидно, и определили появление в отчетах Нефедова терминов «сопка», «конус» и «усеченный конус». Чем, однако, они отличаются друг от друга и от круглых полусферических насыпей, автор не сообщает. Можно было бы предположить (вслед за Е. И. Горюновой [1961, с. 222]), что конусовидные и сопкообразные курганы выделялись среди полушарообразных своими крупными размерами. Обращение к материалам Нефедова показывает, что «сопки» имеют высоту 1,0—3,5 м, окружность основания — 13—32 м. Но такие же размеры и пропорции в целом характеризуют и насыпи, отнесенные исследователем в разряд круглых. Высота курганов-«конусов» составляла 1,5—2,0 м при длине окружности 18—26 м. Усеченно-

⁴ «Продолговато-округлые» очертания имели также курганы в группе I у с. Куликова, раскопанные в бассейне Пожи (№ 119). Однако на форму насыпей здесь могли оказать воздействие природные факторы, что признавали и сами исследователи этого могильника [Бекаревич, 1901, с. 440].

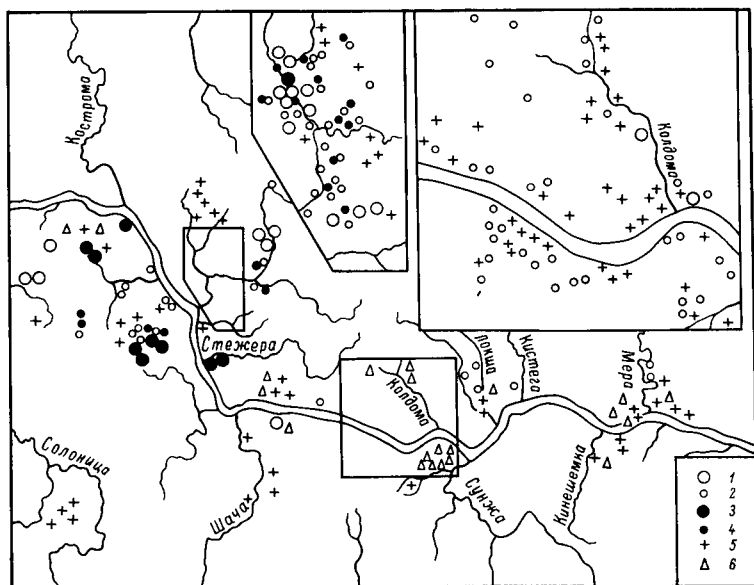

Рис. 3. Территориальное распределение разновидностей погребальных памятников Костромского Поволжья.

1 - группы из насыпей с каменным венцом по основанию, 2 - включающие насыпи с каменной обкладкой основания, 3 - из насыпей с поверхностной каменной вымосткой, 4 - включающие насыпи с поверхностной вымосткой, 5 - не содержащие курганов с каменными конструкциями; 6 - насыпи овальной формы.

конические насыпи имеют высоту 1.4—3.6 м (большинство — 2.0—2.5 м) при обычных размерах окружности 22—28 м. Таким образом, если для конических и усеченно-конических курганов можно допустить несколько более крупные размеры по сравнению с полушарообразными насыпями Колдомо-Сунжинского региона, то курганы-«сопки» таких заметных отличительных черт не проявляют. Очевидно, главным критерием для Нефедова при выделении форм искусственных земляных сооружений являлись внешние очертания насыпей: крутизна боковых сторон у конических и сопковидных курганов, уплощенная верхняя площадка у усеченно-конических.⁵

Ареал выделенных Ф. Д. Нефедовым «сопок» и «усеченных конусов» охватывает весь Колдомо-Сунжинский регион, за исключением бассейна Сунжи. Конические курганы зафиксированы только на правом берегу Волги, но также отсутствуют на Сунже. Насыпи овальной и продолговатой формы локализуются на территории центрального курганного массива, концентрируясь в бас-

⁵ Обследование Заволжской экспедицией курганных групп, исследовавшихся КУАК и Ф. Д. Нефедовым, подтвердило данные о значительном различии в размерах насыпей Колдомо-Сунжинского и Костромского регионов. Однако судить о форме курганов, разрытых колодцами и траншеями, уже не представляется возможным.

сейне Сунжи и встречаясь к северу и западу от ареала крутобоких сопковидных курганов. Далее к востоку они становятся характерной группой погребальных сооружений Кинешемского региона, входя в состав более половины исследованных могильников этой территории (рис. 3, 6).

В большинстве все эти разновидности насыпей встречаются в одних группах с полусферическими курганами. Ф. Д. Нефедов приводит данные о девяти могильниках, состоящих только из «сопок» (три-семь насыпей в каждом). Семь из них локализируются к северу от Волги. В двух случаях зафиксировано обособленное положение одиночных курганов усеченно-конической формы.

Уже отмечалось периферийное положение овальных насыпей в могильнике близ д. Пепелино. Такая же топография их размещения устанавливается и по материалам работ последних десятилетий в Кинешемском Заволжье (№ 247, 255, 256). Овальные насыпи или располагаются на окраине группы из полусферических курганов, или же образуют однородные скопления внутри могильника. Кроме того, известно восемь погребальных памятников, содержащих одни овальные либо продолговатые насыпи (№ 150, 178, 218, 220, 229а, 231, 254, 255). В Колдомо-Сунжинском регионе две такие группы обнаружены к югу от Волги, а четыре — на берегах ее северного притока — Локши. К северу же от Волги зафиксированы два могильника, открытых Е. Н. Ерофеевой в Кинешемском Заволжье.

Крупные насыпи сопковидной (конической) формы оказываются, таким образом, характерной особенностью только центрального, а овальные в плане курганы — центрального и восточного отделов костромской курганной культуры. Крутобокие насыпи, напоминающие своими пропорциями колдомо-сунжинские, известны на соседних территориях — в Суздальском Ополье [Рябинин, 1979, с. 230, 231] и на Верхней Волге [АЛОИА, ф. 1, д. 1906/30; Горюнова, 1961, с. 217]. В Тверском Поволжье зарегистрированы конические насыпи с уплощенным верхом [АЛОИА, ф. 1, д. 1906/30; Плетнев, 1903, с. 225—227]. Овальные насыпи встречаются на северных притоках Клязьмы, сближающихся своими верховьями с костромским течением Волги (Семухино, Вознесенский посад, Курьяново) [АЛОИА, ф. 1, д. 1863/3; АИА, р-1, д. 3385, 3385а; Спицын, 1905, с. 92, 93; Ерофеева, 1976, с. 216—225]. Подобные курганы известны в Углицком (Кривец, Жуковка) и Тверском (Каменка) Верхневолжье [Ушаков, 1879, с. 281—286; 1890, с. 216—225; Спицын, 1899, с. 222; Плетнев, 1903, с. 225—227], а также в славяно-мерянском могильнике у д. Киучер в Суздальском Ополье [АЛОИА, ф. 2, д. 1926/146; АИА, р-1, д. 2101]. В целом ареал аналогичных овальных насыпей охватывает зону верхнеднепровской кривичской колонизации, но сами памятники характеризуются при этом еще наличием ярко выраженного местного финно-угорского субстрата.

В 621 случае зафиксировано применение камня при сооружении насыпей (40 % всех документированных комплексов).

Таблица 1

Использование камня при сооружении насыпей (данные по курганным группам)

Регион	Включают насыпи с каменными конструкциями	Состоит из насыпей			
		без каменных конструкций	с обкладкой по основанию	с поверхностью вымосткой	с обкладкой по основанию и поверхностью вымосткой
Костромской	39	35	19	8	8
Колдомо-Сун- жинский	32	48	4		
Кинешемский		13	1		

У 501 кургана основание было окружено венцом из одного или нескольких рядов валунов (в Колдомо-Сунжинском регионе преимущественно из обломков плитняка — опоки), поверхность 120 насыпей покрыта сплошной каменной вымосткой. Отмечено и сочетание обкладки основания из крупных валунов с вымосткой насыпи более мелкими камнями.⁶ Иногда венец заменялся несколькими валунами, поставленными с четырех сторон кургана.

Указанная традиция определяет своеобразие западного региона рассматриваемых погребальных памятников (см. рис. 3, 1—5). Здесь сосредоточены 75 % насыпей с обкладкой основания (376 комплексов) и все курганы с поверхностной вымосткой. Количественно они даже несколько превышают число насыпей без каменных конструкций (соответственно 496 и 472). В центральном регионе курганы с венцом по основанию составляют только 16 % исследованных земляных сооружений, а в восточном (Кинешемском) они уже почти полностью отсутствуют (исключением является могильник у д. Влечихи на р. Мере, все девять курганов которого были окружены кольцом из камней). Таким образом, наблюдается несомненное ослабление этой ритуальной черты к востоку от Костромского курганного массива. Это же подтверждается и сопоставлением количества групп, содержащих только насыпи с поверхностными каменными конструкциями. В западном регионе насчитывается 35 таких групп, в центральном — только четыре, в восточном — всего одна (табл. 1).

Отмечая концентрацию насыпей с каменными конструкциями в западном регионе курганной культуры, следует отметить, что на его периферии (бассейны Солоницы и Шачи, верховья Сендеги) эта ритуальная традиция уже неизвестна.

Какой-либо корреляции каменных конструкций с формой насыпи не наблюдается. Обкладку основания имеют 18-20 % полусферических (круглых), сопковидных и овальных насыпей и 31 % конусовидных.

Как известно, кольцевая обкладка основания погребальных насыпей наиболее характерна для Новгородской земли [ср., напр.:

⁶ Ср. описание могильника у д. Турыгиной [Бекаревич, 1901, с. 417, 418].

Седов, 1970а, с. 31]. Нередко подобные конструкции встречаются и в могильниках Ростово-Суздальской земли, причем, как это уже отмечалось первым исследователем Владимирских курганов А. С. Уваровым, а позднее и А. А. Спицыным, наблюдается заметное увеличение курганов с венцами из камней к востоку от летописных районов расселения мери — озер Неро и Плещеево [Уваров, 1871, с. 692; Спицын, 1905, с. 98].⁷ Группы, целиком состоящие из насыпей с кольцевой обкладкой основания, зафиксированы в нижнем и среднем течении Нерли Клязьминской, т. е. в относительной близости от водораздела костромского участка Волги и Клязьмы.

В области славяно-финского расселения известны и погребальные сооружения с поверхностной вымосткой из камней. Такие вымостки, по заключению Е. И. Горюновой, — довольно частое явление в районах кривичской колонизации [1961, с. 224]. Насыпи с каменным поверхностным покрытием обнаружены в Суздальском Ополье [Спицын, 1899, с. 214; 1905, с. 99; Рябинин, 1979а, с. 241, 242], в бассейне р. Москвы [Городцов, 1928, с. 546, 547], на Верхней Волге [Кельсиев, 1879, с. 295—308, 347—349; Жизневский, 1890, с. 699; Плетнев, 1903, с. 225—227]. Погребения Зубаревского курганного могильника XI—XII вв., исследованного Горюновой в бассейне Шексны и отнесенного ею к мерянским памятникам, были также отмечены вымосткой из мелких камней [1954, с. 153, 154]. Территориально близок к костромским курганам памятник, изученный в 1907 г. Ю. Г. Гендуне на оз. Рубском и топографически тяготеющий к бассейну Уводи [АЛОИА, ф. 1, д. 1907/67]. Две группы этого могильника состоят из полушарообразных курганов, обложенных по основанию двумя рядами валунов и вымощенных по поверхности мелкими камнями.

Рассматривая костромские погребальные древности, А. А. Спицын обратил особое внимание на так называемые могильцы — невысокие, едва заметные насыпи продолговатой формы, обложенные камнями. По его предположению, эта форма насыпей развилась из более ранних курганов [Спицын, 1899, с. 232]. Немногочисленные «могильцы» известны в пограничной зоне между Костромским и Колдмо-Сунжинским регионами и в центральном курганном массиве ниже г. Плеса. К «могильцам» относятся и насыпи у д. Становщиково, на правом берегу западного региона. Памятники эти, однако, фактически не исследовались, и их характер остается неясным.⁸

В отчетах КУАК почти не содержится сведений о наличии канавообразных углублений или ровиков вокруг курганов. Возможно, авторы раскопок их просто не отмечали. Во всяком случае в краткой заметке о первых широких раскопках на право-

⁷ Как отмечал А. А. Спицын, «это особенность восточных районов, хотя и не исключительная».

⁸ Известно лишь, что при случайных раскопках «могильцев» находили топоры, цепочки, подвески в виде коньков и иной вещевой материал.

бережье Костромского региона, осуществленных в 1882 г. С. Дмитриевым и Н. М. Бекаревичем, сообщается, что вокруг каждой из 134 раскопанных насыпей «существуют канавы, из которых, может быть, была взята земля для курганов» [см.: Миловидов, 1890а, с. 119—121]. В более позднее время ровики вокруг насыпей зафиксированы В. И. Смирновым и А. Е. Леонтьевым в Пепелинской и Коряковской группах, также расположенных на правобережье Костромского региона. Примечательно, что в обоих последних случаях они окружали овальные насыпи, столь редкие в западной части рассматриваемой территории. О наличии канавок вокруг курганов неоднократно писал в своих дневниках Ф. Д. Нефедов (21 насыпь в 11 группах). Ровики с одной, двух, реже — с трех сторон насыпи отмечались в Колдомо-Сунжинском и Кинешемском регионах Е. Н. Ерофеевой и в бассейне Немды А. Н. Смирновым. Известны случаи сочетания кольцевой обкладки из камней с ровиками и канавками (№ 154, 161, 183). О ритуальном назначении ровиков свидетельствуют остатки кострищ в их заполнении, открытые при раскопках последних десятилетий.

Захоронения встречены в 76.7 % документированных комплексов. В 390 курганах никаких следов погребения не обнаружено. Такая довольно значительная цифра «пустых» насыпей обусловлена рядом причин, в первую очередь несовершенной методикой старых раскопок, в процессе которых не всегда удавалось проследить остатки плохо сохранившихся захоронений. Кроме того, в дневниках исследователей неоднократно отмечались случаи кладоискательских перекопов курганов, уничтоживших погребения. Вместе с тем следует сказать о серии «пустых» насыпей, содержащих вещевой материал (часто целыми наборами). Из 28 курганов этой серии 70 % локализовано в бассейне р. Сендеги. На ее берегах отмечается к тому же и необычайно высокий процент насыпей, в которых не было ни захоронений, ни предметов погребального инвентаря (101 из 361 раскопанной насыпи). В Колдомо-Сунжинском регионе все известные комплексы без следов погребения, но содержащие вещевой материал, сконцентрированы в одном могильнике на р. Колдоме (№ 227, 1—4). Не исключено, что какая-то часть «пустых» насыпей имела меморативный характер.

Распространение курганной культуры в Костромском Поволжье относится к эпохе господства обряда трупоположения. Из 1670 документированных погребальных комплексов лишь 15 содержали несомненные остатки кремации. При этом они не составляют, как правило, отдельных могильников, а лишь «вкраплены» в группы со скелетными захоронениями. Курганы с трупосождениями известны в западном и центральном регионах, но отсутствуют в окрестностях Кинешмы (см. рис. 4, 1). В Костромском регионе такие комплексы определяют своеобразие пяти могильников на правобережье Волги и двух групп на ее левом притоке — Покше (№ 15, 28, 32, 36, 56, 80, 101). В Колдомо-Сунжинском регионе сожжения отмечены в трех пунктах на

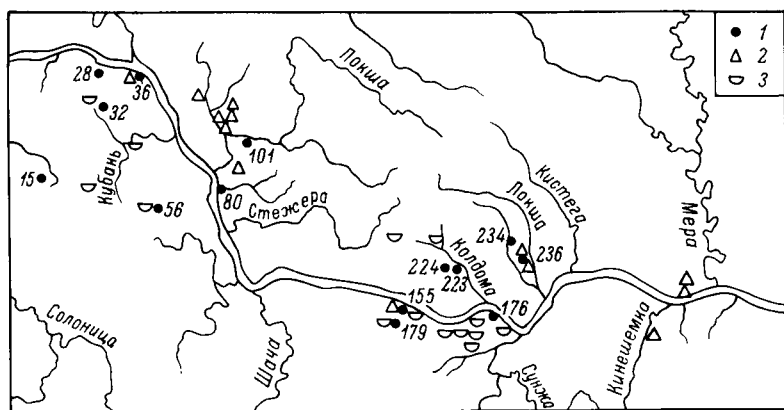

Рис. 4. Территориальное распространение курганов с трупосожжениями и ритуальными кострищами.

1 — погребения по обряду кремации; 2 — курганы с крупными кострищами в основании насыпи; 3 — то же, с миниатюрными кострищами.

правобережье Волги и в трех — на ее левых притоках — Колдоме, Локше и Шехонке (№ 155, 176, 179, 223, 224, 234, 236). Возможно, что действительное число комплексов с остатками кремации было более значительным: в Костромском регионе, преимущественно на левобережье, исследован ряд насыпей без следов захоронения, включавших мощные слои угля и золы — толщиной до 25 см (№ 36; 46, 3; 140, 1—6; 141, 3, 6, 11; 146, 2—8). Однако источниковедческие возможности материала не позволяют с уверенностью связывать эти курганы с сожжениями.

По отчетам дореволюционных исследователей крайне трудно восстановить характер обряда кремации и тем более выявить его детали. Судя по имеющимся данным, в Костромском регионе представлены трупосожжения на стороне, во всех известных случаях встреченные на уровне горизонта. Так, в кург. 3 у д. Гоменки (№ 80) остатки кремации были сложены в груду, причем вместе с ними находились куски слегка обожженной бересты; очевидно, прах умершего при помещении на погребальную площадку был завернут берестой или покрыт ею. В кург. 4 у с. Городища (№ 36) вместе с частичками кальцинированных костей был обнаружен развал крупного сосуда баночной формы «грубой работы из слабо обожженной глины с примесью хряща», толщина стенок которого достигала 0,5—2,0 см; внутренняя поверхность горшка была покрыта углистым нагаром. Аналогичное скопление керамики с углистым покрытием внутренних стенок зафиксировано среди остатков кострища в кург. 2 того же могильника, где не было следов захоронения. И наконец, фрагменты глиняной посуды встречены в слое угля и пережженных костей Карповского могильника (№ 56). Находки сосудов позволяют предполагать наличие в Костромском регионе урновых захоронений. Такие погребения

известны, в частности, в ранней группе могильников соседних территорий — Суздальского Ополя и Ярославского Поволжья [ср.: Ярославское Поволжье. . ., 1963; Рябинин, 1979а, с. 231, 232].

Интересным представляется открытие в Карповском могильнике рядом с насыпью, содержащей остатки кремации, двух четырехугольных ям глубиной около 2 м, заполненных углем и золой. Их назначение остается непонятным, однако сам факт расположения данных объектов в непосредственной близости от кургана с сожжением заслуживает внимания. Обращаясь к материалам средневековых могильников волго-окских финнов (мари, муромы, мордвы), можно указать на сходные углубления, заполненные углем и золой и также располагавшиеся рядом с погребениями по обряду кремации. Это кремационные ямы, в которых производилось сжигание трупов [Горюнова, 1953, с. 36; Жиганов, 1961, с. 160, 161; Архипов, 1973, с. 16].⁹

В Колдомо-Сунжинском регионе сконцентрированы курганы, содержащие, по-видимому, трупосожжения на месте. Остатки кремации располагались в основании погребальных насыпей высотой 1,6–3,65 м. Одно такое сожжение зафиксировано в самом большом кургане Костромского Поволжья — сопковидной насыпи высотой 4,38 м (№ 155, 4). При исследовании курганов встречены мощные слои крупного угля, обожженных кусков дерева и золы, достигавшие толщины 1,0–2,3 м. В трех случаях среди определенных деревянных деталей были отмечены остатки обугленных лодок и в одном — полозья от саней (№ 155, 4; 173, 6; 179, 7; 223, 6). В кургане близ д. Левашихи (пустошь Сухарева) удалось выявить контуры сгоревшей лодки по углисту пятну длиной 3 м и шириной 1,75 м.¹⁰

Сведения о сожжениях в деревянных конструкциях страдают крайней лаконичностью и не могут быть проверены на современном уровне раскопок. Вместе с тем нельзя исключать и возможность проявления в Костромском Поволжье интереснейшей погребальной обрядности, отголоски которой прослеживаются в средневековых письменных источниках и на этнографическом материале.¹¹

⁹ Правда, в данном случае такие ямы располагались рядом лишь с одним сохранившимся курганом, содержащим трупосожжение. Но, по сообщению П. М. Бекаревича, ранее здесь находилась целая курганная группа, уничтоженная к моменту раскопок распахкой [А.ЮИА, ф. 1, д. 1892/53; Бекаревич, 1894, с. 34].

¹⁰ Отметим, что в двух случаях определение деревянных конструкций в курганах было выполнено специалистом — присутствовавшим на раскопках лодочным мастером [Анучин, 1899, с. 239].

¹¹ Еще до раскопок Ф. Д. Нефедова появилась большая работа Д. Н. Анучина, посвященная роли саней, ладей и коней в похоронном обряде [1890, с. 81–226]. На богатейшем этнографическом и историческом материале автор выявил реальные доказательства наличия в древности погребального ритуала, включающего использование саней и лодок для захоронения умерших. Некоторые отголоски такого обряда отразились в древнерусских письменных источниках; у приуральских и волжских финнов еще в прошлом столетии наблюдался обычай отвозить покойников на погост непременно в санях, причем последние оставались

Исключением из колдомо-сунжинских курганов с сожжениями является насыпь у д. Зимнево, раскопанная Е. Н. Ерофеевой на р. Локше (№ 235, 54). Она незначительна по размерам, овальной формы, высотой 0.2 м. В ней была обнаружена подкурганная могильная яма, заполненная золой. В погребении встречены лишь четыре кальцинированные косточки, ряд металлических предметов и обломки керамики, образующие два обособленных комплекса (мужской и женский). Примечательно, что этот единственный документированный факт сожжения на стороне зафиксирован в насыпи, явно нетипичной для центрального курганного массива, и поэтому, вероятно, не связан с местными региональными традициями.

Пережитком обряда сожжения являются ритуальные кострища в основаниях курганов (см. рис. 4, 2, 3). Они зафиксированы лишь в 53 насыпях (26 могильников). При этом из 24 курганов Костромского региона с углистым слоем на горизонте 17 (70 %) оказались без следов захоронения. Большинство ритуальных кострищ (41 курган) — крупные углистые линзы под костяками; в трех насыпях кострища перекрывали подкурганные могильные ямы. Такие кострища локализуются в левобережной части Костромского и Колдомо-Сунжинского регионов (две курганные группы на р. Локше), встречаясь и в окрестностях Кинешмы. Лишь в двух случаях они обнаружены на правобережье двух первых регионов.

В 12 насыпях вместо крупных кострищ под костяками встречены небольшие зольно-углистые линзы, располагавшиеся у головы или ног умершего. Вместе с ними постоянно попадают фрагменты керамики, а в двух случаях сохранились целиком горшки, поставленные на миниатюрные кострища. Иным оказывается и ареал курганов с этой обрядовой традицией, охватывающий лишь правобережье Костромского и Колдомо-Сунжинского регионов. Обращает на себя внимание крайне слабое распространение кострищ на горизонте в левобережной части центрального региона (исключение составляют лишь отмеченные выше две группы на р. Локше).

Значительно чаще в курганах попадают зольно-углистые прослойки. Они прослежены в 255 насыпях, входящих в состав 83 могильников (15 % всех исследованных комплексов). Курганы с углями в насыпи довольно равномерно распространены на всей территории Костромского Поволжья. Особенно интенсивные прослойки угля и золы встречены в ряде насыпей на левобережье западного региона (№ 96, 140, 141, 148).

Погребения по обряду труположения представлены захоронениями на горизонте, в насыпи и подкурганных могильных ямах (табл. 2). К сожалению, далеко не всегда удается установить

затем на могиле. Вместе с тем следует оговорить, что костромские захоронения не имеют пока прямых аналогий на синхронном и территориально близком археологическом материале: сожжения в ладах великокняжеской поры, известные в раннегородских некрополях Руси, не могут быть поставлены в прямую взаимосвязь с сельскими погребальными комплексами предмонгольской эпохи.

Таблица 2

Погребения разного уровня (данные по комплексам)

Регион	В насыпи	На горизонте	Ниже горизонта, см									Неопределенная глубина	Всего
			20—30*	31—40	41—50	51—60	61—70	71—80	81—90	91—100	свыше 100		
Костромской	12	287	60	59	46	24	18	10	2	1	1	—	520
Колдомо-Сувижский	19	340	15	3	2	—	—	1	1	1	—	23	405
Кинешемский		27	13	4	6	—	—	4	—	—	—	1	55
Бассейн Немды (Турово)			5	2	1	1	—	—	—	—	—	—	9
Итого...	31	654	93	68	55	25	18	15	3	2	1	24	989

* В графу включены некоторые захоронения и в более мелких могильных ямах Колдомо-Сувижского и Кинешемского регионов.

уровень положения умершего. Члены КУАК до 1895 г. отмечали в отчетах лишь глубину захоронения, не указывая высоты самой насыпи. В последующие годы размеры курганов фиксировались, а уровень погребений отсчитывался от вершины насыпи. Однако и в этом случае остается непонятным положение костяков в довольно многочисленной группе погребальных комплексов (80 курганов), где глубина залегания умерших на 10—15 см превышала высоту насыпи. Были ли это захоронения на материке или в очень неглубоких подкурганых ямах? Условно такая группа отнесена нами к числу погребений на горизонте.¹²

Наиболее многочисленными в Костромском Поволжье являются погребения в основании насыпи — 66 % документированных комплексов. Эта цифра еще более увеличится, если учесть, что при раскопках в 1882 г. С. Дмитриевым и Н. М. Бекаревичем 134 курганов на правом берегу Костромского региона все обнаруженные захоронения, по утверждению исследователей, «оказались на уровне с окружающей их почвой, следовательно, покойников клали на поверхность материка» [см.: Миловидов, 1890а, с. 120].

32 % костромских курганов содержали погребения в подкурганых могильных ямах. Преобладают относительно мелкие могилы — глубиной до 50 см (71 %). Лишь в 21 насыпи (7 %) ямы оказались врезанными в материк на 70—110 см. Об их форме можно судить по материалам раскопок Е. Н. Ерофеевой и А. П. Смирнова.

¹² Анализ материалов раскопок Ф. Д. Нефедова, отмечавшего в большинстве случаев и положение умерших относительно насыпи, и глубину их залегания от вершины кургана, показал, что захоронения на материке часто бывают на 10—20 см ниже отмеченной высоты кургана. Разумеется, вполне возможны и исключения, но установить их для рассматриваемых курганов западного региона не представляется возможным.

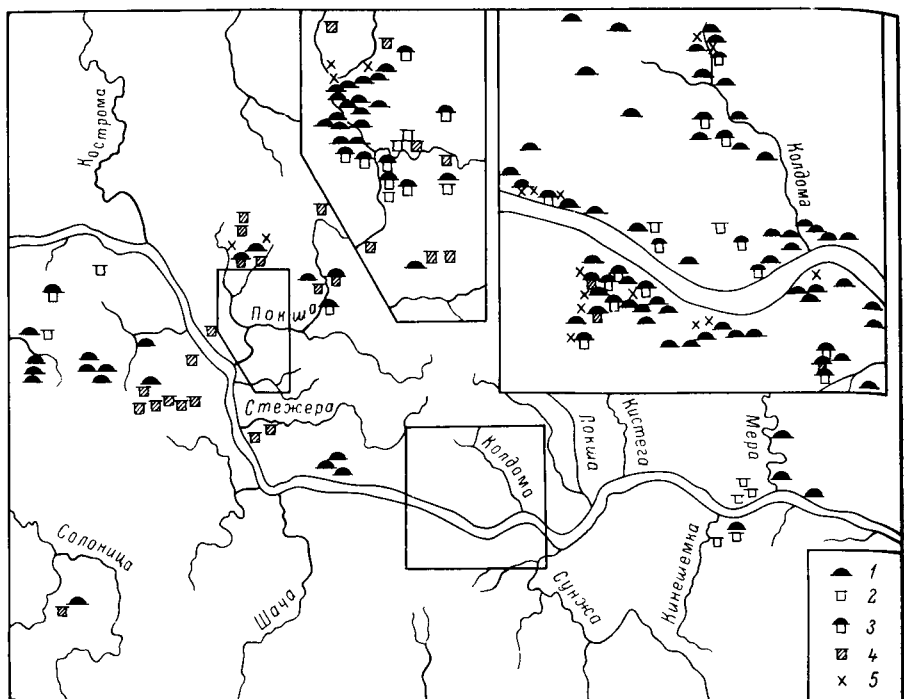

Рис. 5. Территориальное распределение курганов с погребениями на разных уровнях.

1 — на горизонте; 2 — в подкурганных могильных ямах; 3 — на горизонте и в могильных ямах; 4 — в глубоких (свыше 0,5 м) подкурганных могильных ямах; 5 — в насыпи.

Могилы, как правило, имеют прямоугольную форму. Лишь в одном случае зафиксирована яма, несколько расширяющаяся в ногах костяка. Обычная длина могил 2,0—2,5 м, ширина варьирует от 0,5 до 1,2—1,4 м. В Кинешемском регионе известны и более крупные подкурганные ямы — 2,85×1,15 и 2,9×1,45 м (№ 250, 3; 255, 7). Примечательно, что такие большие могилы в последнее время стали выявляться в курганных группах с несомненной финно-угорской (мерянской) культурной подосновой, расположенных на Клязьме и Нерли Клязьминской [Глазов: 1974, с. 45, 46; 1978, с. 55, 56].

На рассматриваемой территории зафиксировано 31 погребение в насыпи выше материка. В подавляющем большинстве это единичные захоронения, и лишь в двух случаях костяки детей в возрасте 4—5 лет перекрывали женские погребения в основании насыпи.

Перечисленные типы захоронений распространены в ареале костромской курганной культуры неравномерно (рис. 5). Насыпи с подкурганными могильными ямами, определяя лишь 11,3 % документированных комплексов Кольдого-Сунжинского региона, составляют 42 % всех курганов Костромского региона и 50,9 % —

Кинешемского. Захоронения в ямах встречены также во всех исследованных насыпях бассейна Немды. В районах массового распространения этого типа погребений концентрируются и кладбища, содержащие только курганы с могильными ямами (табл. 3). Очевидно, вследствие непродолжительности функционирования курганных групп сравнительно небольшим оказывается число памятников, включающих захоронения обоих типов.

Локальные различия в распространении типов погребений намечаются и внутри крупных регионов. В западной части курганного массива насыпи с труположениями на горизонте концентрируются в бассейнах рек Черной и Кубани. На левобережье региона плотный «сгусток» таких могильников выделяется в нижнем течении Сендеги. Вместе с тем серия курганных групп с однотипными ямными захоронениями фиксируется в правобережной части региона между верховьями Кубани и Волгой, а на левобережье курганы с могильными ямами распространяются по берегам Покши, охватывая подукольдом с востока и севера пласт захоронений на материке, локализованных в нижнем течении Сендеги. В Колдомо-Сунжинском регионе такой территориальной дифференциации типов погребений не наблюдается, однако можно отметить, что на правобережье Волги группы, включающие ямные захоронения, концентрируются только на периферии курганного массива.

Курганы с погребениями в насыпи, как правило, не образуют отдельных могильников. Исключение составляет группа у д. Руболдино, где из пяти раскопанных курганов в двух не оказалось следов захоронений, а в трех встречены останки женщин, погребенных на 23 - 28 см выше материковой поверхности (№ 131). Кроме того, в целом ряде групп найдено не одно, а два-три таких захоронения (№ 132, 143, 154, 156, 167, 169, 194). В могильниках, включающих погребения в насыпи, неизменно преобладают труположения на горизонте. Захоронения выше материка неизвестны в Кинешемском регионе и на правобережье Костромского. В левобережной части последнего погребения в насыпи локализуются на ограниченном участке бассейна Сендеги, к северу от ареала курганных групп с однотипными захоронениями на материке. В Колдомо-Сунжинском регионе они встречаются по обоим берегам Волги, но почти не проникают в глубь Волжского бассейна. Погре-

Таблица 3

Погребения разного уровня (данные по курганным группам)

Регион	На материке	В ямах	На материке и в ямах
Костромской	34	27	17
Колдомо-Сунжинский	61	2	18
Кинешемский	5	6	1
Бассейн Немды (Турово)		2	
Итого	100	37	36

бений в насыпи не обнаружено на берегах Кистеги, Локши, Шехонки и Сунжи; зафиксированы они лишь в двух группах, расположенных в самом верховье Колдомы.

Как правило, в кургане совершалось одно захоронение. В 22 насыпях встречены парные основные погребения (мужчины и женщины или женщины и ребенка, в двух случаях — двух женщин), в пяти — было похоронено трое умерших. О составе тройных погребений под одной насыпью можно судить по двум документированным комплексам Колдомо-Сунжинского региона. В кург. 1 первой группы у д. Обабковой находился мужской костяк, лежавший в центре погребальной площадки, а рядом с обеих сторон — захоронения женщины и девочки 10—12 лет (№ 179, 1). В основании насыпи близ д. Ворошилихи были зафиксированы три детских труположения в возрасте от 6 до 12 лет (№ 195, 3).

Большинство коллективных захоронений исследовано в Костромском регионе (14 — с двумя и три — с тремя костяками), причем с его правобережной части происходят 10 парных и все тройные погребения.¹³ Несмотря на относительно немногочисленность курганов, раскопанных в окрестностях Кинешмы, среди них были четыре насыпи с парными захоронениями.

Интересным оказалось положение двух таких парных погребений, встреченных на правобережье Колдомо-Сунжинского региона. В кургане у д. Левашихи (№ 156, 7) мужчина и женщина лежали лицом друг к другу, левая рука мужчины находилась под правой рукой женщины; аналогичным было и положение их ног. Сходный характер имели и два женских захоронения, открытых под насыпью в пустоши Алабуга близ д. Пеньки (№ 167, 5): правая рука меньшего скелета покоилась на левой — большего, а ноги были закинута одна на другую.

подавляющая часть умерших погребена в вытянутом положении, на спине. Известны, однако, и немногочисленные исключения из этого правила. В пяти случаях Ф. Д. Нефедовым зафиксированы погребения в сидячем положении. Все они локализованы в правобережье Колдомо-Сунжинского региона (№ 152, 2; 155, 12; 161, 1; 169, 5; 180, 6). Сидячие погребения совершены под крупными насыпями полусферической, сопковидной и конической формы высотой 1.5—3.0 м. В двух курганах они были встречены на материковой поверхности, в одном — обнаружены в насыпи выше уровня горизонта, а в двух — умершие были погребены в подкурганых могильных ямах глубиной 85—95 см. Показательно, что это самые глубокие могилы, исследованные в восточных районах костромской курганной культуры. Их нетипичность свидетельствует в пользу чужеродного происхождения обряда погребения в сидячем положении для данной территории. Одна из этих могил

¹³ Почти все они обнаружены в междуречье и в бассейне рек Черной и Кубани. Достаточно указать, что лишь в 1882 г. здесь были раскопаны семь курганов с двойными и три — с тройными захоронениями.

была обложена по сторонам крупными обломками плитняка.

Немногочисленные сидячие захоронения известны в Верхнем Поднепровье и на Верхней Волге [Никольская, 1949, с. 35; Седов, 1970б, с. 117, рис. 33], однако основной их ареал охватывает западную часть Новгородской земли, в первую очередь Ижорскую возвышенность [Спицын, 1896, с. 37—40]. Новгородское (в территориальном понимании этого слова) происхождение данного своеобразного обряда не вызывает сомнений.¹⁴

На правобережье Колдомо-Сунжинского региона сконцентрированы захоронения в скорченном положении, с согнутыми в коленях ногами (№ 170, 5; 180, 5; 181, 4). Умершие погребены в курганах высотой 2.3—3.0 м на уровне горизонта, в одном случае — в насыпи. Инвентарь включает орудия труда, ножи. Очевидно обрядовое сходство этих погребений со своеобразным положением парных захоронений, о которых упоминалось выше. Таким образом, изогнутое, равно как и сидячее, положение умерших оказывается хотя и немногочисленной, но специфической особенностью захоронений правобережной части центрального региона.

Своеобразный ритуал погребения зафиксирован Е. Н. Ерофеевой в Кинешемском регионе. В кург. 3, раскопанном в третьей группе на р. Черной, выявлены две соединенные вместе могильные ямы (№ 250, 3). В одной из них, имевшей обычные удлиненные пропорции и вырытой на глубину около 10 см, находилось захоронение мужчины, обращенного головой на север. Вторая, очень неглубокая яма (до 5 см) отличалась необычными размерами — 140×75 см. На ее дне встречен лишь череп, поставленный вертикально шейным отверстием вниз у северного края могилы. Это нетипичное захоронение сопровождалось набором женских украшений. Несомненно, как отмечал и автор раскопок, в данном случае мы имеем дело с особым обрядом погребения [АИА, р-1, д. 224, л. 21—24; д. 225, л. 15].

При исследовании курганный группы в Кинешемском Заволжье на р. Мерижке Е. Н. Ерофеевой была вскрыта насыпь с могильной ямой, тоже содержащей лишь один человеческий череп (№ 256, 7): в двух курганах того же могильника верхняя часть костяков оказалась перемешанной, причем в одном случае сдвинутый череп был поставлен вертикально шейным отверстием вниз. В контексте с находкой из кургана на р. Черной все эти комплексы приобретают вполне вероятную связь с ритуальной традицией расчленения умерших, зафиксированной в погребальных памятниках волгоокских финно-угров (Хотимльский, Малышевский, Муромский могильники) [Горюнова, 1953, с. 37, рис. 9, 11; 1961, с. 119, 120]¹⁵ и в некоторых древнерусских курганах с несомненной финно-угорской подосновой [Седов, 1966, с. 250].

¹⁴ По мнению Ю. М. Лесмана, рассмотревшего захоронения в сидячем положении в специальной работе, эта погребальная обрядность могла сложиться в восточных районах Новгородской земли [1981, с. 52—58].

¹⁵ Сходство этого ритуала с муромским отмечено и в работе В. П. Глазова [1977, с. 40].

Т а б л и ц а 4
Погребения с разной ориентировкой
(региональное распределение)

Регион	Западная	Северо-западная	Юго-западная	Северная	Южная	Восточная	Северо-восточная	Юго-восточная	Всего
Костромской	369	155	7	25 (+x)	1	8	1	1	567 (+x)
Колдомо-Сунжинский	224	46	91	4	2	7	-	6	380
Кинешемский	18	8	2	1		14			43
Бассейн Немды	5								5
Итого...	616	209	100	30 (+x)	3	29	1	7	995 (+x)

Большинство захоронений в костромских курганах имеют общеславянскую, западную ориентировку (63,3%), а вместе с теми, которые направлены на северо-запад и юго-запад, их количество заметно возрастает — до 93% (табл. 4). Отклонения от запада к северу и югу рассматриваются обычно как сезонные, а сами погребения с указанной промежуточной ориентировкой причисляются к группе положений головой на запад. Однако для памятников анализируемой территории такой подход не может считаться правильным: за северо-западной и юго-западной ориентировкой скрываются вполне определенные ритуальные традиции, имеющие локальный региональный характер (рис. 6).¹⁶

Погребения, обращенные на запад, довольно равномерно распространены по двум крупным регионам: 66,8% в Костромском и 58,9% в Колдомо-Сунжинском. Вместе с тем концентрация курганов, в которых умершие ориентированы головой на северо-запад, наблюдается лишь в западном, Костромском регионе. Здесь сосредоточено 74% всех известных трупоположений с такой ориентировкой и почти не представлено захоронений, обращенных к юго-западу. Последние локализируются в соседнем, Колдомо-Сунжинском курганном массиве (91% всех погребений с этой ориентировкой), причем положения на северо-запад в нем не получили большого распространения. Следовательно, можно констатировать наличие в западном регионе устойчивой традиции погребения части умерших головой на северо-запад, а в центральном — на юго-запад.

¹⁶ Это, разумеется, не исключает и того, что какая-то часть захоронений головой на северо-запад или юго-запад действительно связана с сезонным положением солнца в период погребения умершего. Но такие отклонения в ориентировке не меняют достаточно устойчивой картины в распространении ее разновидностей, которая вырисовывается и статистически, и на основе картографирования погребений.

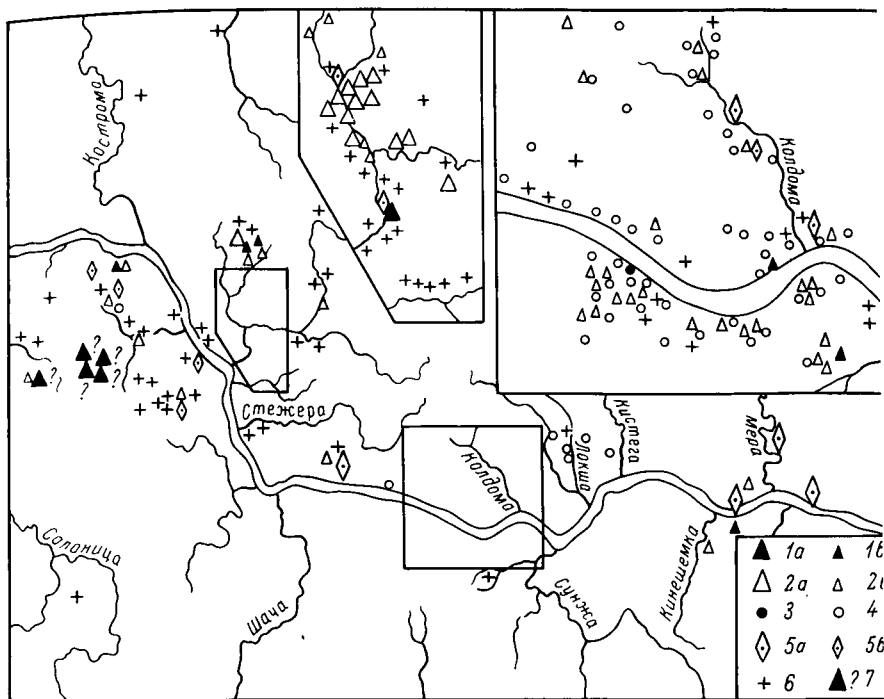

Рис. 6. Территориальное распределение курганов с разной ориентировкой погребений.

Ориентировка: 1 — северная; 2 — северо-западная; 3 — южная; 4 — юго-западная; 5 — восточная, включая отклонения к северу и югу (а — курганные группы с однотипной ориентировкой, б — отдельные захоронения). Группы: б — с однотипной западной ориентировкой умерших, 7 — с предполагаемой северной (по данным раскопок 1882 г.).

В Костромском Поволжье зафиксировано 70 документированных комплексов, содержащих захоронения с меридиональной и восточной ориентировкой. Погребения, обращенные на север, преобладают в Костромском регионе. К сравнительно небольшому числу известных труположений с этой ориентировкой следует добавить ряд захоронений, вскрытых в 1882 г. в том же западном ареале курганной культуры. В кратком сообщении об итогах раскопок 134 насыпей отмечено, что направление умерших (всех?) «было с севера на юг». У нас нет оснований полностью принимать в расчет эти данные об однотипной меридиональной ориентировке свыше ста исследованных погребений, однако наличие среди них могил с северной направленностью более чем вероятно. В 1892 г. проводилось изучение курганных групп у с. Иваникова, раскопавшихся в 1882 г. Четыре кургана первой группы оказались без костяков или содержали перемешанные остатки захоронений, зато в двух насыпях сохранившиеся погребения второй группы, судя по описанию, действительно имели северную ориентировку [АЛОИА,

ф. 1, д. 1892/53, л. 27]. Добавим к тому же, что на север и северо-северо-запад были обращены умершие раскопанной А. Е. Леонтьевым группы у д. Коряково. Несомненно, северная ориентировка получила значительное распространение именно в западной части Костромского региона.

Всего в трех случаях отмечена южная ориентировка умерших. В 29 курганах обнаружены погребения, направленные на восток, причем почти половина их — в Кинешемском регионе. В Костромском встречено единственное труположение с северо-восточной ориентировкой, в Колдомо-Сунжинском сосредоточено шесть из семи известных захоронений, обращенных на юго-восток.

Таким образом, Костромской регион можно определить как зону распространения (наряду с общей для всей рассматриваемой территории западной ориентировкой) положений на северо-запад и север, в меньшей степени — на восток. Для Колдомо-Сунжинского региона оказывается наиболее характерной юго-западная ориентировка, а из других разновидностей довольно типичны положения на восток и юго-восток. В Кинешемском Поволжье наблюдается резкое возрастание в процентном отношении восточной ориентировки — 24,1 % всех погребений этого региона.

Картографирование погребальных комплексов позволяет наметить и более узкие, микрорегиональные зоны различных видов ориентировок. В правобережной части Костромского курганного массива господствуют западная и северная. Именно здесь, в междуречье Черной и Кубани, исследовались в 1882 г. курганы с положениями на север. В Поволжье находится и Коряковская курганная группа с такой же ориентацией умерших. На левобережье выделяются два микрорегиона: один, включающий памятники Приволжья, Стежеры и Покши без ее притока Сендеги, и второй, охватывающий бассейн Сендеги и прилегающий к ней участок Покши. Из 134 погребений первого микрорегиона с известной ориентировкой 125 имеют западную без каких-либо отклонений (95 %). Во втором микрорегионе (289 погребений) положения на запад зафиксированы в 145 курганах (50 %), на северо-запад — в 137 (48 %). Здесь сосредоточено 88 % погребений, исследованных в западном регионе, и 66 % всех захоронений Костромского Поволжья с северо-западной направленностью. Характер ориентировки выделяет небольшой по площади, но насыщенный археологическими памятниками бассейн Сендеги в особый этнокультурный район.

В Колдомо-Сунжинском курганном массиве выделяются два микрорегиона: в Северном и Южном Приволжье. Западная ориентировка в одинаковой степени представлена на обоих участках, составляя от 58 до 60 %. Однако в положении умерших на правом, южном берегу Волги наблюдается более заметное сходство с Костромским регионом. Второе место после западной здесь занимает северо-западная ориентировка (26,6 %), третье — юго-западная (18 %). В двух случаях отмечены захоронения умерших головой на юг: только в одном — на юго-восток. В Северном

Приволжье доля юго-западной ориентировки возрастает уже до 27,6 %, а северо-западной — уменьшается до 6,5 %. Погребения, обращенные на восток и юго-восток, зафиксированы в 12 курганах. Иначе говоря, в Северном Приволжье сосредоточено 70 % захоронений с юго-западной и 92 % с восточной и юго-восточной ориентировкой, выявленных во всем Колдомо-Сунжинском регионе, а в его южной части сконцентрировано 70 % с северо-западной направленностью.

В 58 группах открыты захоронения только с западной ориентировкой. Свыше 70 % таких памятников исследовано в Костромском регионе при очевидном их преобладании на периферии этого курганного массива. Могильники с однотипной северо-западной ориентировкой (12 групп) локализуются преимущественно в бассейне Сендеги. Группы, содержащие захоронения лишь с северной ориентировкой, известны в Костромском регионе (№ 22, 28, 90), с восточной — в Колдомо-Сунжинском и Кинешемском Заволжье (№ 216, 218, 225, 264).

Многообразие ориентировок отражает сложный этнокультурный состав Костромского Поволжья в средневековую эпоху. С несомненными «чудскими» традициями связывается меридиональная направленность, нередко встречающаяся в северорусских курганах и являющаяся ярким показателем принадлежности погребенных к славянизирующимся финно-уграм или даже финноязычным обитателям окраинных районов Руси, перешедшим к курганному обряду захоронения [Седов, 1966, с. 246—248]. Труположения, ориентированные на север, получили распространение у целого ряда «чудских» племен; например, они являются характерным элементом мерянского субстрата в курганной культуре Ростово-Суздальской земли [Рябинин, 1979б, с. 93—102; Леонтьев, Рябинин, 1980, с. 74, 75, рис. 3]. Ближайшие аналогии этой ориентировки представлены в Семухинском курганном могильнике на р. Тезе, не включенном в ареал костромских погребальных памятников, но территориально и в значительной степени по характеру местной культуры связанном с данным регионом [Ерофеева, 1976, с. 216]. Южная ориентировка (иногда с некоторыми отклонениями к западу и востоку) распространена в широкой зоне финского и славяно-финского расселения от Приладожья до Белоозера и далее на восток — в бассейне Сухоны [Голубева, 1973, с. 24—28; Кочкуркина, 1973, с. 18]. Положение умерших головой к востоку рассматривается в качестве яркого индикатора восточнобалтийского наследия в древнерусской курганной культуре [Седов, 1961, с. 103—126; 1970б, с. 163—171]. Известна такая ориентировка и в областях, заселенных до прихода славян финно-угорскими группировками. В частности, заслуживает внимания факт наличия восточной, юго-восточной и юго-юго-восточной ориентировки в погребениях грунтового Хотимльского могильника VI—VIII—IX вв., расположенного в низовьях Тезы. Финно-угорская (мерянская?) принадлежность этого памятника не вызывает сомнений [ср.: Горюнова, 1961, с. 119, 120].

Таблица 5

Погребения с различным положением рук умерших
(региональное распределение)

Регион	Обе вытянуты вдоль тела	Обе сложены на тазовых костях	Обе сложены на груди	Одна вытянута, другая согнута			Прочие положения рук	Всего
				на тазе	на груди	не определено		
Костромской	314 (+x)	73 (+x)	3	10	2		1	403 (+x)
Колдомо-Сунжинский	154	17	74	2	51	19	11	328
Кинешемский	26	2	1	1	4	2	3	39
Бассейн Немды (Турово)	1	1		1			1	4
Итого.....	495 (+x)	93 (+x)	78	14	57	21	16	774 (+x)

Распространение устойчивой северо-западной ориентировки в бассейне Сендеги находит прямые параллели в более восточных районах расселения средневековых марийцев. По заключению Г. А. Архипова, положения на северо-запад являются преобладающими в грунтовых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья IX—XI вв. [1973, с. 14]. Захоронения, направленные на север с отклонениями к западу, характерны для Починковского могильника XII—XIII вв., исследованного в Марийском Поволжье [Архипов, 1977, с. 110]; западная и северо-западная ориентировка преобладает в грунтовых погребениях XII—XIII вв. Поветлужья [Архипов, Патрушев, 1976, с. 57—61]. Отметим, впрочем, что у средневековых марийцев практиковались и положения на север, юго-запад и северо-восток. В Починковском могильнике зафиксированы единичные захоронения, обращенные к востоку и юго-востоку.

Локальные различия в Костромском Поволжье намечаются и по такой детали погребального обряда, как положение рук умерших (табл. 5). В 63 % документированных погребений руки костяков были вытянуты вдоль тела. Такое положение рук фиксируется во всем ареале костромской курганной культуры, однако если в западном регионе оно характерно для 78 % захоронений, то в Колдомо-Сунжинском — лишь для 48 %. Наиболее резкие локальные различия наблюдаются в многочисленной серии погребений, где руки умерших были сложены на тазовых костях или груди. В Костромском регионе встречено около 80 % захоронений, в которых руки лежали на тазе. Эта цифра будет еще более значительной при учете того, что подобное положение рук отмечено и у большинства костяков из раскопок 1882 г. С указанной обрядовой традицией несомненно связана группа захоронений, в которых одна рука погребенного вытянута вдоль тела, а вторая согнута и покоится на тазовых костях. 10 из 14 таких погребений тоже обнаружено в Костромском регионе.

В Колдомо-Сунжинском курганном ареале наряду с положением рук вдоль тела получила широкое распространение традиция погребения умерших с руками, сложенными на груди. Здесь сосредоточено 95 % всех захоронений этого типа. Значительную группу составляют погребения и с различным положением рук (как правило, одной вытянутой вдоль тела, а второй согнутой в локте). И здесь наблюдается то же явление, что и в Костромском регионе: обычай хоронить умерших с руками, сложенными на груди, сочетается с явным господством в последней группе иной традиции — положения одной согнутой руки в области груди.

Указанные территориальные различия в характере рассматриваемого элемента обряда намечаются лишь в рамках двух крупных регионов. Заметной дифференциации на более детальном, локальном уровне не наблюдается. Какой-либо закономерности для положения рук в мужских и женских погребениях также не выявлено.

Из погребальных конструкций наибольший интерес вызывают «заливки» (или «своды»). Они были зафиксированы в 77 насыпях, раскопанных Ф. Д. Нефедовым в 38 пунктах. Судя по кратким дневниковым данным, «заливка» представляла собой твердую («сбитую», по словам исследователя) массу из смеси глины, извести и песка, достигавшую иногда толщину свыше 20 см. В основном Нефедов отмечал лишь сам факт наличия «заливки» в кургане, не приводя ее характеристики. Известно, однако, что в ряде насыпей «заливка» образовывала над погребением что-то вроде свода, имевшего, как это было указано в одном случае, овальную форму. «Заливка» или полностью покрывала умершего, или располагалась лишь над верхней частью тела — «над головой и грудью», «от головы до пояса». Лишь один раз автором были указаны ее размеры: длина 2 м, ширина 1.12 м (№ 182, 1).¹⁷

Большинство погребений под «заливкой» совершено в основании насыпи, причем глинисто-известковый «свод» на 15—30 см возвышался над уровнем захоронения. В 15 курганах умершие были погребены в подкурганных могильных ямах, имевших, судя по указанным размерам некоторых из них, небольшую глубину (30—35 см). В таких насыпях «заливка» сооружалась на уровне древнего горизонта, заполняя и верхнюю часть могилы.

Данная погребальная обрядность зафиксирована только в зоне раскопок Ф. Д. Нефедова (Колдомо-Сунжинский и Кинешемский регионы). Вопрос о ее происхождении и характере захоронений под глиняными «сводами» неоднократно становился объектом специального изучения. П. Н. Третьяковым была отмечена прямая корреляция между наличием «сводов» в курганах и богатством погребального инвентаря. Это явилось основой для интерпретации «заливок» в качестве социального признака. Локализация их лишь в районе раскопок Нефедова связана, по мнению автора, скорее

¹⁷ Впрочем, именно в этой насыпи было встречено не одно, а три захоронения. Поэтому трудно сказать, насколько указанные размеры типичны для остальных «заливок».

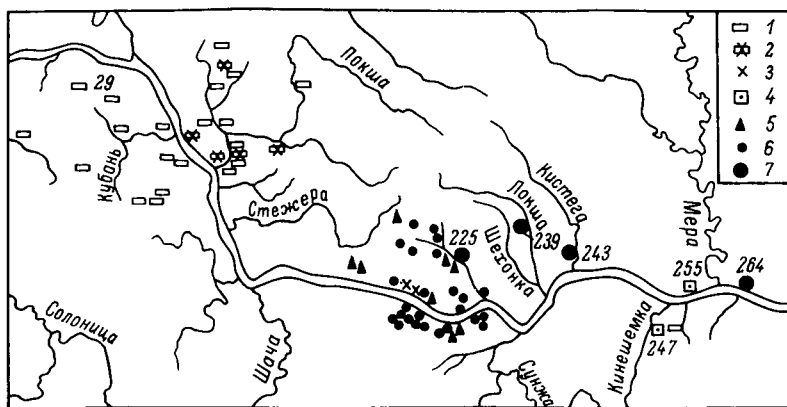

Рис. 7. Территориальное распределение внутрикурганых конструкций.

1 - ямы и колоды; 2 - колоды, обернутые берестой; 3 - погребения, покрытые берестой; 4 - срубы в насыпях; 5 - одиночные курганы и обособленно расположенные в группах насыпи с «заливкой»; 6 - группы, включающие курганы с «заливкой»; 7 - с преобладанием погребений под «заливкой».

всего с тем, что остальные исследователи просто не обращали на них должного внимания [Третьяков, 1931, с. 13, 14].

В монографии Е. И. Горюновой основное внимание было уделено проблеме этнокультурной принадлежности погребений под «сводом»; анализ деталей обряда и характера находок из таких комплексов показал, что «заливки» являются одним из наиболее ярких элементов субстратной финно-угорской культуры [1961, с. 227, 233—235]. Аналогичное заключение высказано и в ряде других работ [Седов, 1966, с. 250; Генинг, 1967, с. 63—65; Рябинин, 1974а, с. 13; Глазов, 1977, с. 41].

Исходя из того что данный элемент обряда уже получил развернутую оценку в публикациях, и в первую очередь в исследовании Е. И. Горюновой, остановимся лишь на основных моментах в его характеристике.

1.) Большинство курганов с «заливкой» («сводом») входит в состав групп с обычными насыпями. Чаще всего в могильнике встречаются два таких погребения (17 групп); в шести группах отмечено лишь по одному, в четырех — по три-четыре кургана со «сводом». Их содержание в группах колеблется от 10 до 50 %; чаще всего они составляют около трети всех курганов. В девяти случаях зафиксировано обособленное положение насыпей с «заливкой». Показательно, что основная часть курганов-«особняков» Костромского Поволжья как раз и связана с рассматриваемой погребальной традицией. Наконец, захоронения под «заливкой» содержали все восемь раскопанных курганов у д. Студенец, три из четырех насыпей близ д. Кожуховой, четыре из шести — у с. Есиплева и три из пяти — у д. Любановой (№ 225, 239, 243, 264). Указанные группы с явным преобладанием данной ритуаль-

ной особенности локализуются на левобережье Волги, к востоку от р. Колдомы (рис. 7, 5—7).

2. В большинстве курганов с «заливкой» встречены женские захоронения. В 68 случаях — одиночные труположения; в двух — погребения мужчин и женщин; в трех — пол не определен из-за отсутствия вещевых находок, но скорее всего — это мужские захоронения;¹⁸ лишь в четырех насыпях оказались бесспорно мужские труположения. Таким образом, женские захоронения встречены в 90 % курганов со «сводами». Что касается немногочисленных мужских и неопределимых, но предположительно мужских, то все они, за единственным исключением, зафиксированы в отмеченных выше могильниках с явным преобладанием глиняных конструкций (Студенец, Любанова).

3. В 47 курганах найдены типичные финно-угорские украшения — зооморфные и шумящие подвески. Они входят в состав инвентаря 66,2 % женских захоронений под «заливкой». Значительно в меньшей степени финно-угорские формы изделий характерны для женских погребений, исследованных в тех же группах, но совершенных без «сводов» (24,6 % захоронений).

4. В курганах с рассматриваемыми конструкциями широко представлены положения головой на запад (32 погребения), юго-запад (18) и северо-запад (8). Соотношение указанных разновидностей ориентировок в целом находится в полном соответствии с положением умерших в центральном и восточном регионах курганной культуры. Не слишком меняет эту картину и наличие в двух курганах со «сводом» захоронений с меридиональной (северной и южной) ориентировкой. Оно может служить лишь дополнительным подтверждением финно-угорского характера данной погребальной традиции. Наибольший интерес вызывает концентрация в рассматриваемых насыпях захоронений с восточной и юго-восточной направленностью (15 комплексов). Они составляют свыше половины всех труположений, ориентированных на восток (с отклонениями к северу и югу), исследованных в Колдомо-Сунжинском и Кинешемском регионах, т. е. в ареале «заливок». Добавим к тому же, что в группах с рассматриваемой обрядовой особенностью сосредоточено 25 из 27 известных захоронений с восточной ориентировкой. Исчисляемый коэффициент связи между такой ориентировкой и «сводами» приближается к своему абсолютному значению и равен 0,95.¹⁹ В двух группах, включающих погребения под «заливкой», встречены лишь положения на восток и юго-восток (№ 216, 218). Наконец, в могильнике у д. Студенец, где все мужские и женские погребения были

¹⁸ Такое предположение основано прежде всего на характере инвентаря женских захоронений под «сводами». Для последних настолько типичен богатый и разнообразный набор находок, что полное отсутствие вещей в комплексе или наличие в нем лишь неопределимых железных предметов уже свидетельствует в пользу иной половой принадлежности погребенных.

¹⁹ Коэффициент связи признаков определен на основе математических разработок, применяемых в археологии [см., напр.: Лебедев, 1970, с. 182—185].

совершены под «сводом», тоже представлена только однотипная восточная ориентировка. Подобная взаимосвязь обоих признаков оказывается присущей памятникам, локализованным на левобережье Волги к востоку от р. Колдомы.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии двух территориальных групп погребений под «заливкой»: в первую входят памятники основной части Колдомо-Сунжинского региона, во вторую — могильники между восточным берегом Колдомы и бассейном Меры. В первой группе «своды» являются специфической особенностью только женских захоронений. Такие курганы или входят в состав могильников, в которых все мужские и частично женские погребения не имеют «заливок», или же нередко занимают обособленное положение по отношению к основному скоплению насыпей. Последнее обстоятельство было отмечено Е. И. Горюновой, видевшей в выделении из семейно-родовых групп отдельных могил свидетельство того, что в них были похоронены «чужеродные» люди [1961, с. 234].

Во второй территориальной группе наблюдается тенденция к более широкому использованию глиняных конструкций. Под «сводами» совершаются погребения не только женщин, но и мужчин. Здесь получает распространение восточная ориентировка умерших. Можно допустить, что именно из восточной части Костромского Поволжья, где пока известно лишь небольшое количество курганных могильников, происходило проникновение «чужеродных» людей (в данном случае — только женщин) в среду населения Колдомо-Сунжинского региона, а само появление женских погребений под «заливкой» в центральном ареале курганной культуры обусловлено наличием брачных связей между двумя территориальными группировками.

Аналогичные «своды» известны в некоторых курганных могильниках, исследованных за пределами Костромского Поволжья: ²⁰ в верхнем течении Десны и на Угре [Булычев, 1899, с. 73; 1913, с. 67, 72—74], в бассейне Москвы [Керцелли, 1879, с. 11] и Тверском Поволжье [Плетнев, 1903, с. 124]. В низовьях Мологи раскопаны курганы (могильник Маковка у д. Яковлево) с погребениями по обряду сожжения, причем остатки кремации находились в неглубоких могильных ямах «вперемешку с углем, золой в небольшом количестве, пережженной известью с камешками, образуя плотный слой различной толщины, иногда имеющий характер цементированной массы» [Коробков, 1928, с. 24—38]. В последние годы глиняные «своды» обнаружены в верхнем течении Нерли Клязьминской, в могильнике у с. Чернокулова [Глазов, 1974, с. 45, 46].

Ареал таких погребальных конструкций оказывается довольно обширным. Однако особенно показательным их наличие в бассейне Нерли, в зоне Владимирских курганов. Широкое исследование последних, предпринятое в середине прошлого столетия А. С. Ува-

²⁰ Более подробно об этом см.: [Рябинин, 1982а, с. 29—34].

ровым и П. С. Савельевым, велось на низком методическом уровне и сопровождалось крайне скудной полевой документацией; вполне вероятно, что и на соседней с Костромским Поволжьем территории — в Ростово-Суздальской земле — указанная погребальная традиция имела достаточно большое распространение, но не была зафиксирована при старых раскопках. Вместе с тем следует подчеркнуть, что только на Мологе «заливка» встречена в курганах, содержащих трупосожжения. Фактическое отсутствие вещевого материала в могильнике Маковка не позволяет установить точную дату комплексов с «заливкой», однако наличие в них кремированных останков умерших может, вероятно, служить косвенным свидетельством более раннего появления рассматриваемого элемента погребальной обрядности в районах, расположенных к западу от Костромского Поволжья. Добавим к этому, что в том же могильнике на Мологе были встречены и трупоположения, хотя и не сопровождавшиеся «заливкой», но имеющие восточную и юго-восточную ориентировку, столь характерную для данной группы погребений Костромского края.

В некоторых костромских курганах зафиксированы конструкции из обгоревших бревен, уложенных в основании насыпи и оконтуривавших могильную яму. Бревна сохраняются плохо, но несомненно они образовывали срубную конструкцию в один венец; система скрепления не устанавливается. После помещения умерших в могилу яма и внутрисрубное пространство заполнялись глиной с утрамбовкой. Это заполнение иногда бывает настолько плотным, что, по сообщению автора раскопок — Е. Н. Ерофеевой, оно «совершенно не поддается расчистке, его приходится скоблить ножом или откалывать небольшими кусочками» [АИА, р-1, д. 2249, л. 21]. На уровне горизонта разводился костер, в результате чего обугливался или полностью сгорал бревенчатый каркас, обрамлявший могилу.

Срубные конструкции исследованы Е. Н. Ерофеевой в Кинешемском Поволжье (№ 247, 2, 4, 10; 255, 3, 6, 8; 267, 1—5). Еще один курган с аналогичным сооружением был раскопан А. П. Смирновым в бассейне Немды (№ 274, 1). Находки срубов зафиксированы в насыпях круглой и овальной формы; умершие мужчины и женщины имели западную, юго-западную и северо-западную ориентировку. В двух случаях встречены парные захоронения.

Данный тип погребальных конструкций — локальная особенность кинешемской группы памятников (рис. 7, 4). Настораживает, однако, то обстоятельство, что бревенчатые каркасы вокруг подкурганых ям выявлены лишь при исследовании курганов «на снос». Известно, что Ф. Д. Нефедов копал некоторые насыпи крестообразными траншеями, но в основном, судя по нашим наблюдениям на местах его работ, он применял шурфовку курганов. В последнем случае оказывалась недоисследованной периферийная часть курганной площадки, которую и должна была занимать срубная конструкция.

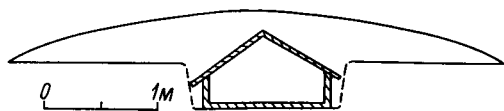

Рис. 8. «Домовина» в кург. 7 у д. Пепелино (разрез).

В 87 курганах рядом с захоронениями были встречены остатки дерева. Чаще всего этим и ограничиваются сведения об их находке, но в 29 случаях имеется прямое указание на сосновую (значительно реже — дубовую) колоду. Для нескольких комплексов устанавливается характер захоронения умерших в гробах: в одном — отмечены следы досок под костяком; в двух — тлен от досок сохранился над погребением и по бокам умершего; еще в одной насыпи на уровне захоронения найдено семь кованых гвоздей от гроба. Своеобразная деревянная конструкция, впущенная в подкурганную могильную яму, выявлена В. И. Смирновым при исследовании разрушенной кладоискателями насыпи в Пепелинском могильнике [АЛОИА, ф. 2, д. 1927/157, л. 31, 32]. Она представляла собой гробовище из толстых досок, перекрытое сверху дощатой двускатной крышей и достигавшее высоты 0.6 м (рис. 8). В литературе отмечалось сходство этой «домовины» с реальными жилыми постройками [Третьяков, 1931, с. 20, 21; Горюнова, 1961, с. 223, 226, рис. 93, 1а].

Основная часть погребений в гробах и колодах (15 %) совершена в подкурганых могильных ямах. Значительно реже следы дерева встречаются на уровне горизонта, и лишь в двух курганах, раскопанных в бассейне Сендеги, захоронения в колодах (основные) оказались на 25—32 см выше материка (№ 43, 6, 11). Только в левобережной части Костромского региона — в Приволжье, нижнем и среднем течении Покши и в верховьях Сендеги — зафиксирован обычай оборачивать долбленные сосновые колоды лентами бересты или прикрывать их сверху берестой (рис. 7, 2).

Наличие колод или «домовин» в курганах является характерной деталью обряда лишь западного, Костромского региона (рис. 7, 1). Здесь сосредоточено свыше 90 % погребений с отмеченными следами дерева. Кроме того, тлен от дерева прослежен в четырех насыпях у с. Турова и в двух — в Кинешемском Поволжье; в Колдомо-Сунжинском регионе колоды и «домовины» вообще неизвестны. Следует добавить, что и в зоне распространения захоронений в деревянных конструкциях наблюдаются целые участки, лишенные этой традиции: на левобережье Костромского региона погребения со следами дерева ни разу не были встречены в бассейнах Стежеры, Малой Покши и в массиве могильников бассейна Сендеги (находки колод зафиксированы лишь к северу от этого массива, в верховьях Сендеги).

В шести курганах на левобережье центрального и восточного регионов отмечены труположения в основании насыпи, обернутые берестой (рис. 7, 3). Эта традиция находит прямые параллели с покрытием колод берестой и, очевидно, отражает наличие

определенных связей между населением, обитавшим к северу от Волги, в западном и более восточных регионах; как отмечалось выше, на правобережье Костромского курганного массива береста при обертывании колод не применялась.

В редких случаях исследователями наблюдалось особое устройство подкурганных могильных ям: покрытие дна могил слоем веток ели или лиственницы (№ 247, 4; 256, 1), обкладка их стенок камнями (№ 180, 6; 256, 1).

* * *

Свыше половины документированных захоронений (866 из 1679) сопровождалось погребальным инвентарем: преобладают украшения костюма, головы и ног; встречаются бытовые предметы, орудия труда и оружие. Положение украшений на костяках обычно соответствует их положению при ношении. При этом намечаются локальные особенности в характере использования тех или иных элементов металлического убора, отражающие этническую неоднородность населения (их описание и сравнительный анализ приведены в следующей главе). Только в Покшинско-Сепдегской группе памятников зафиксировано помещение чуждских изделий — треугольных, конических, Ф-образных подвесок, зооморфных амулетов и игольников — в специальные футляры, изготовленные из дерева, кожи и шерстяной ткани. Такие заупокойные дары, располагавшиеся у пояса умерших, отмечены в 15 случаях.

Бытовой инвентарь — ножи, кресала и кремни, гребни, копоушки, железные стержни с кольцами и т. д. — находился в области таза, справа или слева от костяка. Региональные особенности

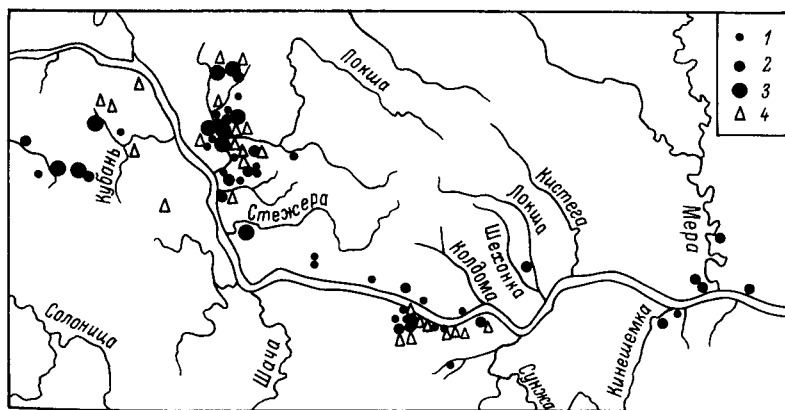

Рис. 9. Территориальное распределение погребений с орудиями труда и керамикой.

1 — группы с одним погребением, содержащим орудия труда; 2 — то же, с двумя тремя погребениями; 3 — группы, содержащие более трех погребений с орудиями труда; 4 — погребения с керамикой.

выявляются в характере помещения орудий труда в захоронения. В Костромской (западной) группе памятников подавляющее большинство топоров, серпов и кос встречено около правого бедра умершего, значительно реже — у руки или плеча. В Колдомо-Сунжинском регионе все орудия труда найдены в ногах костяков. Самый восточный, кинешемский отдел курганной культуры характеризуется сочетанием этих традиций.

Обычай погребения умерших с глиняными сосудами не получил значительного распространения. В отчетах содержатся сведения менее чем о 50 комплексах с керамикой, чаще всего представленной фрагментами, найденной рядом с захоронениями, и в 40 случаях обломки посуды были встречены в самой насыпи. Сосуды, располагавшиеся в головах и реже — в ногах умерших, зафиксированы в курганах всего Костромского региона и только в правобережной части Колдомо-Сунжинского (рис. 9, 4). Скупые дневниковые данные Ф. Д. Нефедова, как правило, не содержат информации о том, являются ли фрагменты керамики в погребениях раздавленными горшками, или же это лишь отдельные их обломки. В последнем случае такие находки связаны с иной погребальной традицией — не с помещением глиняного сосуда рядом с умершим, а с его преднамеренным разбиванием при совершении захоронения [ср.: Седов, 1970б, с. 167—169]. По более полным сведениям КУАК, во всяком случае для западного региона, выявляется наличие обеих этих традиций: в 18 курганах отмечены целые керамические формы, в 29 — лишь их обломки, часто представленные одним-двумя фрагментами. Немногочисленные находки обломков посуды в насыпи спорадически встречаются во всем ареале костромских курганов.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

Фактическая неизученность городских и сельских поселений Костромского Поволжья значительно ограничивает источниковедческие возможности археологического материала для выявления многих сторон быта и культуры средневековых обитателей края. Так, пока не представляется возможным судить о характере местных селищ, их застройке и домостроительных традициях. Существующая информативная база явно недостаточна для углубленного анализа экономики этого региона — структуры земледелия, уровня развития ремесел, роли в производственной деятельности древних костромичей подсобных промыслов и т. д. Богатый и разнообразный вещевой материал костромских курганов прежде всего отразил этнографические особенности местной культуры, сложившейся на разноэтничной основе, но приобретшей в процессе развития яркие «областные» черты. Исходя из характера рассматриваемых древностей целесообразно начать их обзор с количественно преобладающих в погребениях и наиболее этнографически значимых элементов женского металлического убора.

Украшения

Височные кольца и серьги. Эти категории древностей встречены в 353 женских захоронениях (1773 экз.).

Первая группа, составляющая 94 % всех находок (1666 экз.), включает шерстнеобразные или средних размеров проволочные кольца диаметром 2—4 см (табл. I, 1). У 54 % колец один конец расплюснен и свернут трубочкой, остальные имеют простые несомкнутые или слегка заходящие друг за друга концы. Большинство проволочных колец изготовлено из бронзы, но изредка встречаются изделия из низкопробного серебра. Такие украшения располагались по обеим сторонам головы и прикреплялись к кожаной ленте, остатки которой часто сохраняются в погребениях. Количество колец в женском головном уборе — обычно два-шесть, но нередко оно бывает и более значительным, а в 46 случаях зафиксированы наборы из 10—20 височных украшений.

Шерстнеобразные и средних размеров проволочные кольца известны на памятниках различных древнерусских территорий.

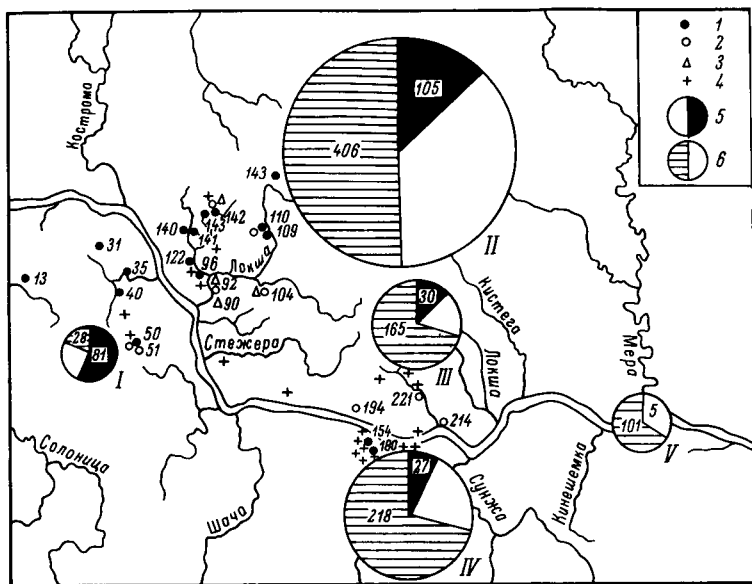

Рис. 10. Региональное распределение височных украшений.

1 - щитковые; 2 - браслетообразные; 3 - лунничные и ложновитые проволо
4 - бусинные; 5 - перстнеобразные и средних размеров кольца с несомкнутыми кон
6 - то же, с завитком на одном конце (I, II - правое и левобережье Костром
региона; III, IV - лево и правобережье Колдомо-Сунжинского региона; V - Кин
ский регион; цифры в графах - количество определяемых экземпляров).

В землях Волго-Клязьминского междуречья небольшие кол с заходящими концами являются преобладающим типом височных украшений, но колец с завитком на одном конце там единичны [Спицын, 1905, с. 100, 101]. Последние, и в первую очередь загибчатые среднего диаметра, можно с уверенностью рассматривать в качестве характерного и в известной степени локального элемента костромской курганной культуры [ср.: Генинг, 1967, с. 28; Левашева, 1967а, с. 28; Архипов, 1973; с. 19, 20, рис. 90].

Все разновидности костромских проволочных колец, как перстнеобразных, так и среднего размера, как загибчатых, и несомкнутых, появились на рассматриваемой территории одновременно и бытовали на протяжении всего существования курганного обряда захоронения. Об этом свидетельствует тот факт, что различные варианты этих колец постоянно встречаются вместе в одних и тех же комплексах. Правда, соотношение вариантов в разных частях курганного ареала не остается неизменным (рис. 10). Наблюдается резкое увеличение процента «классических» костромских колец средних размеров с загибчатым в трубочку концом и вместе с тем столь же значительное уменьшение перстнеобразных колечек с простыми несомкнутыми концами в восточном направлении. Особенно разительной выглядит такая диспропорция:

в соотношении височных украшений при сопоставлении древностей правобережной части Костромского региона и более восточных групп памятников; курганный массив в бассейне Покши — Сендеги на левобережье Костромского региона занимает как бы промежуточное положение между ними. За всеми этими различиями скрываются вполне объяснимые явления историко-культурного порядка, речь о которых пойдет в заключительной части работы. В данном же случае для нас важен тот факт, что формирование и преимущественное использование собственно костромского варианта проволочных колец — с завитком на одном конце — связано с районами, расположенными к востоку от Костромы. Здесь же встречены и все височные украшения рассматриваемого типа, изготовленные из серебряной проволоки.

Среди курганных комплексов выделяется довольно значительная серия крайне бедных, безынвентарных или невыразительных по составу находок погребений, сопровождающихся только набором из перстнеобразных колечек с несомкнутыми концами (72 кургана). Вполне вероятно, что такие захоронения относятся к числу наиболее поздних курганных комплексов, а наличие в них лишь мелких колечек без завитков отражает заключительный этап эволюции местной формы украшений. Однако бытование перстнеобразных колец на всем протяжении курганной культуры резко снижает их роль как хронологических индикаторов.

Вторая группа проволочных височных украшений — браслетообразные и щитковые кольца.

Браслетообразные завязанные кольца, изготовленные из бронзовой проволоки (табл. 1, 2), найдены в шести погребениях — 13 экз. (№ 50, 3; 51, 1; 142, 16; 194, 1; 214, 6; 221, 2). Все они относятся к варианту полузавязанных, т. е. имеют обмотку лишь на одном конце. Десять колец происходят из западного региона курганной культуры, причем только здесь они образуют наборы из трех-четырех украшений. Примечательна еще одна особенность отличающая браслетообразные кольца западного и центрального регионов Костромского Поволжья: если в первом из них обнаружены кольца диаметром 5—6 см, то во втором встречены более крупные украшения — до 9 см.

Браслетообразные завязанные кольца считаются характерным признаком культуры смоленско-полоцких кривичей, а появление таких украшений на других территориях, в частности на Верхней Волге, объясняется их колонизацией выходцами из коренных областей кривичского расселения [Никольская, 1949, с. 79—83; Левашева, 1967а, с. 16; Седов, 1970б, с. 110, 111]. Правда, вопрос о полузавязанных браслетообразных кольцах представляется более сложным. Еще А. А. Спицыным последние были выделены в особый, «тверской» тип, возникший в Поволжье на основе переработки в XII—XIII вв. смоленских височных украшений [1921, с. 16]. Сходного мнения придерживается и В. В. Седов, рассматривающий полузавязанные браслетообразные кольца в качестве верхневолжского варианта украшений, генетически связан-

ного с кривичскими, но получившего распространение в зоне расселения потомков кривичей на финно-угорских территориях [1972, с. 140, 141]. Вместе с тем кольца с обмоткой на одном конце встречаются и в захоронениях Смоленского Поднепровья, причем здесь они эволюционно связаны с ранним вариантом браслетообразных украшений с завязанными концами [Шмидт, 1974, с. 77]. Независимо от того, где именно находилась зона формирования рассматриваемых колец, не вызывает сомнения их прямая или опосредованная связь с традициями потомков смоленско-полоцких кривичей. По наблюдениям Е. А. Шмидта, полузавязанные бронзовые кольца появляются только в конце XII в.

Браслетообразные кольца с несомкнутыми или заходящими концами (табл. I, 3), найденные в трех женских захоронениях западного региона курганной культуры (№ 50, 22, 23; 142, 16), представлены 9 экз. Такие украшения, по мнению В. В. Седова, возникли на севере Восточной Европы под влиянием местного финно-угорского субстрата и в XI—XIII вв. были в широком обращении у славянизированных потомков финноязычного населения [1972, с. 138—144]. Для Костромщины данная разновидность колец нехарактерна и, очевидно, принесена на рассматриваемую территорию из других районов.

Еще одна серия браслетообразных проволочных украшений (9 экз.) — кольца с эсоконечным изгибом на одном конце (табл. I, 4). Все эти украшения происходят из двух близкорасположенных групп, исследованных в окрестностях усадьбы Погорелка (№ 50, 51), где они входили в состав инвентаря трех женских захоронений. Данная форма украшений сложилась в западославянских землях и оттуда была впоследствии занесена на восточнославянские. В древнерусских памятниках эсоконечные височные кольца представлены единичными находками, и лишь в западной части Волго-Окского бассейна, в междуречье Волги и Днепра (верховья Истры и Клязьмы) тип эсоконечных колец получил довольно широкое распространение наряду с другими разновидностями браслетообразных украшений. Дата эсоконечных колец — X—XII вв. [Левашева, 1967а, с. 14—18, 40].

Щитковые бронзовые кольца, встреченные в 24 погребениях (40 экз.), подразделяются на щитковоконечные и завязанные. Количественно преобладают первые — 32 экз. (18 погребений). Это небольшие кольца диаметром 3.5—5.0 см, снабженные тремя; реже — четырьмя расширениями ромбической формы (табл. I, 5). На щитке — «классический» узор в виде креста с оформлением его концов тремя кружочками или орнамент из четырех-пяти нанесенных пуансоном кружков. Кольца с обеими разновидностями орнамента нередко встречаются в одних и тех же погребальных комплексах.

Щитковые завязанные кольца имеют три-четыре расширения круглой или овальной формы и орнаментированы узором из четырех-пяти кружков или выпуклин, оттиснутых с оборотной сто-

роны. Размеры таких колец колеблются от 5.5 до 7.5 см (табл. I, 6).

Щитковоконечные кольца по праву называются украшениями «новгородского» типа. Их ареал охватывает коренные владения Великого Новгорода и территории, осваивавшиеся в XI—XIII в. новгородскими поселенцами. Аналогичные костромским небольшие височные украшения с двумя-тремя щитками появляются в курганах Водской земли только в XII в.¹ Что касается завязанных щитковых колец, то последние почти не встречаются в памятниках Новгородской земли, но довольно характерны для междуречья верховьев Днепра и Оки. Однако в этом районе распространены украшения с щитками ромбической и квадратной формы, заметно отличающиеся от костромских колец с овальными расширениями. Ближайшие аналогии последним зафиксированы в погребениях XII в. у д. Семухино (бассейн Тезы) [Ерофеева, 1976, с. 218, рис. 1, 9, 10].²

Почти все щитковые височные украшения найдены в западном регионе костромской курганной культуры. Лишь в двух случаях щитковоконечные кольца встречены в зоне раскопок Ф. Д. Нефедова и два завязанных кольца с овальными расширениями обнаружены на восточной окраине костромских могильников. Наибольшая концентрация височных украшений «новгородского» типа выявляется в своеобразном по характеру материальной культуры могильнике у д. Пьянково, исследованном на правом берегу Волги (№ 40). Здесь щитковоконечные кольца являлись типичным элементом женского металлического убора, входя в состав инвентаря семи погребений (14 экз.). Завязанные щитковые кольца локализованы в основном в бассейне Сендеги (№ 122, 6, 13; 142, 14 - 17), и лишь одно такое изделие обнаружено в правобережной части Костромского региона.

Третью группу височных украшений образуют бусинные кольца, или серьги (42 экз.). Представлены они пятью типами: гладкие (табл. I, 7) — с полыми бронзовыми бусинами из двух спаянных полушарий, фиксируемыми на кольце с помощью проволоочной обмотки (четыре погребения, 7 экз.); гладкие ложнобусинные (табл. I, 8) — довольно массивные, но миниатюрные бронзовые колечки, имитирующие трехбусинные украшения (три погребения, 4 экз.); мелкозерновые (табл. I, 9) — с двумя-тремя полыми бронзовыми бусинами, покрытыми ложной зернью (пять погребений, 13 экз.); гладкие со сканью — с одной или тремя серебряными бусинами-цилиндриками (табл. I, 11, 12), причем первые кольца отлиты целиком по восковой модели.

¹ Дата основана на материалах раскопок могильников Ленинградской области, осуществленных в 1970-е гг. Изгорской экспедицией под руководством автора. В целом же щитковоконечные кольца с «классической» орнаментацией датируются XI—XII вв., с узором из четырех пяти кружков в ромбе — концом XI—XII в. [Левашева, 1967а, с. 42].

² Об относительно поздней дате таких украшений свидетельствует и орнаментация части колец «жемчужным» узором, особенно характерным для конца XII—XIII в. [ср.: Левашева, 1967а, с. 24, 25].

а у вторых бусины насажены на проволочную серебряную основу (семь погребений, 8 экз.); узелковые (табл. I, 10) — с одной-тремя бронзовыми бусинами, сплетенными из нескольких рядов крученой проволоки (восемь погребений, 10 экз.).

В. П. Левашева датирует гладкие бусинные кольца X—XII вв., мелкозерненные украшения — концом XII—XIII в., остальные типы рассматриваемых изделий — XI—XII вв. [1967, с. 19—23, 40—43]. В верхневолжских курганах гладкие бусинные кольца появляются на второй хронологической стадии (вторая половина XII—XIII в.), к концу XI—XIII в. относится их распространение в погребениях Вологодской области [Никольская, 1949, с. 37, 38; Сабурова, 1974, с. 92—97, рис. 5, 13—19].

Бусинные кольца sporadически встречаются на всей территории Костромского Поволжья. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что почти все литые подражания городским типам бусинных украшений (гладкие ложнобусинные, мелкозерненные, гладкие со сканью) происходят лишь из одного Колдомо-Сунжинского региона, преимущественно с его правобережной части. В литературе уже отмечалось распространение таких украшений в зоне Владимирских курганов, территориально тяготеющих к крупным городским центрам Ростово-Суздальской земли. В этом случае выявляется определенная связь между традициями сельского населения «низовских» земель и средневековых обитателей центральной части Костромского Поволжья.

Еще одна группа костромских височных украшений представлена пластинчатыми лунничными кольцами (табл. I, 14—16). Три кольца с орнаментом из четырех выпуклин в ромбе происходят из погребений Татариновской курганной группы (№ 142, 14, 18). Пара височных подвесок, отличающаяся наличием шумящей «бахромы» треугольной формы, найдена при случайных раскопках могильника близ д. Залогоино (№ 104) и 2 экз. колец несколько иного облика, с узким серповидным щитком встречены в погребении второй курганной группы у д. Боровиково (№ 90, 2). Все эти находки локализованы в левобережной части Костромского региона, на периферии сендего-покшинского скопления могильников.

Лунничные кольца с широкими пластинчатыми щитками генетически восходят к финскому типу калачевидных серег, встречающихся в X—XI вв. на обширных пространствах восточно-европейского севера от Приладожья до Поветлужья и Прикамья. Близкие по форме и орнаментации височные украшения зафиксированы в грунтовых финно-угорских могильниках бассейнов Сухоны³ и Ваги⁴, а также в Семухинском курганном погребении на р. Тезе [Ерофеева, 1976, с. 217, 218, рис. 1, 13]. Л. А. Голу-

³ Пустошинский и Кудринский могильники. 3 экз. [Черницын, 1966, с. 197—199, рис. 1, 8, 11; 2, 4].

⁴ Усть-Пуя, могила 5, погр. 1, 2—4 экз. [Назаренко, Овсянников, Рябинин, 1984, с. 212, 213, рис. 11, 1, 3].

бева датирует находки из бассейна Сухоны XII в. [1973, с. 46], на Ваге лунничные кольца встречены в комплексах конца XII — XIII в. в Семухинском могильнике — в кургане XII в. Наиболее вероятная дата таких украшений, установленная В. П. Левашевой для находок из Татариновской курганной группы, — конец XII — начало XIII в. [1967а, с. 36].⁵

Из остальных разновидностей височных подвесок особый интерес вызывают три литых ложновитых кольца (табл. I, 18), встреченных в низовьях Покши (№ 92, 4; 104). Такие же украшения, правда имеющие завиток на одном конце, обнаружены в погр. 1 Пустошинского могильника (бассейн Сухоны); они были прикреплены к головному убору из бересты вместе с луновидными кольцами [Черницын, 1966, с. 197, 198, рис. 1, 4; 2, 9]. Показательно, что в коллекции из кладоискательских раскопок курганной группы у д. Залогино тоже содержатся как луновидные, так и литые ложновитые височные украшения.

В костромском материале имеются 2 экз. колец средних размеров, изготовленных из сложенной вдвое и перевитой бронзовой проволоки (табл. I, 17). Еще одно несерийное изделие оригинальной формы было встречено в погребении с юго-восточной ориентировкой, исследованном в пустоши Сухарева (№ 156, 3). Это серебряная серьга, нижняя часть которой украшена ложной зернью и имитацией «косоплетки» (табл. I, 13).

Интересно распределение височных украшений по погребениям:

	Тип	Количество погребений	Тип	Количество погребений
1	проволочные перстнеобразные и средних размеров	296	1, 2, 3, 6, 7	1
2	браслетообразные завязанные	4	1, 5	2
3	браслетообразные несомкнутые	1	1, 5, 7	1
4	браслетообразные эсоконечные	1	1, 6	3
5	щитковоконечные	6	1, 7	15
6	щитковые завязанные	1	1, 8	1
7	бусинные	9	2, 4	1
8	лунничные	1	3, 4	1
			5, 7	1
			6, 8	1

Оно показывает, что различные формы колец часто находятся вместе с костромской разновидностью небольших проволочных украшений. Несколько выделяются в данном отношении щитковоконечные и браслетообразные кольца всех типов, образующие однородные наборы из 2—6 экз. или же встречающиеся друг с другом в одних и тех же комплексах и проявляющие слабую взаимосвязь с местной формой височных подвесок. Это еще одно

⁵ Примечательно, что и в кург. 14 первой группы у д. Татариново, и в кург. 17 близ д. Семухино лунничные кольца встречены в наборе с одним и тем же типом височных украшений — овальнощитковыми завязанными кольцами.

доказательство того, что последние появились на рассматриваемой территории вследствие переселения колонистов из других областей Древнерусского государства.

Венчики. Женский головной убор включал берестяные венчики и кожаные или шерстяные налобные повязки, лишь в отдельных случаях сохранившиеся в захоронениях. Известно, что берестяные ленты на голове умерших иногда обтягивались снаружи расшитой тканью, чаще же фиксируются только остатками шерстяных позументов или венчиков из бересты. К кожаным лентам у висков прикреплялись проволочные колечки (остатки кожи с панизанными кольцами неоднократно встречались при раскопках, уцелели они также в коллекциях КУАК и Ф. Д. Нефедова). Своеобразное оформление имел головной убор женского захоронения, исследованного в пустоши Алабуга (№ 168, 1). К узкой берестяной ленте было прикреплено 15 бронзовых прямоугольных бляшек со срезанными углами (табл. I, 19). На каждой — два круглых углубления с изображением креста в центре, выполненным в технике перегородчатой эмали (крест — из красной, заполнение углублений — из белой); на наружной поверхности бляшек сохранились следы позолоты.

Гривны. Это редкая категория женского металлического убора — насчитывается всего 17 экз. (16 погребений). Гривны представлены четырьмя типами (табл. II, 1—6): тип 1 (6 экз.) — проволочные гладкие, подразделяющиеся на гривны из массивной проволоки с тупозаостренными концами (3 экз.), и тонкопроволочные с несомкнутыми или загнутыми в крючок концами; тип 2 (9 экз.) — витые из простого жгута, иногда с дополнительной перевитью из сканой нити, включают гривны с раскованными пластинчатыми наконечниками, в двух случаях снабженными замком в виде крючка или спирального завитка (6 экз.), гривны с круглопроволочными загнутыми концами (2 экз.) и единичную находку сломанной и отремонтированной в древности гривны с замком в виде петли и длинной подвижной иглой на другом конце; тип 3 (1 экз.) — витые из сложного жгута с пластинчатыми концами; тип 4 (1 экз.) — плетенные из тонкой проволоки с оборванными концами.

Шейные обручи из костромских курганов относятся к типам, широко распространенным в древнерусских землях и особенно характерным для XI — начала XII в. [Фехнер, 1967, с. 68—74, 80—87]. Исключение составляет гривна типа 4, представленная в памятниках Северо-Западной и Северо-Восточной Руси лишь отдельными экземплярами и нетипичная для сельского населения этих территорий. Ареал рассматриваемых находок включает левобережье западного и весь центральный регион курганной культуры.

Бусы. Это характерная принадлежность женского костюма. Насчитывается 2029 бусин различных типов, происходящих из 190 погребений. В подавляющем большинстве случаев они входят в состав шейных и нагрудных ожерелий, иногда в сочета-

Таблица 6

Состав и распределение стеклянных бус по комплексам

Разновидность	Количество	
	находок	погребений
Зонные:		
ярко-синие	795	} 136
ярко-зеленые	222	
желтые	193	
черные	149	
фиолетовые	101	
молочно-белые	17	
полупрозрачные патинированные (неопределимые)	199	
Шарообразные:		
желтые прозрачные	98	} 40
синие прозрачные	33	
темные непрозрачные	15	
Битрапецидные	8	6
Цилиндрические гладкие	5	3
Рёбристые	26	7
Мозаичные и полихромные	57	27
Рыбовидные	7	4
Золоченные	35	15
Прочие	12	12

нии с металлическими привесками, а в одном погребении были встречены вместе с раковиной каури (№ 108, б). Изредка цветные мелкие бусинки нанизывались на проволочные височные кольца (12 погребений).⁶ Местной особенностью следует признать распространение в захоронениях небольших ожерелий, включающих, как правило, до 10 бусин.

1972 бусины (97,1 % всех учтенных находок этой категории) — стеклянные изделия (табл. 6). Количественно преобладают мелкие зонные бусы, насчитывающие 1676 экз. и встречающиеся почти в каждом ожерелье. Свыше половины зонных бус определенного цвета — ярко-синие прозрачные. Для датировки рассматриваемых находок важное значение приобретают материалы новгородских раскопок.⁷ Ярко-синие прозрачные зонные бусы (вариант 2 по классификации Ю. Л. Щановой) встречены в слоях Новгорода, датируемых 1116—1369 гг.; дата ярусов с находками ярко-зеленых зонных бус — 1096—1281 гг., желтых — 1096—

⁶ Такие кольца с одной, реже — двумя цветными бусинами относят иногда к числу бусинных полихромных височных украшений. Мы не выделяем их в отдельную группу, исходя из того, что в Костромском Повольжье наблюдается традиция украшать проволочные колючки дополнительными элементами — привесками-луничками, образами, бубенчиками и т. д., и в данном случае появление бусин на височных украшениях лишь отражает эту местную черту культуры, не приобретая особого и самостоятельного значения.

⁷ Здесь и далее см.: [Щанова, 1956, с. 165—179; Колчан, 1958, с. 102—105, рис. 7; 1982, с. 167—170, рис. 6].

1409 гг. (время наибольшего распространения — до конца XIII в.), черных — 1055—1268 гг., фиолетовых — 1116—1268 гг. Немногочисленные молочно-белые полупрозрачные бусы, представленные в костромской коллекции всего 17 экз., известны в слоях XII—XIII вв. Ярополча Залесского [Седова, 1978, с. 112, 113, табл. II]. В целом XII—XIII вв. определяется и время бытования на Костромщине фактически всех зонных стеклянных изделий.

Вторую по численности серию образуют крупные шарообразные или слегка уплощенные с боков бусы (146 экз.). Преобладают прозрачные желтоватые и синие, отдельными находками представлены изделия из фиолетового, черного, синего и желтого непрозрачного стекла. Согласно новгородской хронологии, цветные шарообразные бусы датируются 1096—1268 гг., в Ярополче прозрачные желтоватые бусы как шаровидной, так и зонной формы происходят из слоев XI—начала XIII в.

Крайне малочисленны битрапециодные бусы синего и светло-зеленого стекла с пропорциями 1 : 1 (вариант 2 битрапециодных бус, по Ю. Л. Щаповой) и гладкие цилиндрические. Первые встречены в новгородских слоях 1116—1268 гг., вторые получили распространение в более раннее время, но бытуют и на протяжении XII в. Все находки рубчатых бус из костромских курганов (преобладают синие прозрачные и полупрозрачные, но известны и изделия из глухого зеленого стекла) относятся к типу цилиндрических ребристых, известных в новгородских слоях 1055—1238 гг. Небольшая серия крупных рыбовидных бус, происходящая из четырех погребений и составляющая в них отдельные ожерелья из трех бусин, может быть датирована XI—началом XIII в. [Фехнер, 1959, с. 168, рис. 6, 14, 15].

Значительным разнообразием отличается группа мозаичных и полихромных бус с гладким узором. Для рассматриваемой территории наиболее характерны зонные мозаичные бусы коричневатого и красного цветов с желтой инкрустацией, изготовленные из глухого стекла (46 экз. из 19 погребений). Встречены также бочковидные, шаровидные и удлиненные (в виде усеченного конуса) глухие полихромные бусы, украшенные гладкой спирально-волнистой инкрустацией. В 1 экз. найдена цилиндрическая мозаичная бусина глухого красного цвета с узором из черных глазков, окаймленных белыми ресничками. Все перечисленные мозаичные и полихромные изделия отнесены М. В. Фехнер к XI—XIII вв. [1959, с. 168, рис. 6, 10—12, 16, 20, 21].⁸ Гладкие бусы со спирально-волнистой орнаментацией известны в новгородских слоях XII и частично XIII в.

Признаком относительно раннего времени древнерусских курганных захоронений является, как известно, наличие в них золоченых и серебряных стеклянных бус. Последние найдены в 15 захоронениях всегда в наборе с другими разновидностями бусинных

⁸ Дата наиболее характерной разновидности костромских мозаичных бус (XI—XII вв.) определена М. В. Фехнер условно.

изделий. Костромские бусы несомненно относятся к наиболее поздней поре их бытования на территории Восточной Европы. По форме они могут быть подразделены на мелкие (диаметром 4—5 мм) и более крупные (10 мм) цилиндрические пронизки с пропорциями 1 : 1 и незначительные по размерам бусы неправильных бочонкообразных очертаний. Все эти изделия имеют плохое по качеству стекло, и по крайней мере у части бус золотая фольга заменена желтой краской. Именно такие бусы появляются в поздних курганах Смоленского Поднепровья, где бытуют на протяжении всего XII в. [Шмидт, 1974, с. 77]. В Новгороде цилиндрические бусы встречены в слоях X—XII вв., а малые бочонкообразные, по заключению Ю. Л. Шаповой, вообще не являющиеся ранним хронологическим вариантом золотостеклянных изделий.

Каменных бус насчитывается 52 экз. (23 погребения). Половина находок представлена изделиями из сердолика, лишь незначительная часть которых имеет правильную бипирамидальную, битрапецоидную или плитчатую со срезанными углами форму, остальные же находки отличаются сглаженными и нечеткими гранями, лишь напоминая бипирамидальные и даже рыбовидные бусы. Согласно новгородской хронологии, бипирамидальные изделия из сердолика относятся к XII—XIII вв. [Колчин, 1982, с. 170]. Хрустальные бусы шарообразной или слегка уплощенной формы, встреченные в 11 курганах, характерны для XI—XII вв. [Фехнер, 1959, с. 157, рис. 2, 9; Колчин, 1982, с. 170], однако известны и в курганно-жальничных захоронениях Ленинградской области XIII в.

Последнюю группу образуют крайне немногочисленные металлические бусы (14 экз.). В двух погребениях найдены серебряные кувшинообразные бусы со спиральной рельефной орнаментацией (5 экз.) и одна серебряная ложнозерцная, в четырех — бронзовые литые бусы с орнаментом из выпуклых глазков. Последние приобрели широкую популярность у сельского населения Новгородской земли и по праву могут быть причислены к кругу локальных новгородских древностей [Спицын, 1896, с. 42, 43, табл. XI, 4, 16]. Отнюдь не случайно поэтому, что, несмотря на малое число таких находок в Костромском Поволжье, в двух из четырех случаев они были встречены вместе со щитковыми кольцами «новгородского» типа. На северо-западе Новгородской земли, по нашим наблюдениям, бронзовые бусы с рельефным кружковым орнаментом были в обращении на протяжении второй половины XII—первой половины XIII в.

Браслеты (290 экз.). Они происходят из 219 женских погребений (табл. 7), представлены в основном бронзовыми изделиями, лишь в двух курганах встречены железные и в двух — стеклянные. Из витых браслетов наибольшее распространение получили петлеконечные 2×3; попадаются также четверные и тройные браслеты с петлями на концах; у последних в двух случаях отмечена дополнительная «перевить» из тонкой крученой проволоки (табл. II, 7—9). Все названные типы характерны для

Таблица 7

Типы браслетов и их распределение по комплексам

Тип	Количество	
	находок	погребений
Витые:		
четверные	15	13
2×3	50	47
тройные	9	8
трехпроволочные обрубленно- конечные	2	2
Ложковитые	5	5
Плетеные	13	13
Пластинчатые:		
тупоконечные	62	58
узкие гладкие	33	32
загнутоконечные	29	29
оттянутоконечные	34	33
литые овальноконечные	14	11
литые ширококонечные	7	7
Узкомассивные и звериного- ловые	6	6
Круглопроволочные (дротовые)	5	5
Прочие	5	5

вятических древностей XII—XIII вв. [Равдина, 1965, с. 129]; этим же временем определяется распространение витых 2×3 и тройных браслетов в верхневолжских курганах [Никольская, 1949, с. 38]. Тройные петлеконечные браслеты известны в слоях Новгорода XI—XIV вв., однако наибольшее их количество выявляется для XII—XIV вв. [Седова, 1981, с. 94]. Витые из трех проволок обрубленноконечные браслеты (табл. II, 12), представленные в костромской коллекции всего 2 экз., бытовали в последней трети XI начале XIV в., но особой популярностью они пользовались у населения между 1170—1260/70 гг. [там же, с. 96].

Небольшая группа ложковитых массивных браслетов с уплощенными расширениями на концах (табл. II, 13) датируется по новгородской хронологии концом XI—концом XII в. [Рындина, 1963, с. 230; Седова, 1981, с. 98]. Плетеные браслеты подразделяются на оборванноконечные (9 экз.) и изготовленные на каркасе пластинчато- и загнутоконечные (табл. II, 10, 11). Первые являются обычной находкой в сельских курганах и датируются в широких пределах XI—XIV вв. Плетеные браслеты с раскованными пластинчатыми концами (3 экз.) часто встречаются в памятниках, расположенных в зоне кривичского и вятического расселения, изредка проникая и в Поволжье; браслет с загнутыми в крючок концами, отличительной особенностью которого является шнуровое плетение всего каркаса и его окончаний, относится к разряду несерийных изделий. Дата плетенных на каркасе браслетов — XII—XIII вв. [Левашева, 1967б, с. 228, 229].

Многочисленную группу составляют пластинчатые браслеты

(179 экз.). Среди них выделяются серия украшений, изготовленных из тонкой бронзовой пластины, и более массивные плоские браслеты, условно названные в работе «литыми». Изделия из тонкой пластины, имеющие, как правило, чеканную геометрическую орнаментацию, представлены четырьмя типами (табл. II, 17—20): тупоконечные браслеты шириной 1,5—3,0 см, постепенно суживающиеся к концам; узкие гладкие, или ленточные, равномерные по всей ширине (до 1 см), с закругленными или суженными концами; загнутоконечные; оттянутоконечные с концами в виде овала или диска, отделенного шейкой от корпуса. Последний тип, как уже отмечалось в литературе, является локальным украшением Костромского Поволжья; в других районах оттянутоконечные браслеты встречаются очень редко [Левашева, 1967б, с. 237, 238].

Время бытования тупоконечных браслетов — X—XIV вв., узких гладких — XI—XIII вв., загнутоконечных — XI—XIV вв. (по новгородской шкале), вторая половина XII—XIII в. (по находкам в верхневолжских курганах), конец XII—XIII в. (по верхнеднепровским материалам); оттянутоконечные браслеты датируются XI—XIII вв. [Никольская, 1949, с. 38; Рындина, 1963, с. 233, 234; Шмидт, 1974, с. 77; Седова, 1981, с. 103—115].

Овальноконечные массивные браслеты, украшенные по лицевой стороне рельефным узором в виде продольных линий, жгутов или растительным орнаментом (табл. II, 21), известны в слоях XII—XIII вв. Новгорода, и этим же временем определяется их распространение в вятичских древностях [Арциховский, 1930, с. 22; Седова, 1981, с. 112, 113]. Несомненно, одновременны овальноконечным украшениям близкие им по технике исполнения ширококонечные массивные браслеты с рельефной орнаментацией из продольных линий, жгутов и плетенки, изредка встречающиеся в костромских курганах.

Круглопроволочные дровые браслеты с заостренными концами (табл. II, 16), также нехарактерные для рассматриваемой территории, датируются XI—XII вв. К ранним типам изделий относятся массивные браслеты овального или полукруглого сечения со слегка скругленными или прямосрезанными концами (4 экз.) и дровые звериноголовые (табл. II, 14, 15). Первые представлены в основном в новгородских слоях X—начала XII в., вторые бытуют и в XII в. [Седова, 1981, с. 103, 112; Левашева, 1967б, с. 248, 252]. Очевидно, на Костромщине узкомассивные браслеты дожили до XII в., так как наблюдается их корреляция с витыми 2×3 и тройными браслетами, а также с иными категориями курганных древностей, появившихся в этом столетии.

Изучение соприкосновения разных типов браслетов в погребальных комплексах свидетельствует о полной их хронологической взаимосвязи. Фактически все они принадлежат к единому периоду, определяемому для рассмотренных выше находок XII—XIII вв. Какой-либо региональности в их распространении на наших материалах не наблюдается.

Крайне редкая находка в сельских курганах Древней Руси — стеклянные браслеты. Это специфически городской элемент женского убора. Они встречены в двух погребениях, исследованных Ф. Д. Нефедовым на правом берегу Колдомо-Сунжинского региона. Особый интерес вызывает фрагментированный браслет обнаруженный в сопкивидной насыпи высотой более 4.4 м, содержащей остатки трупосожжения в лодке (№ 155, 4). Вместе с ним в слое угля были найдены обгоревшие обломки и второго браслета, витого из двух массивных бронзовых проволок. Стеклянный браслет неопределимого из-за патины цвета относится к типу мелкокрученых браслетов, известных в ярусах 8—19 Новгорода — 1134—1382 гг., но наиболее характерных для 30—70-х гг. XII в. [Полубояринова, 1963, с. 170—172]. Таким образом, появляется возможность датировать один из наиболее ранних погребальных комплексов Костромского Поволжья, который, как выясняется, был оставлен не ранее второй четверти или середины XII в.

Второй стеклянный браслет обнаружен в относительно позднем женском захоронении с западной ориентировкой, совершенном под небольшой курганной насыпью (№ 157, 2). Там же был встречен и бронзовый пластинчатый браслет с загнутыми концами. Несмотря на широкий период бытования стеклянных украшений этого типа (крученный браслет зеленого цвета), по сочетанию характера витья и расцветки можно определить наиболее вероятное время его появления в погребальном комплексе — XIII в.

Перстни (262 экз.). Они обнаружены в 214 погребениях (табл. III, 1—9), использовались преимущественно как украшения рук, однако в восточном регионе курганной культуры наблюдается неоднократное употребление рубчатых замкнутых колец для застегивания кожаной обуви. Наиболее популярная форма перстней, встреченная в половине захоронений с этой категорией украшений, — рубчатые и простые ложновитые (136 экз. из 118 курганов).⁹ Небольшую серию составляют замкнутые круглодротовые перстни (11 экз.) и сложные ложновитые, а также ложноплетеные (23 экз.). Все эти изделия относятся к числу наиболее распространенных типов перстней, пользовавшихся широкой популярностью у сельского населения Руси X—XIII вв. [Недошивина, 1967, с. 264]. Судя по новгородским материалам, рубчатые перстни появились лишь на рубеже XI—XII вв., круглодротовые замкнутые изделия бытовали в XI—третьей четверти XII в. [Седова, 1981, с. 122].

Пластинчатые перстни из костромских курганов представлены широкосрединными незамкнутыми (57 экз. из 52 погребений), овальнощитковыми незамкнутыми (20 экз. из 19 погребений) и овальнощитковыми продольнорубчатыми (8 экз.) типами. Пер-

⁹ Более дробное деление на собственно рубчатые и ложновитые перстни нецелесообразно, так как сходный характер ornamentации не всегда позволяет отнести находки к тому или иному типу изделий.

вый и наиболее распространенный тип перстней датирован Н. Г. Недошивиной концом XI—XIII в., второй — XI—XIII вв., третий — XII—XIII вв. [1967, с. 265, 266, 270]. Единственная находка широкопластинчатого завязанного перстня, свойственного несколько более раннему времени (конец X—начало XII в.), происходит из комплекса с витым 2×3 браслетом и также не может быть старше XII в. Следует отметить интересный факт проникновения на Костромщину характерного вятичского типа украшения — решетчатого пластинчатого перстня, обнаруженного в женском захоронении с чрезвычайно богатым разнообразным инвентарем XII—начала XIII в. (№ 170, 8).

Еще одна серия рассматриваемых изделий представлена фигурно-серединными печатными перстнями с неорнаментированным шестиугольным (6 экз.) и округлым (7 экз.) щитком, происходящими из 13 погребальных комплексов. Эти украшения являются локальным элементом костромской курганной культуры, а появление отдельных экземпляров печатных перстней в других районах объясняется их проникновением из Костромского Поволжья; дата овальнощитковых перстней — XI—начало XIII в., шестиугольных печатных — XII—середина XIII в. [Недошивина, 1967, с. 257, 262, 273, рис. 31, 9, 10].

Все перечисленные изделия изготовлены из бронзы. Исключением составляют два массивных серебряных перстня оригинальной формы. Один из них происходит из женского погребения с западной ориентировкой, исследованного в правобережной части Костромского региона (№ 32, 7). На черепе умершей сохранились остатки серебряного позолоченного галуна на шелковой бурой основе, на правой руке — большой дутый перстень с круглой печаткой, украшенной резным изображением льва с выгнутой спиной и выпяченной грудью; хвост с огромной кистью загнут к голове зверя. На свободном поле печатки местами прослеживалась зеленая и синяя эмаль [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51, л. 19]. Второй перстень, квадрифолийный, происходит из одиночного кургана с остатками сожжения, раскопанного Ф. Д. Нефедовым на правобережье Волги (№ 224). На печатке имеется резное изображение птицы, в круговых сегментах квадрифолийных дуг сохранились остатки черни по косой насечке. Находки квадрифолийных перстней в русских землях сравнительно редки, причем изображены на них фантастические животные или геометрические узоры [ср.: Юшко, 1980, с. 22; Седова, 1981, с. 137, 138]. Не исключено, что оба серебряных перстня имеют византийское или восточное происхождение.

Фибулы. На рассматриваемой территории зафиксированы 44 женских захоронения с бронзовыми подковообразными фибулами. Количественно преобладают малые и средние застёжки диаметром 2,0—3,5 см, снабженные спиральными или плоскими головками; у двух фибул головки оформлены в виде полусферических выступов (табл. III, 12—17). Сечение дуг самое различное: круглое, полукруглое, ромбическое, прямоугольное, треугольное.

Большинство застежек не орнаментировано, лишь на пяти из 33 определенных экземпляров дуга украшена узором из прочерченных линий или штампом «волчий зуб». Такие подковообразные застежки небольшого диаметра находят прямые аналогии в массивном материале городских и сельских памятников Северной Руси X - XIII вв. [Мальм, 1967, с. 151—157].

Вторая серия представлена семью крупными подковообразными фибулами диаметром 6.0—7.5 см (табл. III, 18, 19, 21). У шести из них вдоль пластинчатой дуги или дуги треугольного сечения имеется выступающий рубчик, концы оформлены в виде длинных и узких трубок-спиралей. Примечательна одна особенность, присущая большим застежкам: в четырех случаях их спиральные концы соединены между собой перемычкой (№ 90, 2; 126, 1; 142, 14; 270, 8). Слитыми оказались концы и у седьмой фибулы этой серии, отличающейся от вышерассмотренных находок полусферической формой головок и сегментным сечением дуги (№ 162, 10). Изделия с сомкнутыми концами представляют собой, вероятно, отливки с подковообразных фибул, выполненные в имитационной технике (литье по оттиску). Сами мастера в этом случае не придавали никакого значения точному воспроизведению важного функционального элемента древнерусских застежек — отделенных друг от друга головок фибул. Привлечение аналогичных материалов с соседних территорий позволяет очертить ареал этой своеобразной литейной традиции. Различающиеся по сечению дуги, форме головок и орнаментации фибулы с сомкнутыми концами встречены в Марийском [Архипов, 1977, с. 112, 113, рис. 1, 7] и Ярославском¹⁰ Поволжье, в бассейне Шексны [Тухтина, 1966, с. 129, 134, рис. 4, 1, 14] и на юго-востоке Архангельской области [Савельева, Малышев, 1977, с. 78, рис. 8, 12]. Но наибольшая концентрация таких изделий выявляется в пока еще слабоизученном районе, включающем бассейн Северной Двины от устья Ваги до среднего течения Сухоны и в целом совпадающем с территорией летописного Заволочья и соответственно с областью обитания «чуди заволочской». Это находки близ д. Шухлихи на Кокшеньге, притоке Ваги [Рябинин, 1981б, с. 67], на Васильевском городище у с. Воскресенского [Tallgren, 1931, S. 114], в Корбалском и Усть-Пуйском могильниках,¹¹ расположенных в бассейне Ваги, в Пустошинском грунтовом могильнике на Средней Сухоне [Черницын, 1966, с. 197, рис. 1, 6]. Встречены они в комплексах конца XI—XIII в. Характер самих памятников не оставляет сомнения в «чуждой» подоснове своеобразного оформления подковообразных фибул, а их распространение отражает существование определенных культурных связей между областями с финно-угорским или смешанным славяно-финским населением. Об этом же сходстве свидетельствует и наличие

¹⁰ ГИМ, инв. 80135, хр. P42/266.

¹¹ Представлены серией однотипных изделий — 4 экз. [Назаренко, Овсянников, Рябинин, 1984, с. 205—207, 212, рис. 7, 1—3; 11, 11].

единого орнамента в виде «косоплетки» на костромской застежке (№ 126, 1) и на аналогичных отливках из Марийского Поветлужья и бассейна Ваги.

Индивидуальная по исполнению нагрудная застежка обнаружена в бассейне Покши (№ 122, 12). Это крупная выпуклая бляха круглой формы с рельефным «солярным» орнаментом, иглой и замком на внутренней стороне (табл. III, 20).

Особый интерес вызывает присутствие в костромских курганных древностях нагрудных украшений такого специфического типа, как овальнощитковые скорлупообразные фибулы. При случайных раскопках насыпи у д. Пенелино было обнаружено женское захоронение с необычной для рассматриваемой территории южной ориентировкой. На груди умершей располагались «две медные скорлупообразные фибулы», а пояс скреплялся круглой пряжкой с петлями в нижней части для шумящих привесок (схематичный рисунок последней имеется в «корочках» А. А. Спицына). Интересная параллель наблюдается между пенелинским погребением и грунтовым захоронением XII в., исследованным на территории Финляндии:¹² в инвентарь последнего наряду с двумя скорлупообразными фибулами тоже входили поясная пряжка вышеописанного типа и такие характерные формы костромских украшений, как каркасная треугольная подвеска и двуглавый пластинчатый конек [Paloniemi, 1960, s. 22–39]. Еще одна находка происходит из кург. 3 у д. Пьянково — фибула со звериным орнаментом, относящаяся к типу С по классификации Ю. Айлио (табл. III, 10). Особенности орнаментального узора сближают ее с изделиями подтипа С₂, характер крепления иглы на внутренней стороне фибулы — подтипа С₃ [Ailio, 1922, s. 9, 19–21, kuv. 1, 5, 7, 8]. Ареал овальных фибул С₁–С₃ охватывает Карельский перешеек и провинции Саво и Хяме в Финляндии, причем подтип С₂ локализуется в основном в Саво-Карелии, т. е. характерен преимущественно для средневековой корелы [Кочуркина, 1978, с. 49–54]. Время бытования изделий типа С — XIII—XIV вв., но допускается возможность и более раннего их существования. Сведений об обряде захоронения близ д. Пенелино почти не сохранилось, в состав инвентаря входили два ромбощитковых несомкнутых височных кольца с «классической» орнаментацией на щитках, две подковообразные застежки, пластинчатый браслет и нагрудная цепочка из восьмеркообразных звеньев с прикрепленной к ней литой ажурной подвеской и цепедержателем с боковыми спиральными щитками (табл. III, 11). Примечательно, что территория распространения таких цепедержателей в целом совпадает с ареалом овальновыпуклых фибул — Карелия, Финляндия; их находки за пределами очерчиваемого региона единичны [Schwindt, 1893.

¹² Клаутамяки Теува (юг Восточной Приботнии). Автор раскопок считает инвентарь погребения западнофинским, отмечая вместе с тем наличие в нем серии петличных для данного региона древностей.

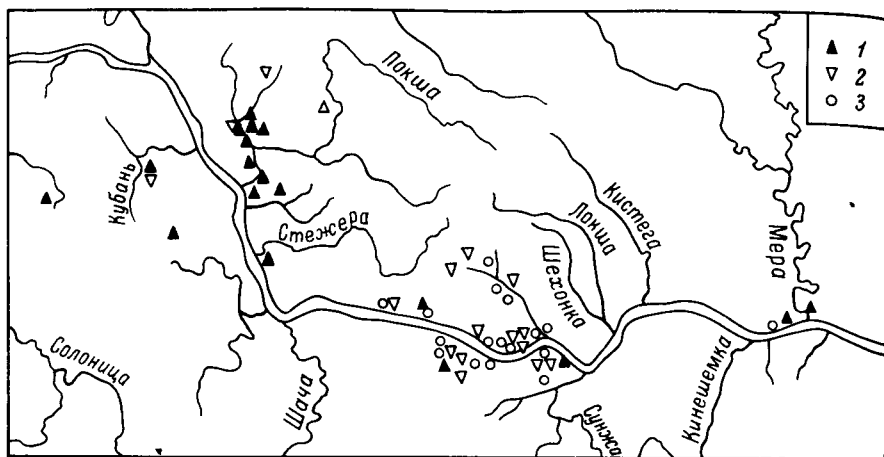

Рис. 11. Ареалы этнографических элементов костюма.

1 — использование подковообразных фибул в качестве нагрудных застежек; 2 — для застегивания пояса; 3 — использование обувных колец.

kuv. 258, 275—277; Kivikoski, 1951, Abb. 712, 713].¹³ Датируется комплекс с карельской скорлупообразной застежкой второй половины XII—началом XIII в.

Находки — овалнощитковых фибул зафиксированы только на правобережье Костромского региона. Подковообразные застежки довольно равномерно распространены во всем ареале курганной культуры, однако наблюдаются четко выраженные локальные различия в характере их использования. В западной и восточной частях Костромского Поволжья фибулами скреплялась верхняя часть женской одежды, в Колдомо-Сунжинском массиве могильников застежки обычно встречаются у пояса умерших (рис. 11, 1, 2; табл. 8).

Поясные пряжки, ременные разделители и накладки. Элементы поясного набора (включая подковообразные застежки, использовавшиеся для застегивания пояса) зафиксированы в 112 костромских курганах. Известны они как в мужских, так и женских погребениях, но явно преобладают в последних (соответственно 26 и 77 определенных погребальных комплексов).

Поясные пряжки представлены следующими разновидностями: миниатюрные кольцевые с подвижной иглой (табл. III, 22, 23), изготовленные из витой бронзовой проволоки (1 экз.) или цельнолитые круглого сечения (3 экз.); железные кольцевые (табл. III, 25, 26) круглой и овальной формы (6 экз.); бронзовые пластин-

¹³ Еще 1 экз. этого локального западнофинского типа нагрудных украшений встречен на Костромщине в женском погребении XIII в. в наборе с полным коньковым амулетом «новгородской» формы и решетчатыми подвесками (№ 222а).

Т а б л и ц а 8

Способ ношения подковообразных фибул
(региональное распределение)

Регион	На груди	На груди и поясе	На поясе
Костромской	18	2	2
Колдомо-Сушкинский	2	1	14
Кинешемский	3	—	—

чатые с литым рельефным орнаментом (табл. III, 24), снабженные кольцами для прикрепления шумящих, в одном случае лапчатых, привесок (3 экз.), — такие изделия имеют несомненно финно-угорское происхождение и типологически сближаются с пряжками, бытовавшими у волго-окских средневековых племен, все встречены в женских захоронениях; бронзовые рамчатые пряжки (табл. III, 28—33), различающиеся оформлением кольца и рамки (14 экз.), — среди них выделяются три изделия, выполненных в стиле имитации наборной техники, характерной для «чудского» населения Волго-Камья.

Из ременных разделителей наиболее типичны бронзовые и железные кольца, найденные в 74 комплексах (табл. III, 27). Обычно в погребениях встречается по одному такому кольцу, но в девяти случаях пояс был скреплен двумя-тремя кольцами. При этом набор из нескольких колец чаще всего сочетался с поясными пряжками и представлен только в мужских захоронениях. Наряду с простыми по исполнению кольцами известны нарядные литые экземпляры с разнообразной орнаментацией, украшавшие пояс женской одежды. Намечаются стандартные, хотя и малочисленные, серии оригинальных разделителей женских (табл. III, 35, 36) и мужских (табл. III, 34) поясов. В целом же элементы поясного набора из костромских курганов слабо дифференцируются по половой принадлежности их владельцев.

Сами пояса, судя по их остаткам в погребениях, изготовлялись из кожи или ткани. Лишь в одном случае мужской пояс был украшен бронзовыми бляшками с растительным орнаментом и в одном — снабжен пластинчатым металлическим наконечником. Отсутствие поясных аппликаций компенсировалось появлением специфического элемента женской одежды, зафиксированного в ряде погребений с отчетливыми финскими субстратными традициями, — длинных низок из литых медных колечек и спиралек, находимых у пояса и бедер умерших. Назначение их могло быть самым различным; в частности, с помощью таких цепочек прикреплялись к поясу конические и полые зооморфные подвески. Но по меньшей мере в 15 случаях низки из литых бусин и спиралей не сочетались с находками шумящих украшений. Это, очевидно, пояса-цепочки, состоящие из многих десятков и даже сотен пронизок (до 400 экз.). Основная их часть обнару-

жена в бассейне Покши. В центральном и восточном регионах известны пояса сходного облика, но включающие дополнительно обоймы из слитых вместе спиральных трубочек. Из двух могильников происходят цельнометаллические наборы, состоящие из соединенных кольцами литых бронзовых звеньев с орнаментом, имитирующим проволочную «косоплетку» (№ 80; 270, 8). Прямые аналогии таким находкам известны на средневековых памятниках бассейна р. Чепцы, принадлежавших предкам удмуртов [Первухин, 1896, табл. XV, 8]. Е. И. Горюнова считает цельнометаллические наборы мужскими поясами, символизовавшими особое положение их владельцев (родовых старейшин?). Однако обе костромские находки происходят из случайных раскопок и положение их при костях остается невыясненным. На литом изделии из Гоменковской курганной группы имеются петли с прикрепленными к ним лапчатыми привесками, причем их расположение на пластинках могло быть целесообразным только при вертикальном, а не горизонтальном, как для пояса, ношении самого набора.¹⁴

Подвески. Эта категория древностей отличается исключительным разнообразием и может быть разделена на группы, включающие изделия древнерусских типов, предметы христианского культа (крестики, образки) и привески финно-угорского происхождения.

Грунна I. Лунницы (61 экз.) встречены в 44 женских погребениях. Количественно преобладают узкорогие литые (табл. IV, 1—8); из них три имеют сомкнутые рога. Для подобных лунниц наиболее характерна орнаментация из четырех шариков псевдозерни в центре с отходящими от них рельефными линиями; встречаются и иные узоры. У нескольких находок намечен лишь рельефный ободок по контуру. Такие изделия являются общерусским типом украшений, получившим наибольшее распространение в XI—XII вв. [Успенская, 1967, с. 102—105]. По новгородским материалам устанавливается и более позднее время их бытования: круторогие лунницы представлены в основном в слоях XII—XIII вв., замкнутые подвески характерны только для XIII в. [Седова, 1981, с. 24].

Замкнутокрещатые лунничные подвески (10 экз. из 10 курганов; табл. IV, 9) относятся к числу местных элементов курганной культуры: именно из Костромского Поволжья происходит основная часть изделий этого типа, датируемых XII—XIII вв. [Успенская, 1967, с. 104, 105, 125]. Всего двумя находками представлены ширококорогие ложнозерновые лунницы, бытовавшие в русских

¹⁴ Подтверждением этого заключения является находка из кургана в пустоши Мостищева (№ 230, 2). Литые уплощенные звенья, украшенные имитацией «косоплетки», были также соединены посредством колец в цепочку. К петлям, расположенным вдоль длинных сторон пластинок, прикреплялись конические привески. Но этот набор, близко напоминающий изделия из Гоменок и Погоста, использовался, как и следовало ожидать, не в качестве пояса, а для подвешивания к одежде игольника.

землях до середины XII в. [Анучин, 1899, с. 254, 255, рис. 4, 6; Нефедов, 1899, табл. 5, 38a].¹⁵

Круглые подвески подразделяются на крестовключенные прорезные (табл. IV, 10, 11), монетовидные (табл. IV, 12—19) и решетчатые (табл. IV, 20, 21); известно, кроме того, несколько изделий несерийных типов. Довольно разнообразные по исполнению крестовключенные подвески, происходящие из 19 погребений (19 экз.), относятся к украшениям, повсеместно встречающимся на памятниках Северо-Западной и Северо-Восточной Руси XII—XIII вв. В Новгороде аналогичная находка происходит из слоя XII в. [Седова, 1981, с. 40, 42, рис. 14, 1]. Почти все монетовидные подвески (13 экз. из 13 курганов) орнаментированы. Как и крестовключенные, они хорошо известны в различных районах Руси и на прилегающих территориях. Судя по орнаментальным мотивам, костромские находки относятся к поздней поре бытования пластинчатых круглых привесок (XII—XIII вв.) [Успенская, 1967, с. 110, 111].¹⁶

Круглых решетчатых украшений XII—XIV вв. в костромской коллекции насчитывается 18 экз. (11 погребальных комплексов). Наибольшая концентрация подвесок этого типа наблюдается в коренных новгородских владениях и в областях, осваивавшихся новгородскими колонистами. Проникновением населения из Новгородской земли в Костромское Поволжье объясняется их появление на рассматриваемой территории [Успенская, 1967, с. 108—110].¹⁷ Здесь известен лишь вариант косорешетчатых украшений, у пяти подвесок решетчатый узор заменен радиальным, идущим от центра к круглому ободку.

Немногочисленной серией в местном материале представлены бубенчики древнерусских типов (12 экз. из восьми курганов). Последние были здесь заменены массивными колоколовидными привесками финно-угорского происхождения, прикреплявшимися к разнообразным шумящим и зооморфным подвескам. В отличие от них древнерусские формы бубенчиков имели самостоятельное назначение и служили украшением головного убора, входили в состав шейных ожерелий и нагрудных привесок или использовались в качестве пуговиц. Встречены следующие типы бубенчиков: шаровидные гладкие с линейной прорезью —

¹⁵ В коллекциях Костромского музея и Государственного Эрмитажа эти изделия не сохранились, место их находки также неизвестно.

¹⁶ Показательна хронология полностью аналогичных по характеру орнаментации подвесок из Новгорода. Из слоя 10—30-х гг. XII в. происходит находка с изображением четырех спиральных завитков; к 50—70-м гг. того же столетия относится подвеска с орнаментом в виде ромбовидной фигуры, по углам которой помещено еще по ромбу с точкой в середине; 20—30-ми гг. XIII в. стратиграфически датируется изделие с узором в виде семилепесткового цветка, окруженного точечным ободком; с начала XIII и до начала XIV в. бытовали украшения с изображением процветшего креста [Седова, 1981, с. 37—41, рис. 12, 12; 14, 5—7, 12—14].

¹⁷ В Новгороде находки решетчатых подвесок зафиксированы в слоях последней четверти XII—середины XIV вв. [Седова, 1981, с. 33, 42, рис. 10, 1, 2].

4 экз. (XI—начало XIV в.), шаровидные гладкие с грубой линейной прорезью и тройным рельефным пояском на тулове — 3 экз. (конец XI—начало XIII в.), грушевидные с линейной прорезью — 3 экз. (последняя четверть XI—XIII в.), грушевидные с крестовидной прорезью — 1 экз. (X—середина XII в.).¹⁸ Древнерусские типы подвесок зафиксированы во всем ареале костромской курганной культуры, хотя и наблюдается некоторое увеличение их «удельного веса» в зоне раскопок Ф. Д. Нефедова. Региональные различия намечаются в характере использования подвесок, попадающихся на остальных территориях, как правило, в составе нагрудных ожерелий. Именно таким было их использование в западном регионе Костромского Поволжья и на его восточной периферии. В Колдомо-Сунжинском курганном массиве местная традиция определила преимущественное употребление лунниц, значительной части круглых прорезных и решетчатых изделий для украшения головного убора. Их находят обычно у черепа умерших. Некоторые подвески насажены на перстнеобразные проволочные колечки. К ним прикреплялись, в частности, и два оригинальных бронзовых амулета в виде звериных клыков, обнаруженных у висков костяков в женских захоронениях (табл. IV, 37); они, вероятно, были изготовлены городским ювелиром (№ 177, 2). Аналогичные изделия известны в Суздальском Ополье (д. Ворогово, кург. 340) и в горизонте первой половины XIII в. древнего Белоозера [Спицын, 1905, с. 116, 142, рис. 202; Голубева, 1973, с. 136, 139, рис. 49, 6].

Группа II. В Костромском Поволжье исследована довольно большая серия захоронений с нахodkaми нательных крестов и образков. Лишь в отдельных случаях можно предполагать их непосредственную связь с изменением старой системы языческих верований. Чаще всего, как это было отмечено еще Д. Н. Анучиным, христианские символы использовались в качестве украшений наряду с другими элементами женского металлического убора [1899, с. 257, 258].

Крестовидные подвески (39 экз.) встречены в 36 погребениях. Преобладают бронзовые литые изделия, тремя находками представлены каменные крестики (табл. IV, 22—36).

В женском захоронении кург. 12 у д. Пьянково найдены две крестовидные подвески «скандинавского» типа, широко известного на древнерусских памятниках различных территорий; сравнительно много таких находок происходит, в частности, из Владимирских курганов. М. В. Фехнер датирует их концом X—первой половиной XII в. [1968, с. 210—214]. В погребениях Подмосквы они известны в первой половине XII в. [Беленькая, 1976, с. 90, 91].

В костромской коллекции 7 экз. представлены крестики с выемчатой эмалью. Их изготовление было налажено на Киев-

¹⁸ Даты приведены по новгородской хронологии [Рындина, 1963, с. 244; Седова, 1981, с. 156].

щине в XI в., расцвет производства относится к XII в., в следующем столетии они постепенно выходят из употребления [Мальм, 1968, с. 113—117].

Самую многочисленную серию крестовидных подвесок образуют разнообразные литые рельефные крестики с утолщенными профилированными или перекладчатыми концами. Такие кресты-тельники являются обычной находкой на древнерусских памятниках домонгольского времени, а их появление на соседних территориях (в Прибалтике) объясняется импортом изделий христианского культа из русских земель [Mugurēvičs, 1974, лр. 220—237, att. 2]. В Подмосковье они встречены лишь в поздней группе курганных захоронений, относящейся ко второй половине XII—первой половине XIII в. [Беленькая, 1976, с. 91—93]. В коллекции представлены всего три ажурные крестовидные подвески и два крайне стилизованных литых изделия с петлевидными выступами по бокам, которые лишь условно можно отнести к крестовидным. Аналогичные ажурные привески входили, в частности, в состав богатого набора к ожерелью, включавшему 15 крестиков и 10 образков, обнаруженному в женском погребении XII в. на р. Суде (кург. 1 второй группы у деревень Митино и Зворыкино) [Голубева, 1962, с. 68—71, рис. 12; см. также: Спицын, 1905, с. 117, 118, 143, рис. 218].

Всего 2 экз. представлены в рассматриваемом материале бронзовые кресты-складни. В пустоши Могильцы (№ 182, 5) обнаружено женское захоронение с западной ориентировкой; руки умершей были сложены на животе, из вещей найдены лишь два рубчатых перстня, а на шее — половина литого складня размерами $3,6 \times 2,5$ см, с фигурой Христа, выполненной в плоском рельефе [Нефедов, 1899, табл. VI, 2]. Аналогичные энколпионы известны в Новгороде (рубеж XI—XII вв.), Ярополче Залесском (XII в.), а также на Киевщине, в Витичеве и Крыму [Седова, 1972, с. 71, 74, рис. 23, 17; 1981, с. 56, 57, 71, рис. 18, 6]. Примечательна находка Ф. Д. Нефедовым второго, более крупного складня (№ 176, 3). В основании насыпи высотой 2 м им были расчищены остатки костяка, судя по росту, мужчины. Голова умершего была направлена к западу, а руки вытянуты вдоль тела. Инвентарь состоял из двух подковообразных фибул, скреплявших одежду у правого плеча и пояс. Несколько выше уровня погребения, в насыпном грунте, около черепа костяка был найден энколпион размерами $7,5 \times 5$ см, с изображением человеческой фигуры и плохо читаемой надписью на левой перекладине креста [Нефедов, 1899, табл. VI, 1]. Внутри складня сохранились остатки ткани с завернутым в нее кусочком кости (мощами). Сюжет изображения, по мнению Д. Н. Анучина, скорее всего связан с канонизированными в XI в. русскими князьями Борисом и Глебом [1899, с. 255, 256].

Бронзовые образки (26 экз.) происходят из 19 женских погребений. Среди них — небольшие круглые иконки со сценой «Успение Богородицы» (2 экз.) и квадратные образки с поясным изображением Богоматери с младенцем, относящимся к типу «Умиление»

(2 экз.). С последними аналогична по сюжету еще одна стандартная группа иконок, имеющих, правда, круглую форму (7 экз.). Находки образков с вышеназванными сценами зафиксированы в основном на территории Владимиро-Суздальского княжества, а их появление связывается с деятельностью ремесленных мастерских при Успенском соборе во Владимире, освоивших во второй половине XII в. серийный выпуск «памятных» иконок [Седова, 1974, с. 191—194; 1978, с. 119—123]. В костромской коллекции известны еще два типа стандартных круглых образков: с поясной фигурой святого, держащего конь (10 экз.), и с поясным изображением двух святых (5 экз.).

Крестовидные подвески, представленные в погребальных комплексах единичными находками (исключением является женское погребение из кург. 12 Пьянковского могильника с тремя крестами в составе ожерелья), всегда встречаются у шеи или на груди умерших и сопровождают как женские, так и мужские захоронения. В отличие от них образки использовались только в женском металлическом уборе. Нередки случаи находок в одном комплексе двух-трех таких иконок. По характеру их использования четко намечаются те же региональные различия, что и при рассмотрении древнерусских типов подвесок: на западе и востоке курганного ареала образки служили нагрудными украшениями, в Колдомо-Сунжинском регионе обычно их положение у головы умерших; иногда иконки подвешивались к височным проволочным колечкам, дважды они отмечены у бедра или на спине захороненных (№ 152, 5; 177, 2).

Группа III. Значительную категорию «чудских» изделий образуют шумящие треугольные подвески: каркасные, колечковые и спиральные. Преобладают каркасные треугольники, выполненные в так называемой наборной технике или ее имитации, с прикрепленными к основанию лапчатыми и треугольными подвесками (57 экз. из 42 погребений). Обычны подвески, состоящие из двух-трех рядов гладкой проволоки (табл. V, 1), но изредка встречаются и дериваты, в частности немногочисленные украшения с двумя стилизованными конскими головками или со щитком, дополненным рельефной имитацией «косоплетки» (табл. V, 2—8). Уже традиционно эта форма украшений рассматривается в качестве этноопределяющего элемента мерянской культуры. И действительно, ареал ранних каркасных подвесок (X—XI вв.), нередко орнаментированных дополнительным узором из зерни и полос проволочной «косоплетки», совпадает с реконструируемой территорией расселения мери (побережье озер Неро и Плещеево, бассейн Нерли Клязьминской) [Горюнова, 1961, с. 100, 101]. Однако рассматриваемые украшения представляют иной и в целом более поздний вариант каркасных треугольников. От украшений «владимирского» типа они отличаются несколько иными пропорциями, имеют, как правило, меньшие размеры и нечетко выраженные, иногда скругленные углы, дополнительная орнаментация отсутствует. За пределами Костромского Поволжья такие изделия встречены лишь

в одном захоронении Семухинского могильника на р. Тезе [Ерофеева, 1976, с. 220, 221, рис. 2, 4], а в последнее время «костромской» вариант подвесок обнаружен в ряде грунтовых погребений XII—XIII вв. Марийского Поволжья и Поветлужья (Починковский и Выжумский—III могильники) [Архинов, 1977, с. 112, рис. 1, 8, 16; АИА, р-1, д. 4560, рис. 26, 2; 92, 4]. Аналогичная костромским треугольная подвеска со стилизованными конскими головками происходит из курганной группы у с. Евчакова, исследованной в Ярославском Поволжье [АЛОИА, ф. 2, д. 1929/223, л. 7, 20; Горюнова, 1964, с. 100, рис. 42, 8].

Колечковые подвески (25 экз.) найдены в 17 женских захоронениях. Они представляют собой пирамидки из слитых вместе шести, в одном случае — 10 колец (табл. V, 9, 10). Кроме Костромского Поволжья четыре таких изделия встречены в бассейнах Тезы и Уводи (Вознесенский и Семухинский могильники) [АЛОИА, ф. 1, д. 1863/3, л. 28; Ерофеева, 1976, с. 220, 221, рис. 2, 11, 12], одно — в Ярославском Поволжье, в комплексе второй половины XII—XIII в. (кург. 30 первой группы у с. Кривец) [Ушаков, 1890, с. 31; Никольская, 1949, с. 33, рис. 4],¹⁹ и не менее шести — в марийских могильниках XII—XIII вв. [АИА, р-1, д. 4560, рис. 24, 16; 29, 10; 91, 2, 4; Архинов, 1977, с. 112, рис. 1, 20].

В костромской коллекции имеется всего 4 экз. еще одной разновидности шумящих украшений — из трех слитых вместе или слегка выпуклых спиралевидных дисков, орнаментированных по краям шариками зерна (табл. V, 11). Сходная форма изделий хорошо известна в памятниках финно-угорских племен предшествующего периода. Отметим, в частности, шумящие украшения со щитком, состоящие из трех спиралевидных дисков и декорированные зернью, отнесенные И. Г. Розенфельдт к позднедьковскому племенному типу серег VII—IX вв. [1978, с. 158—164].

Типологически близкие костромским многоспиральные подвески широко бытовали в среде восточных угро-финских племен и в начале II тысячелетия н. э. Они представлены на памятниках Прикамья и Нижнего Приобья [Спицын, 1902, табл. XXIII, 3; XL, 13; Чернецов, 1957, с. 224, 225, табл. XLI, 1, 4]. Из Прикамья, как полагают, отдельные украшения проникали далеко на запад, в земли Юго-Восточного Приладожья [Кочуркина, 1973, с. 38, 39, табл. 4, 7]. Территориально близкие и полностью аналогичные нашим находкам изделия встречены в могильниках на Тезе и Уводи, в Марийском Поволжье и Поветлужье [АЛОИА, ф. 1, д. 1863/3, л. 28; Ерофеева, 1976, с. 221, рис. 2, 2; АИА, р-1, д. 4560, рис. 70, 7; 91, 1, 5]; еще одна подвеска происходит из древнерусского слоя Городца на Волге, датируемого второй половиной XII—первой половиной XIII в. [Медведев, 1967, с. 83, рис. 29, 1]. Треугольные шумящие подвески известны во всем ареале костром-

¹⁹ ГИМ, инв. 80135, хр. P8/15а

ской курганной культуры, но в разной степени характерны для отдельных ее регионов. Наибольшая их концентрация наблюдается в бассейне Покши—Сендеги, где сосредоточены 32 каркасных, девять колючковых и три из четырех известных многоспиральных украшений. На правобережье Костромского региона треугольные подвески редки; в центральном и восточном отделах курганной культуры встречено около 30 % изделий, причем спиральные подвески здесь отсутствуют. В погребениях они представлены чаще всего единичными находками, но нередки и наборы из двух-четырех шумящих украшений, в ряде случаев разнотипных. Большинство подвесок найдено у пояса погребенных. Именно такое устойчивое положение их при костяках зафиксировано в зоне наивысшей концентрации рассматриваемых изделий (бассейн Покши—Сендеги), где в восьми курганах они находились в футлярах у пояса умерших. На правобережье Костромского региона отмечены единичные случаи использования колючковых подвесок в качестве нагрудных или височных украшений. И наконец, в Колдомо-Сунжинском регионе в равной степени было распространено ношение подобных изделий как на груди, так и на поясе: в семи курганах они были найдены на груди, в восьми — у пояса. В частности, именно здесь обнаружено сложное нагрудное украшение, состоящее из двух каркасных треугольников со стилизованными конскими головками, соединенных цепочкой из восьмеркообразных звеньев (№ 162, 10). Такой прием соединения нагрудных подвесок, как отметил А. П. Смирнов, почти не встречается в Поволжье и Приуралье, но был широко распространен в Прибалтике; высказано предположение (со ссылкой на рассматриваемую находку) об определенном западном влиянии на украшения костромской мери [Смирнов, 1970, с. 169]. Следует сразу же отметить, что других аналогичных случаев на Костромщине зафиксировано не было, а парное нагрудное украшение с «западным» приемом соединения подвесок происходит из погребального комплекса смешанного облика — прибалтийско-финского и местного финского.

Конусовидные подвески с двумя-тремя петлями внизу, к которым прикреплялись на цепочках бубенчики или колокольчики (табл. VI, 1—3), были широко распространены в XII—XIII вв. на финно-угорских территориях восточноевропейского севера, встречаясь, в частности, в Приладожье, Белозерье и в бассейне Северной Двины [Голубева, 1973, с. 43]. В Костромском Поволжье насчитывается 47 конических подвесок, происходящих из 37 женских погребений. Судя по их положению у бедер умерших, они использовались в качестве украшений пояса и прикреплялись к нему с помощью кожаных шнурков, на которые чаще всего нанизывались многочисленные литые металлические бусины. Ареал конических подвесок охватывает всю изучаемую территорию, и лишь на правобережье Костромского региона они почти неизвестны (зафиксирована лишь одна находка этого типа).

Для более раннего времени — X—XI вв. — в основном харак-

терны колоколовидные подвески (табл. VI, 4), известные у целого ряда финно-угорских группировок, обитавших к востоку от Волхова. По-видимому, хронологическими причинами объясняется тот факт, что подвески данного типа лишь один раз были встречены в Костромском Поволжье, причем здесь они входили в состав уже упоминавшегося выше погребального комплекса с прибалтийско-финскими элементами культуры (№ 162, 10); 10 колоколовидных подвесок, завернутых в куски ткани, находились у пояса умершей женщины.

О связях рассматриваемой территории с Камским бассейном свидетельствуют сравнительно немногочисленные находки арочных (№ 179, 1, 2; 210, 5), «якорьковых» (№ 154, 8; 164, 1; 195, 2) и флаконовидных (№ 142, 4; 170, 8) подвесок (табл. VI, 5–8). Первые две формы были отнесены М. В. Талицким к типичным украшениям болгарской эпохи в Верхнем Прикамье, получившим наибольшее распространение в XII–XIII вв. [1951, с. 57–59, рис. 26, 3, 8]; XII в. датирует появление «якорьковых» подвесок А. А. Спицын [1902, с. 40, табл. XIII, 14; XXXII, 5]. Флаконовидные украшения бытовали у камской чуди с X до XII–XIII вв. [там же, с. 31, 36, 37, 43, табл. IX, 11–14]. В Костромском Поволжье бронзовые «якорьковые» изделия служили нагрудным украшением, арочные и флаконовидные встречены у пояса (к последней разновидности «чудских» древностей попарно прикреплялись многоспиральные треугольные подвески или объемные изображения утолчек волго-камского происхождения). Ареал таких находок охватывает в основном лишь правобережную часть Колдомо-Сунжинского региона.

Ф-образные пронизки (табл. VI, 9), представленные всего 2 экз., происходят из бассейна Покши (№ 90, 2; 119, 3). Встречены они также у пояса погребенных. По характеру орнамента к костромские находки обнаруживают наибольшее сходство с пронизками из грунтовых могильников корелы XII–XIV вв. [ср.: Schwindt, 1893, kuv. 266, 271, 273].

В бассейне Покши и на левобережье Колдомо-Сунжинского региона встречены литые бронзовые изделия в виде пластинчатого диска с концентрической рельефной орнаментацией и трубчатой полый перемычкой в центре пластинки (№ 122, 19; 235, 3; табл. VI, 10). За пределами Костромского Поволжья две полностью аналогичные находки зафиксированы в Юго-Восточном Приладожье и в бассейне Северной Двины на р. Ваге. Л. А. Голубева относит эту форму украшений к цепедержателям, бытовавшим в финно-угорской среде на протяжении XII в. [1973, с. 37, 38, рис. 4, 6].

Из несерийных шумящих подвесок следует отметить ажурную с прямоугольным щитком, выполненную в наборной технике и снабженную бутылковидными привесками (№ 142, 12), а также горизонтальную планку с «бахромой» из треугольных привесок (№ 153, 5; табл. VI, 11, 14). Такие изделия были широко распространены у волго-окских финно-угров в IX–XI вв.;

известны они и во Владимирских курганах. Костромские находки не могут быть датированы временем ранее XII в.²⁰

Многочисленную группу нагрудных и поясных украшений женской одежды образуют зооморфные подвески (150 экз. из 118 погребений). Почти все они принадлежат к типам, сформировавшимся на финно-угорской основе и отражающим «чуждое» наследие в культуре древнерусского времени. Единственное исключение составляет коньковый амулет «общераспространенного», или «смоленского», типа, найденный в кургане у д. Турыгино (№ 96, 16). Украшения этого типа появились в славяно-балтской среде, однако в XI—XII вв. имели довольно широкое распространение и на финно-угорском севере благодаря сходному зооморфному сюжету. Не случайно, что и в костромском погребении пластинчатый «обычный» конек был встречен у пояса умершей вместе с типично финно-угорской каркасной треугольной подвеской.

Приведем краткую характеристику зооморфных изделий.²¹ Тип I — прорезные изображения водоплавающей птицы. Происходят из 10 погребений (10 экз.). Представляют собой позднюю переработку ранней серии изделий, возникшей в Юго-Восточном Приладжье. Среди костромских находок встречены как птицевидные подвески, изготовлявшиеся на северо-западе Руси, так и отливки местного, костромского происхождения (табл. VI, 12, 13). Время распространения поздних вариантов типа I в древнерусских землях — вторая половина XI—XII в.

Тип III — ажурные фигурки птиц, отличительной особенностью которых является наличие крыла, выделенного выступом в передней прорези изображения (табл. VI, 15, 16). Происходят из шести курганов (6 экз.). Основной район их распространения также локализуется на северо-западе Новгородской земли и в Прибалтике. Оттуда стандартные отливки фантастических «рогатых» птичек, датируемых по всей совокупности материала XII в., проникали на более восточные территории, в том числе и на Костромщину (вариант 1). В XII—XIII вв. в Костромском Поволжье происходит местная переработка этой формы украшений, выразившаяся в замене птицевидной головки изображения массивной головой коня при сохранении основных признаков типа (вариант 2 — 3 экз.).

Северо-западное происхождение имеет еще одна серия зооморфных амулетов — в виде ажурной пластинчатой фигурки, изобра-

²⁰ Интересен факт находки прямоугольной наборной подвески, характерной для мордовских древностей IX в., в кургане XII—XIII вв. у д. Татариново [Голубева, 1979, с. 49, примеч. 195]. Вероятнее всего, это не свидетельство длительного переживания архаических форм украшений в среде костромских финно-угров, а редкий случай вторичного использования предметов из разрушенных погребений или из слоя поселения.

²¹ Эта типология соответствует классификации зооморфных подвесок, разработанной нами в специальном издании [Рябинин, 1981а]; введены лишь незначительные уточнения в количественные данные, полученные в результате использования дополнительных материалов.

жающей четырехногого конька (тип XIII). Она представлена 11 находками, происходящими из 10—11 погребальных комплексов (табл. VI, 19). Этот тип украшений сконцентрирован в Новгородской земле и Прибалтике, где был особенно популярен у средневековых ливов. Примечательно, что ряд погребений Костромского Поволжья включал наряду с коньковыми подвесками типа XIII и другие изделия северо-западного происхождения. Датируются ажурные коньки XII—XIII вв.

Ажурные птицевидные изображения, снабженные шумящими лапчатыми привесками (табл. VI, 17), подразделяются на одноглавые (тип IV) и двуглавые (тип VIII). В костромской коллекции их 3 экз. Ареал таких находок охватывает в основном территорию Северо-Восточной Руси, причем не исключено их изготовление в городских центрах Владимирской земли в XII—первой половине XIII в.

Тип V — пластинчатые сплошные, без ажурных прорезей, уточки с шумящими привесками-лапками или бубенчиками (табл. VI, 18). Представлены 20 находками. Судя по концентрации таких украшений в Костромском Поволжье и Прикамье, подвески типа V изготовлялись в окрестностях Костромы и на Каме и уже оттуда распространялись на окружающие территории. Время бытования пластинчатых уточек — XII—XIII вв.

К северо-восточному кругу финно-угорских древностей относятся и двуглавые коньковые изображения — 16 экз. (табл. VI, 20, 22, 23). Подвески, лишенные шумящих привесок, принадлежат к типу VII, распространенному в XII в. на территории от Приладожья до Прикамья. Остальные двуглавые подвески, снабженные «бахромой» из лапчатых привесок (тип VIIA), имеют более ограниченный ареал, включающий Костромское Поволжье и прилегающие районы Волго-Клязьминского междуречья, а также Марийское Поволжье и Поветлужье. Есть основания предполагать местное, костромское производство шумящих коньковых украшений типа VIIA, датируемых XII—XIII вв.

Свыше половины зооморфных подвесок из костромской коллекции составляют полые объемные изображения — 86 экз. (табл. VI, 24—26). Среди них можно выделить небольшую группу (15 экз.) полых уточек (тип XVIII), распадающихся на варианты приладожского, ветлужско-камского и местного происхождения, а также объемные изображения коньков (тип XX), изготовлявшиеся в Новгороде и оттуда распространявшиеся на земли финно-угорского или славяно-чудского расселения (14 экз.). Преобладающей формой местных украшений являются «барашки», или «коньки-птицы» (тип XIX); их насчитывается не менее 55 экз. Производство этих довольно разнообразных по деталям исполнения подвесок, сочетающих в себе элементы образа коня и птицы, было налажено на Костромщине. Изделия типов XVIII и XIX, найденные на соседних территориях, датируются XII—XIII вв.; новгородская серия коньковых украшений типа XX — концом XII—XIV в.

В трех костромских курганах встречены пластинчатые подвески с треугольным основанием, крайняя стилизация которых затрудняет решение вопроса о семантике изображения (табл. VI, 27). Высказывалось мнение о том, что это магические подвески, условно передающие женскую подбоченившуюся фигуру [Голубева, 1973, с. 44—46, рис. 6, 4]. В последней монографии Л. А. Голубевой они отнесены к разряду коньковых изображений [1979, с. 52, 53, табл. 22, 4—6, 8—10]. За пределами Костромского Поволжья пять таких подвесок зафиксировано в Белозерье и по одной — во Владимирских курганах и на территории бывшего Глазовского уезда Вятской губернии. Дата находок, установленная Голубевой, — XII в.

Широкое распространение в Костромском Поволжье разнообразных подвесок как древнерусских, так и финно-угорских типов сочеталось с почти полным отсутствием у местного населения традиции использования бронзовых цепочек для их ношения. Лишь в нескольких захоронениях зафиксированы цепочки из восьмеркообразных звеньев и в депаспортизованной коллекции Ф. Д. Нефедова сохранился фрагмент колечковой цепочки.

Нагрудные и поясные украшения прикреплялись к одежде с помощью кожаных ремешков, шерстяных и льняных шнурков, на которые нередко нанизывались мелкие литые бусины и спиральки. Захоронения с такими низкими характеризуются финно-угорским составом вещевого материала.

Пуговицы. Литые пуговицы являются элементом женского костюма (38 комплексов). Находят их обычно по 1 экз. на шее, груди или ключице костяка, но в шести случаях были встречены две и в одном — даже три литые пуговицы. Во всех курганах с такими находками нагрудные застежки отсутствовали.

Украшения обуви. В мужских и женских погребениях неоднократно встречались остатки мягкой кожаной обуви, а в 28 комплексах найдены кольца от нее. Последние располагались у ступни левой или правой ноги, и лишь в одном случае в ногах костяка обнаружены два колечка. Непарность находок обувных колец свидетельствует, очевидно, о том, что их назначение было не функциональным, а скорее декоративным. Это же подтверждается и встречаемостью украшений обуви только в женских погребениях. Такие изделия неизвестны в памятниках западного региона (рис. 11, 3). В центральной группе могильников для украшения обуви использовались плоские или круглого сечения бронзовые кольца, аналогичные кольцам, служившим для скрепления пояса. В кинешемских курганах для той же цели применялись рубчатые перстни.

Бытовой инвентарь

Копоушки. В коллекции они представлены шестью металлическими и костяными экземплярами. В богатом по составу инвентаря женском захоронении с отчетливыми элементами прибал-

тийско-финской культуры, исследованном в правобережной части Кольдого-Сунжинского региона, встречена литая бронзовая копоушка с фигурным пластинчатым щитком (№ 162, 10; табл. VII, 1). Аналогичные изделия, исполненные по единой модели, известны в приладожских курганах²² и на Псковщине.²³ Изготавливались они, вероятно, в Юго-Восточном Приладожье. Дата костромской находки — XII в.

В погребениях, раскопанных на левобережье центрального и восточного регионов курганной культуры, обнаружена стандартная серия литых миниатюрных копоушек с петлевидными выступами в верхней части (№ 221, 2, 4; 247, 3; табл. VII, 2). За пределами Костромского Поволжья одна полностью тождественная отливка была встречена в 1872 г. И. Р. Аспелином при раскопках кургана XII в. у погоста Бежецы в верхнем течении Мологи.²⁴ Локальный характер распространения ухверток с петлевидными выступами позволяет предполагать их производство в Костромском Поволжье.

Костяные копоушки с резной геометрической орнаментацией были широко распространены у некоторых финно-угорских племен Поволжья (Ярославские могильники, Сарское городище) и в Ветлужско-Вятском междуречье. К этому северо-восточному кругу «чудских» древностей принадлежит копоушка из кургана XII в. у д. Боровиково (№ 90, 4; табл. VII, 3). Отличительной особенностью второго костяного изделия (№ 264, 4; табл. VII, 4) является циркулярная орнаментация, почти не встречающаяся на такого рода предметах. Скорее всего, в данном случае сказалось влияние русского косторезного ремесла, излюбленным орнаментальным мотивом которого, проявившимся, например, в украшении двусторонних гребней, как раз и являлся узор из прочерченных кружков.

Игольники — довольно разнообразная категория женского бытового инвентаря, имевшая к тому же и несомненное декоративное назначение, — представлены вертикальными и горизонтальными экземплярами.²⁵

К вертикальным игольникам Л. А. Голубева относит бронзовые трубочки с шаровидными или овальными расширениями, известные в археологической литературе под наименованием «пронизки» (табл. VII, 5). В костромских курганах трубчатые игольники со вздутиями встречаются только в единственном числе и всегда у пояса. Ареал этого типа изделий обширен и охватывает финно-угорские территории «от Приладожья до области коми». Датируются костромские находки XII в. [Голубева, 1978, с. 199]. Всего на рассматриваемой территории зафиксировано шесть

²² Никольщина (ГЭ, ОИПК, инв. 1416/9); бывший Тихвинский уезд (фотоарх. ЛОИА АН СССР, П 41866).

²³ Заручье, бывший Псковский уезд [АЛОИА, ф. 2, д. 1931/743, № 58].

²⁴ Национальный музей Финляндии, инв. 1399:60.

²⁵ Приведенная типология костромских находок соответствует классификационной схеме, разработанной Л. А. Голубевой для игольников всего восточно-европейского севера [1978, с. 199—204].

погребении с трубчатыми игольниками, пять из которых исследовано в Колдомо-Сунжинском регионе, причем четыре — в его левобережной части.

Следующий тип вертикальных игольников представлен литыми изделиями ножевидной формы (табл. VII, 6—8). По деталям оформления щитка они подразделяются на игольники с гладким щитком (2 экз.), со щитком, имеющим ряд круглых сквозных отверстий (4 экз.) и фигурным, резным (6 экз.). Подавляющее большинство исследованных захоронений с ножевидными игольниками (10 из 12) сконцентрировано в западном регионе курганной культуры.

За пределами Костромского Поволжья аналогичные изделия встречены в Старой Ладогге и Приладожье (д. Горка на р. Паше), на северо-западе Новгородской земли (Вопша) и в слое второй половины XII в. Новгорода [Голубева, 1978, с. 201, 202], на Тиверском городище в Карелии [Кириичников, Петренко, 1974, с. 108—110, рис. 40, 1] и в курганном погребении второй половины XII — начала XIII в. у д. Лашковицы, исследованном автором на территории Водской земли в 1979 г. Их ареал, как это было отмечено Л. А. Голубевой, свидетельствует о прибалтийско-финском происхождении ножевидных игольников [1978, с. 200, 202], а находки последних в Костромском Поволжье являются одним из доказательств его связи с Прибалтикой, Приладожьем и Новгородской землей [Третьяков, 1931, с. 21].

Горизонтальные игольники (15 экз.) подразделяются на изделия с подтреугольным щитком, орнаментированным круглыми отверстиями (2 экз.), фигурным щитком, украшенным узором в виде плетенки (6 экз.), и индивидуальные по исполнению игольники с арочными косорешетчатым и радиальнолучевым щитками (табл. VII, 9—16). Концентрация стандартных изделий первой группы наблюдается в Приладожье, откуда и происходило их проникновение в ареал костромской курганной культуры. О связях Костромского Поволжья с Юго-Восточным Приладожьем свидетельствуют игольники и остальных двух групп; однако, по наблюдениям Л. А. Голубевой, на рассматриваемой территории было налажено и местное производство таких изделий по приладожским образцам. Большинство аналогичных находок датируется XII в. или более широко — XII—XIII вв.

Уникальным по исполнению является горизонтальный игольник из погребального комплекса, исследованного в бассейне Покши—Сендеги (№ 132, 2). Данное изделие, украшенное двумя фигурками коней по сторонам какой-то, очевидно культовой, постройки (табл. VII, 17), неоднократно воспроизводилось в публикациях. Не вызывает сомнения сложная семантика этого образца местного искусства, уходящая своими истоками в глубины языческих верований восточноевропейского севера.

Как отмечалось выше, вертикальные игольники с шаровидными вздутиями и продольными лопастями концентрируются в определенных зонах костромской курганной культуры. Горизонтальные

игельники такой узкой локализации не имеют и довольно равномерно распространены на всей изучаемой территории.

Гребни. В костромских курганах они встречаются крайне редко. Имеются сведения о находке четырех костяных гребней во время раскопок 1882 г. на правобережье Костромского региона [Миловидов, 1890а, с. 121]. В коллекции сохранились еще три костяных гребня, два из них — во фрагментах. В двух случаях они сопровождали мужские захоронения (№ 159, 5; 235, 5), в одном — пол умершего не определен (№ 168, 3). Двусторонний гребень с кружковой орнаментацией (табл. VII, 18) принадлежит к древностям, бытовавшим, судя по новгородским аналогиям, в XI—XIII вв. [Колчин, 1958, с. 100, 101, рис. 5, 5, 6; 1982, с. 164—166, рис. 5]. На протяжении всего XII в. они использовались в Ярополче Залесском [Седова, 1978, с. 87, 88, табл. 9]. Еще один гребень — двусторонний составной — относится к типу, известному в новгородских слоях XII—XIII вв. [Колчин, 1958, с. 100—102; 1982, с. 165, 166, рис. 5].

Железные иглы с кольцами (7 экз.; табл. VIII, 6). Эти предметы были широко распространены на территории Северо-Запада в X—XIII вв. и интерпретируются в настоящее время в качестве своеобразных походных вилок [Голубева, 1971, с. 114—126]. На Костромщине они встречены только в мужских погребениях, где располагались обычно вместе с ножом и кресалом у пояса умерших.

Ножи и ножны. Ножи (413 экз.) — наиболее распространенная категория курганных древностей, в равной степени представленная как в мужских, так и женских захоронениях. Они встречаются обычно у пояса, как правило, в 1 экз., но в четырех случаях рядом с погребенным находились два, а в одном — даже три ножа. Ножи имели деревянные рукояти, перехваченные железными или бронзовыми колечками. В женских погребениях отмечены единичные находки ножей с деревянным черенком, обвитым бронзовой проволокой (№ 203, 4), с костяной (№ 132, 2) и бронзовой литой рукоятью (№ 40, 12). Последняя типологически сближается с аналогичными изделиями прибалтийско-финского круга древностей (табл. VII, 21).

Согласно имеющимся данным, ножны обычно изготавливались из кожи, иногда на каркасе из луба или бересты. В коллекции представлены нарядные экземпляры таких ножен, происходящих из женских погребений, украшенные узором из бронзовых спиралек (табл. VII, 19, 20). Дважды зафиксированы находки кожаных ножен с бронзовыми пластинчатыми оковками (табл. VII, 22).

Кресала. Эти изделия встречены в 74 комплексах. Данная категория бытового инвентаря наиболее типична для мужских захоронений, но в 10 случаях кресала сопровождали женские трупоположения. Их носили у пояса обычно в наборе с кремнем для высекания огня и ножом. Типы найденных на Костромщине кресал наглядно иллюстрируют довольно поздний характер местной курганной культуры (табл. VIII, 1—5). Из 47 сохранившихся изделий лишь одно относится к калачевидным кресалам с язычком,

бытовавшим с X до третьей четверти XII в.,²⁰ и одно — к калачевидным без язычка (представлены в новгородских слоях 1096—1238 гг.). Наиболее распространены кресала удлиненно-овальной формы. Среди них выделяется серия кресал с внутренним фигурным вырезом (16 экз.), характерная для ярусов 12—19 Великого Новгорода (1134—1299 гг.). У второй многочисленной группы находок (21 экз.) есть лишь простая удлиненно-овальная прорезь, но по своей конфигурации такие изделия несомненно принадлежат к типу, бытовавшему на Руси в XII—XIII вв. Наиболее позднюю группу образуют восемь овальных двулезвийных кресал, вошедших в Новгороде в употребление с начала XIII в. В западном регионе они отсутствуют. Вряд ли, однако, имелся заметный хронологический разрыв между бытованием удлиненно-овальных и овальных огнив, так как известны примеры нахождения кресал обоих типов в одних и тех же незначительных по количеству насыпей и периоду функционирования курганных группах.

В пяти курганах встречены точильные оселки прямоугольной продолговатой формы. У некоторых из них сохранились отверстия для подвешивания к поясу. Найдены они как в мужских, так и женских погребальных комплексах в наборе с ножами и кресалами.

Из остальных немногочисленных разновидностей бытового и производственного инвентаря следует отметить ножницы, найденные в захоронении (№ 130, 4), и мелкий инструментарий, связанный с обработкой дерева и железа. К сожалению, такие орудия, известные по депаспортизированной части коллекции Ф. Д. Нефедова, сохранились во фрагментарном состоянии, но среди них имеется, например, небольшое целое зубило для рубки металла.

Керамика (таб. IX, 1—6). Для ее характеристики может быть использована лишь небольшая серия сосудов из раскопок КУАК (Костромской музей). В коллекции Ф. Д. Нефедова керамика отсутствует, лишь среди депаспортизированных находок имеется несколько обломков гончарной посуды с волнистой орнаментацией.

Керамический материал из костромских курганов проанализирован в работах П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой. Отмечено наличие единичных находок круглодонных лепных сосудов с почти цилиндрическим горлом, имеющих ближайшие аналоги на памятниках Верхнего Прикамья родановского времени (XII—XIII вв.). В ряде захоронений встречены изготовленные на гончарном круге низкие приземистые горшки, диаметр горла которых превышает их высоту. По заключению Горюновой, эта наиболее характерная для Костромского Поволжья форма генетически связана с лепной посудой, бытовавшей в эпоху дяковской культуры. Известны приземистые горшки с узким, почти прямым венчиком и слабо выраженными плечиками и сосуды с широким отогнутым венчиком и резко выступающими плечиками. В керамическом

²⁰ Здесь и далее см.: [Колчин, 1959, с. 99—103, рис. 85; 1982, с. 161—164, рис. 4].

тесте содержится значительная кварцевая примесь, орнамент на плечиках и тулове сосудов ногтевой, штриховой, линейный и волнистый. Появление последних видов орнаментации на керамике «финноидных» форм свидетельствует, как это отмечалось в литературе, о несомненном славянском влиянии на местное гончарное производство. Представлены в костромской коллекции и типично древнерусские гончарные сосуды с линейным и волнистым орнаментом, с клеймами на днищах.²⁷ Примечательно, что такое же сосуществование местных форм приземистых горшков и керамики славянского типа прослеживается и на материалах самой Костромы [Фехнер, 1952, с. 107, 108].

В последние годы большая керамическая серия была получена при исследовании Коряковской курганной группы. Здесь впервые выявлены комплексы, содержащие не один, а несколько сосудов (до семи). Керамические формы в целом повторяют находки из дореволюционных раскопок костромских курганов и включают как посуду славянского облика, так и горшки местного типа [Леонтьев, 1984, с. 189—191, рис. 7, 8].

Предметы вооружения и орудия труда

В Костромском Поволжье широкое распространение получил обычай погребения умерших с орудиями труда. В литературе эта ритуальная черта даже отмечалась как характерная особенность местной курганной культуры, обусловленная воздействием финно-угорского субстрата [Третьяков, 1931, с. 28—30]. В значительно меньшей степени в инвентаре захоронений представлено боевое или охотничье оружие, однако и его появление в курганных комплексах относительно позднего времени также связывается с влиянием языческих традиций нерусского населения [Кирпичников, 1971, с. 49, 50].

Орудия труда и оружие обнаружены в 66 могильниках и определяют своеобразие более 160 погребений. Иначе говоря, они встречены примерно в каждом десятом раскопанном кургане (табл. 9).

О наличии определенной военной прослойки в среде местного населения свидетельствуют в первую очередь находки **булав** -- этого профессионального оружия средневекового ратника, почти не встречающегося в рядовых сельских могильниках. Все три обнаруженные булавы имеют железное навершие в форме куба со срезанными углами и принадлежат к массовому типу II (табл. VIII, 7), датируемому XII—XIII вв. [Кирпичников, 1966, с. 48, 49, рис. 10].

²⁷ Е. И. Горюнова отмечает преобладание приземистых сосудов по сравнению с керамикой славянского типа. При изучении материалов Костромского музея нам, к сожалению, оказалась доступной лишь небольшая серия керамических находок, явно недостаточная для каких-либо статистических заключений.

Таблица 9

Количественное распределение находок в погребениях разных регионов

Регион	Всего		Копье, сулица	Булава	Стрела	Топор	Коса- горбуша	Серп
	груши	курганов						
Костромской	39	116(+x)	16	3	5	67(+x)	25(+x)	29(+x)
Болдомо- Сунжин- ский	18	23	1		1	20	—	2
Кинешемский	8	21	1	—	1	17	—	2
Бассейн Нем- ды (Турово)	1	1		—	—			1
Итого . . .	66	161(+x)	18	3	7	104(+x)	25(+x)	34(+x)

В 18 мужских захоронениях обнаружены **копья и сулицы** (табл. VIII, 8, 9).²⁸ Из 12 определимых наконечников копий шесть относятся к типу III, для которого характерно наличие относительно широкого пера удлинненно-треугольной формы, и одно — к разновидности этого типа — IIIA. В одном кургане найдена рогатина (тип IVA) и в четырех — копья с пиковидным четырехгранным пером и воронковидной тульей (тип V). Большинство костромских копий могло использоваться в качестве и боевого, и охотничьего оружия. Дата основной части находок, по А. Н. Кирпичникову, — XII—XIII вв.; лишь некоторые экземпляры принадлежат к XI—XII вв., но, судя по составу вещевых находок в комплексах, не могут быть старше XII в. Единственная находка метательного копья — сулица (тип IVA) — также датируется XII—XIII вв.

Лишь в шести курганах найдены черешковые **наконечники стрел** ромбической формы без упора для древка (табл. VIII, 10, 11). Такие стрелы бытовали до конца XIII в. на обширных территориях восточноевропейского севера — от Новгородской земли до Прикамья [Медведев, 1966, с. 66, 67].

Первое место среди находок производственных орудий и оружия занимают **топоры** (свыше 100 экз.), из которых лишь три могут быть отнесены к собственно боевому вооружению. Это широколезвийные секиры с симметрично расходящимся лезвием и двумя боковыми щекавицами, принадлежащие к типу VII по классификации А. Н. Кирпичникова. Датируются костромские боевые топоры XII—XIII вв. [Кирпичников, 1966, с. 124—127]. Остальные находки представлены рабочими формами топоров, часть которых, однако, использовалась и для вооружения ратников (табл. VIII, 12, 13). Об этом свидетельствует их появление в комплексах с предметами воинского снаряжения (табл. 10).

²⁸ Типология и хронология костромских находок приведена по А. Н. Кирпичникову [1966, № по каталогу копий: 323—327, 406—407, 453, 474—476, CLXIV—CLXVII; сулиц: 33].

Таблица 10

Состав оружия в погребениях

№ по Списку погребальных памятников	Булава	Копье, сулица	Стрела	Топор		№ по Списку погребальных памятников	Булава	Копье, сулица	Стрела	Топор	
				босвой	рабочий					босвой	рабочий
13, 8	-	+	-	-	-	40, 41	+	+	-	-	+
22, 4	-	-	+	-	-	83, 3	-	-	-	+	-
40, 4	-	-	-	+	-	85, 2	-	+	-	-	-
40, 5	-	+	+	-	+	96, 17	-	-	-	+	-
40, 8	-	+	-	-	+	104, 1	-	+	-	-	-
40, 13	-	+	+	-	+	235, 6	-	-	+	-	-
40, 30	-	+	+	-	+	269, 5	-	+	-	-	-
40, 39	-	+	-	-	-						

Примечание. Знак плюс (+) — наличие находок в погребениях, минус (-) — отсутствие.

Несмотря на имеющиеся различия в пропорциях и особенностях формы, костромские хозяйственные топоры представлены всего двумя основными разновидностями (48 из 54 определяемых орудий). У первой из них, численно преобладающей (29 экз.), нижняя часть бойка оттянута лопастью в сторону рукояти, вторая (19 экз.) характеризуется наличием широкого симметричного лезвия и облегченного обуха.²⁹ Типологически обе разновидности рабочих топоров соответствуют двум переходным (по новгородской классификации) формам, время бытования которых определяется их концентрацией в ярусах 14—17 Великого Новгорода (1177—1268 гг.) [Колчин, 1959, с. 27—30, рис. 10, 2—4, 7; 12].

В костромской коллекции есть только 2 экз. узколезвийных клиновидных топоров, у которых ширина лезвия составляет около трети высоты бойка. Эта архаическая форма орудий на собственно русских территориях доживает лишь до XII в., у финских племен прослеживается ее бытование и в XIV в. [Левашева, 1956, с. 40, 41, рис. 9]. Один клиновидный топор происходит из случайных раскопок (№ 34), второй, что особенно примечательно, найден в комплексе с трупосожжением (№ 80, 3).

Только в четырех курганах обнаружены топоры с симметричным лезвием и облегченным круглым обухом. Эта более поздняя форма орудий соответствует типу II новгородских рабочих топо-

²⁹ По типологии древнерусских сельскохозяйственных орудий, разработанной В. П. Левашевой, первая группа относится к типу III (широколезвийно-лопастные топоры), вторая — к типу II (широколезвийные топоры) [1956, с. 41—43]. В классификационной схеме А. Н. Кириличникова обе разновидности костромских орудий принадлежат соответственно к рабочим сериям топоров типов VI и VII, характерных, по заключению автора, для костромских курганов XII—XIII вв. [1966, с. 38, 39].

ров, бытовавшему с XIII до начала XV в. [Колчин, 1959, с. 24, рис. 9, Б; 1982, с. 163, 164, рис. 4].

Находки топоров характерны для мужских курганных захоронений. Из сотни документированных комплексов с такими орудиями лишь в четырех они сопровождали умерших женщин.

Косы-горбуши (более 25 экз.) встречены только в мужских погребальных комплексах, чаще всего во фрагментированном состоянии (табл. VIII, 14, 15). Для Костромского Поволжья намечается свой вариант горбуш, весьма сходный с косами новгородского типа, но по характеру изгиба клинка в конечной его части сближающийся со среднерусским типом орудий (в последний входят и косы Владимиро-Суздальской земли) [Левашева, 1956, с. 87—90].

Серпы (свыше 34 экз.) найдены только в женских погребениях (табл. VIII, 16, 17). Среди местных находок, как и у кос-горбуш, выделяется особая разновидность серпов, включаемая в самостоятельный костромской тип (или костромской вариант новгородского типа). По большинству показателей костромские серпы аналогичны новгородским, но некоторые важные признаки сближают их с орудиями московского типа, распространенными на территории Московской, Калужской и отчасти Калининской и Рязанской областей [Левашева, 1956, с. 70—72].

Из остальных изделий, связанных с производственной деятельностью, следует отметить немногочисленные пряслица, также сопровождавшие женские захоронения (4 экз.). Сохранившиеся экземпляры — шиферные пряслица овручского типа.

При изучении территориального размещения комплексов с оружием и производственным инвентарем обращает на себя внимание явная неравномерность их распределения в ареале костромских курганов (табл. 9; рис. 9, 1—3). Основная масса хозяйственных орудий (75 % находок) происходит из западного региона. Здесь сосредоточены около 90 % погребений с серпами и все документированные комплексы с находками кос-горбуш и пряслиц. Таким образом, орудия труда оказываются характерной особенностью не всего пласта костромских могильников, а лишь их западной части. Здесь, что особенно примечательно, только на правобережье Волги исследованы курганные группы с необычайной концентрацией производственного инвентаря. В могильнике у д. Пьянково орудия труда встречены в 22 из примерно 50 исследованных насыпей. Во время раскопок 48 курганов, проведенных в 1883 г. Н. М. Бекаревичем и почти не документированных, было найдено пять топоров, четыре серпа, пряслице и 17 кос, входящих в состав свыше 20 захоронений. Аналогичная картина наблюдается и при картографическом анализе предметов вооружения. Достаточно отметить, что лишь на правобережье Костромского региона сосредоточено 80 % таких погребений, в том числе и все комплексы с дружинным оружием — булавами. Наибольшая насыщенность курганов боевыми средствами опять-таки оказывается характерной для Пьянковского могильника.

Проведенный анализ вещевого материала позволяет обратиться к вопросу о хронологии костромской курганной культуры. В историографическом обзоре уже отмечалось наличие разных точек зрения в литературе конца XIX—начала XX в. относительно датировки средневековых погребальных памятников рассматриваемой территории. Значительные расхождения продолжают сохраняться и в современных исследованиях. По высказанному в 1931 г. П. Н. Третьяковым заключению, повторенному и в более поздней его работе [1970, с. 134], костромские курганы сооружались с середины XII и до начала XV в. Е. И. Горюнова относит основную массу могильников Ивановской и Костромской областей к XII—XIII вв., признавая возможное наличие отдельных погребений и более раннего времени [1961, с. 222—225]; XI—XIII вв. суммарно датирует рассматриваемые памятники В. П. Глазов [1977, с. 40].

С проблемой «широкой» или «узкой» хронологии костромских курганов прямым образом связан вопрос о возможностях выделения последовательных этапов в развитии местной культуры. Исходя из вывода о необычайно долгом переживании курганного обряда в Костромском Поволжье (с середины XII до XV в., т. е. в пределах 250—300 лет), П. Н. Третьяков на основе корреляционной обработки материала выделил четыре хронологические группы погребений с присущим каждой из них набором характерных типов древностей. Три стадии — раннюю, среднюю и позднюю — намечает для костромских курганов В. П. Глазов. В монографии Е. И. Горюновой такая четкая хронологическая дифференциация памятников отсутствует, однако автор различает древности XI—XII и XII—XIII вв., а иногда, не приводя, правда, обоснования самих дат, говорит о могильниках XI, XII и XIII вв.

Анализ вещевого материала со всей очевидностью показывает, что подавляющая часть погребального инвентаря относится к единому хронологическому периоду — XII—XIII вв. Именно этим временем датируются наиболее распространенные в местной культуре типы бус, браслетов, перстней, подвесок, бытовых предметов, орудий труда и оружия. Изделия XI—XII вв. немногочисленны и все происходят из комплексов, содержащих инвентарь XII—XIII вв. Древности более раннего времени в костромских курганах вообще неизвестны. Исключение составляют лишь восточные монеты, встреченные в девяти погребениях и относящиеся, судя по определяемым экземплярам, к X в. Дата их чеканки — 905/06 (№ 174, 5), 949/50 гг. (№ 171, 3), не позднее 987 (№ 221, 2), 976—997 гг. (депаспортизированный экземпляр) [Потин, 1971, с. 108, 109]. На основе нумизматических находок первыми исследователями костромских курганов и был выдвинут тезис о наличии среди них комплексов X—XI вв.

Восточные монеты обнаружены в инвентаре женских труположений, и лишь в одном случае дирхем был найден в кургане

с остатками кремации. Все монеты снабжены приклепанными гладкими или рубчатыми ушками; использовались они в качестве нагрудных или шейных украшений, нередко входя в состав ожерелий. Основная часть находок (семь из девяти) происходит из Колдомо-Сунжинского региона.

Монеты-подвески X в. встречены в комплексах, содержащих инвентарь XII—XIII вв., и, разумеется, не могут служить хронологическим индикатором. Интересно другое обстоятельство — фактическое отсутствие в костромских могильниках западноевропейского серебра.³⁰ Это, по нашему мнению, объясняется только тем, что само распространение местной курганной культуры относится к периоду резкого сокращения ввоза западноевропейских монет на Русь и, следовательно, не может быть датировано временем более ранним, чем XII в., причем даже не началом этого столетия.³¹

Памятниками, фиксирующими начальный этап древнерусской колонизации края, обычно считаются курганы с трупосожжениями, крайне нехарактерные для рассматриваемого региона. Их малочисленность и территориальная разбросанность не позволяют связывать спорадическое проявление обряда кремации с местными финно-угорскими ритуальными традициями. Вероятно, это действительно наиболее ранние погребальные комплексы, оставленные пришлым населением, еще практиковавшим в остаточной форме более древний обряд сожжения. Е. И. Горюнова относит их появление в Костромском Поволжье ко второй половине XI в. [1961, с. 225]. Но находки из таких погребений омолаживают эту дату: в одном кургане был встречен рубчатый перстень XII—XIV вв. (№ 101, 1); во втором — стеклянный браслет, относящийся к типу изделий, появляющихся на Руси лишь с 30-х гг. XII в. (№ 155, 4).

Таким образом, курганы старше XII в. в Костромском Поволжье неизвестны. Некоторые данные, в частности материалы Коряковского могильника, позволяют предположить инфильтрацию отдельных групп поселенцев еще в конце XI в., но широкое распространение курганной культуры, как и предполагал П. Н. Третьяков, относится лишь к середине—второй половине названного столетия. В этом нас убеждает почти полное отсутствие в вещевом материале древностей, характерных только для XI

³⁰ Единственным исключением является фризландская монета Эдберта II (1068—1090), обнаруженная А. Е. Леонтьевым при раскопках Коряковской курганной группы в 1976—1978 гг. [1984, с. 191].

³¹ Правда, может быть приведено и другое объяснение указанного факта: предположение о полной оторванности края от путей поступления западно-европейского серебра. Однако характер местной культуры ясно свидетельствует о наличии тесных и довольно оживленных связей Костромского Поволжья с другими древнерусскими землями и не дает никаких оснований видеть в нем лишь глухую и экономически отсталую окраину Северо-Восточной Руси. К тому же хорошо известно, что в XI—начале XII в. западноевропейские монеты в большом количестве проникали даже в такие северные районы Восточной Европы, как например земли перми вычегодской [см.: Савельева, 1971, с. 36—42]. Вряд ли Костромское Поволжье являлось в этом отношении каким-то исключением.

или XI—начала XII в. Последние неизбежно должны были придать известное своеобразие погребальным комплексам первой половины XII в. даже на фоне остального инвентаря, датированного XII—XIII вв.

Курганный обряд захоронения просуществовал на Костромщине до XIII в. включительно, комплексы XIV—XV вв. здесь уже отсутствуют. «Широкая» хронология костромских курганов, предложенная в 1930-х гг. П. Н. Третьяковым, основана на устаревших к настоящему времени датировках вещевого материала и требует пересмотра.³² Переживание курганного обряда на рассматриваемой территории было вряд ли более значительным, чем в соседнем Ярославском Поволжье, где поздняя группа погребений относится ко второй половине XII—XIII в. [Никольская, 1949, с. 31—41].

Время бытования курганного обряда в Костромском Поволжье в основном совпадает со второй хронологической стадией, выделяемой для верхневолжских могильников, которая характеризуется устойчивым набором инвентаря, фактически не менявшегося на протяжении второй половины XII—XIII в.

Насколько реально выделение в этом случае трех-четырёх хронологических этапов для существовавшей не более полутора-двух столетий костромской курганной культуры? Нами была выполнена корреляция вещей по погребальным комплексам, аналогичная их обработке, проведенной П. Н. Третьяковым, но базирующаяся на привлечении основной части инвентарных захоронений из всех регионов Костромского Поволжья. Как выясняется, четких стадийных различий в составе материала не наблюдается, за выделенными же в свое время группами погребений скрываются не временные, а преимущественно этнографические региональные особенности. Синхронность костромских древностей наглядно иллюстрируется таблицей встречаемости типов украшений, считавшихся характерными лишь для определенных стадий (табл. 11). Большинство погребальных комплексов может быть датировано лишь в хронологическом диапазоне всего существования курганной культуры. Находки в некоторых захоронениях предметов с более узким периодом бытования позволяют выделить комплексы только XII или XIII в., но подобные случаи немногочисленны, состав же инвентаря в таких относительно ранних и более поздних погребениях приблизительно один и тот же, без наблюдаемых существенных различий.

Известно, что для целого ряда древнерусских территорий выявляется общая тенденция в развитии погребального обряда, выра-

³² На тех же устаревших датировках базировалась и хронология вятических древностей, разработанная А. В. Арциховским: они были отнесены им к XII—XIV вв. [Арциховский, 1930]. Проведенное в последнее время уточнение датировок позволило значительно сузить эту хронологию и, что особенно показательно, сдвинуть верхнюю границу существования курганной культуры до XIII в. [Равдина, 1965].

Таблица 12

Распределение инвентаря по погребениям на разных уровнях

Инвентарь	На горизонте (177)	В ямах глубиной	
		до 40 см (58)	свыше 40 см (46)
Кольца височные щитковые	8	3	2
Серьги бусинные	3	2	3
Браслеты:			
овальноконечные	3		1
ужкомассивные	1	1	
оттянутоконечные	7	1	3
дегочные и тупокопечные	14	3	4
загнутоконечные	8	4	1
витые петлекопечные	16	7	1
Перстни:			
рубчатые	23	7	6
пластинчатые	13	3	2
щитковые	—	1	1
Бусы:			
золотостеклянные	1	—	
зонные цветные	41	16	8
зонные с инкрустацией	3		
хрустальные, сердоликовые	5	1	1
Подвески:			
лушницы	10	1	
решетчатые	4	1	—
монетовидные	3	—	1
круглые прорезные	4	—	
крестики и образки	8	1	
колечковые и спиральные	3	3	1
каркасные треугольные	11	4	1
уточки пластинчатые с привесками	2	1	—
птицевидные плоские прорезные	8		
коньки пластинчатые двуглавые	2	—	
зооморфные подые	13	4	4
конусовидные	5	1	3
Игольники	12	2	
Гривны шейные	3	3	
Фибулы подковообразные	10	3	2
Орудия труда	38	11	8

Примечание. В головке цифры в скобках — число инвентарных комплексов.

жившаяся в постепенном переходе от более ранних захоронений на горизонте к помещению умерших в подкурганые могильные ямы. В Костромском Поволжье ямные труположения характерны лишь для его западного региона, причем наблюдается несомненная концентрация таких комплексов на периферии этого курганного массива. Есть основания предполагать, что и здесь основная часть захоронений в ямах, особенно в достаточно глубоких, была совершена на позднем этапе существования местной курганной культуры. Их сопоставление с группой погребений на горизонте приведено в табл. 12. Можно констатировать постепенное уменьшение инвентаря в ямных труположениях и увели-

чение общего числа комплексов без вещевых находок (последние составляют 30 % учтенных погребений на горизонте и 54 % — в могилах глубиной более 40 см). Ведущие категории инвентаря представлены во всех рассмотренных группах, а отсутствие некоторых из них в ямных погребениях вряд ли может иметь серьезное значение для хронологических наблюдений при учете небольшого числа сопоставляемых находок. Исключением являются лунницы, круглые прорезные подвески, плоские зооморфные амулеты северо-западного происхождения (типы I и XIII по нашей классификации), а также вертикальные и горизонтальные игольники. Все они проявляют довольно устойчивую связь с захоронениями умерших на горизонте. Намечающийся по этим данным более узкий период бытования перечисленных форм древностей находится в полном соответствии с отнесением их к XII или XII—началу XIII в.

НАСЕЛЕНИЕ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В XII—XIII вв.

В пестрой по составным элементам костромской курганной культуре отразилась сложная история формирования средневекового населения края. В этот процесс были включены как выходцы с древнерусских территорий, осваивавшие северо-восточную окраину Залесской земли, так и местные финно-угорские коллективы, перешедшие в начале II тысячелетия н. э. к курганному обряду погребения. В рассматриваемом пласте археологического материала своеобразно переплелись самые разнородные по происхождению традиции. Именно на это указывал в свое время крупнейший знаток славяно-русских и финно-угорских древностей А. А. Спицын, обстоятельно проанализировавший погребальные памятники Костромского Поволжья: «Приводит в недоумение очень случайный и пестрый набор вещей костромской полумерянской культуры. Тут как-то не видно любимых форм; здесь можно надеяться встретить все и нет ничего устойчивого» [1924, с. 15—16]. Намеченные при изучении обряда и инвентаря погребений региональные различия в значительной степени снимают вопрос о кажущейся случайной пестроте изучаемых древностей (табл. 13). За выделенными блоками признаков, имеющих локальный характер, скрываются реальные историко-культурные явления, поддающиеся, хотя и не в полном объеме, научной интерпретации. Последняя возможна лишь при комплексном изучении археологических и исторических данных, материалов палеоантропологии, топонимики, лингвистики и этнографии.

Письменные источники не содержат прямых сведений о времени, характере и путях колонизации Костромского Поволжья. Несомненно, однако, что она являлась составной частью и закономерным продолжением общего процесса заселения Залесской земли и ее механизм может быть раскрыт только на этом более широком историческом фоне.

Изучаемый период относится ко второму этапу древнерусской колонизации Волго-Окского междуречья, начавшемуся в середине XI в., приобретающему с конца XI и особенно с начала XII в. «характер массового движения на северо-восток» и не прекращавшемуся в два последующих столетия [Горюнова, 1961, с. 205]. В освоении «низовских» земель XI—XIII вв. отчетливо выявляются элементы крестьянской и феодальной (княжеской) колониза-

Таблица 13. Региональные блоки признаков

Характерные признаки	Регион				
	западный		центральный		восточный
	правобережье	левобережье	правобережье	левобережье	
Обкладка поверхности насыпей _____	●	●	●	●	○
Трупосожжения на стороне _____	●	●	●	●	○
Погребения в гробах и колодах _____	●	●	●	●	○
Трупоположения с руками, сложенными на тазе _____	●	●	●	●	○
Северная ориентировка погребений _____	●	●	●	●	○
Использование подковообразных фибул в качестве нагрудных застежек _____	●	●	●	●	○
Находки браслетообразных несомкнутых колец _____	●	●	●	●	○
Находки многоспиральных шумящих подвесок _____	●	●	●	●	○
Насыпи высотой до 1 м _____	●	●	●	●	○
Погребения в подкурганых могильных ямах _____	●	●	●	●	○
Положение орудий труда у пояса захороненных _____	●	●	●	●	○
Находки прибалтийско-финских древностей _____	●	●	●	●	○
Находки браслетообразных эсоконечных колец _____	●	●	●	●	○
Погребения в колодах, обернутых берестой _____	●	●	●	●	○
Наличие футляров в погребальных комплексах _____	●	●	●	●	○
Находки лунничных и ложновитых височных украшений _____	●	●	●	●	○
Находки ромбо- и овальнощитковых височных колец _____	●	●	●	●	○
Керамика в захоронениях _____	●	●	●	●	○
Находки браслетообразных завязанных колец _____	●	●	●	●	○
Миниатюрные кострища в основании насыпей _____	●	●	●	●	○
Северо-западная ориентировка погребений _____	●	●	●	●	○
Крупные кострища в основании насыпей _____	●	●	●	●	○
Погребения в насыпи _____	●	●	●	●	○
Находки вертикальных игольников _____	●	●	●	●	○
Сопковидные (конические) насыпи _____	○	○	○	○	○
Насыпи высотой более 1 м _____	○	○	○	○	○
Трупосожжения на месте _____	○	○	○	○	○
Трупоположения с руками, сложенными на груди _____	○	○	○	○	○
Находки камских древностей _____	○	○	○	○	○
Находки трубчатых проиэок (игольников) _____	○	○	○	○	○
Восточные монеты в погребальных комплексах _____	○	○	○	○	○
Литые бусинные кольца _____	○	○	○	○	○
Юго-западная ориентировка погребений _____	○	○	○	○	○
Насыпи овальной формы _____	○	○	○	○	○
Погребения под „запвкой“ („сводом“) _____	○	○	○	○	○
Использование подковообразных фибул в качестве поясных застежек _____	○	○	○	○	○
Использование нагрудных и поясных подвесок для украшения головного убора _____	○	○	○	○	○
Применение обувных колец _____	○	○	○	○	○
Погребения в сидячем и изогнутом положении _____	○	○	○	○	○
Восточная ориентировка погребений _____	○	○	○	○	○
Положение орудий труда в ногах захороненных _____	○	○	○	○	○
Погребения, обернутые берестой _____	○	○	○	○	○
Находки копоушек „костромского“ типа _____	○	○	○	○	○
Обряд расчленения умерших _____	○	○	○	○	○
Срубные конструкции в курганах _____	○	○	○	○	○

ции. С одной стороны, происходит стихийный отлив населения из южных княжеств, опустошаемых набегами степняков и феодальными усобицами, на север, в районы Залесской Руси. Начинается продвижение крестьян-земледельцев с рано и плотно освоенных плодородных «ополий» Волго-Окского междуречья (Ростовского, Юрьевского, Суздальского) на его периферийные территории. С другой стороны, в XII—XIII вв. все более возрастает централизаторская деятельность князей Ростово-Суздальской земли, активизируется их стремление к расширению ее границ. Возникшие в этот период новые залесские города отмечают пути, по которым шло распространение феодальной дани (рис. 12).

Расширение ростово-суздальской территории в юго-восточном и северном направлениях происходит в основном во второй половине XII—первой половине XIII в. [Насонов, 1951, с. 187, 188]. Еще в XI в. древнерусские поселенцы проникают из Суздальского Ополья в бассейн Клязьмы, где в самом начале следующего столетия (1108 г.) был основан Владимир, и занимают ее поречье от устья Нерли примерно до впадения Тезы, верховья которой близко подходят к южным притокам костромского отрезка Волги [Седова, 1978, с. 9—11, рис. 1]. В XI—XII вв. древнерусские памятники появляются в Нижнем Поклязьменье, причем продвижение славян на этом участке носило характер скачкообразного заселения. Между 1158 и 1174 гг. в низовьях Клязьмы возникает г. Гороховец, а к 70-м гг. XII в. «низовская» колонизация достигает Заволжья, где при Андрее Боголюбском строится Городец Радилон (впервые упомянут в летописи под 1172 г.) [Кучкин, 1969, с. 86, 87]. Наконец, в последней четверти XII или самом начале XIII в. ростово-суздальская дань распространяется на Верхнее Поволжье.

Первые упоминания о Костромском Поволжье, точнее — о его поселениях — городских центрах, относятся к началу XIII в. В 1213 г. после смерти великого князя Всеволода Юрьевича разгорелась военная усобица между его сыновьями: ростовским князем Константином и юрьевским—Владимиром, с одной стороны, владимирским князем Юрием и переяславским Ярославом — с другой, причем «...зача Константин рать, отьять у Гюрга Соль Великую, а Кострому пожже, а у Ярослава отья Нерохъть» [Летописец..., 1851, с. 111]. Судя по летописному свидетельству, Кострома и Соль Великая (расположена на р. Солонице в 3 км от ее впадения в Волгу) принадлежали в начале XIII в. к Владимирскому, а г. Нерехта — к Переяславскому княжествам [Кучкин, 1984, с. 100]. Под 1219 г. упоминается г. Унжа, подвергшийся нападению волжских болгар [ПСРЛ, 1949, с. 116], а под 1238 г. — Галич Мерьский (в некоторых списках — Володимерский) как конечный пункт монголо-татарского вторжения в земли Заволжья [Милонидов, 18906, с. 55; Насонов, 1951, с. 194; Кучкин, 1969, с. 93, 94].

В первой половине XIII в. летописями зафиксированы уже существовавшие города Костромского Поволжья. Разведочными

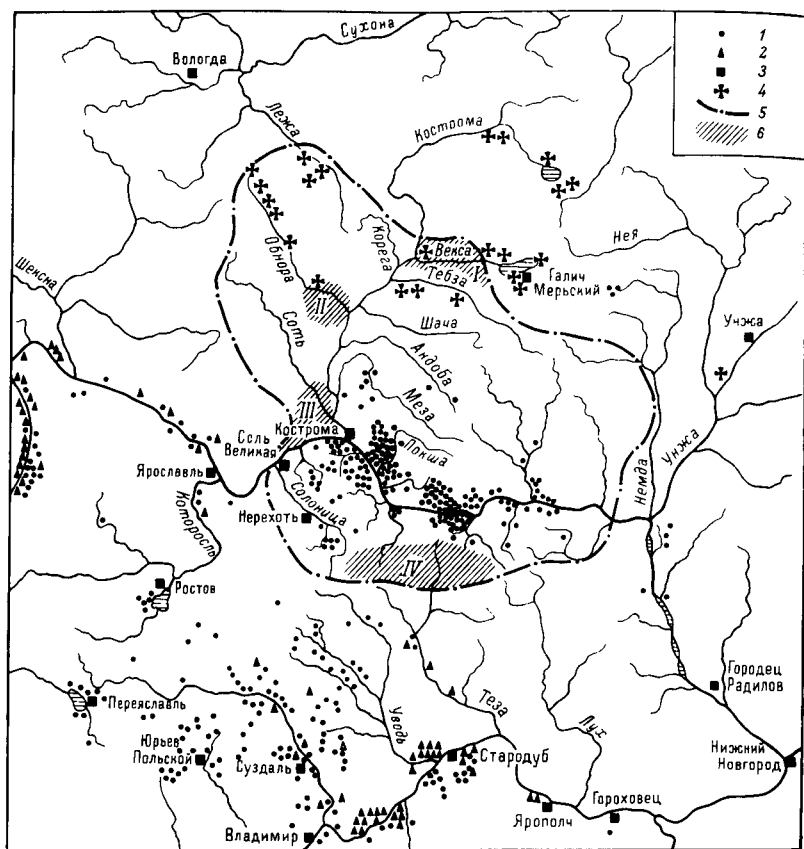

Рис. 12. Костромское Поволжье и сопредельные территории в эпоху средневековья.
 1 — курганные группы; 2 — древнерусские поселения; 3 — летописные центры домонгольского времени; 4 — основные пункты монастырско-крестьянской колонизации XIV — начала XVI в. на севере; 5 — приблизительные границы Костромского княжества в третьей четверти XIII в.; 6 — «чуждые» волости и станы (I — Дикурьи, II — Иледам, III — Мерский стан, IV — Шухомаш).

археологическими работами в Костроме и Галиче установлено наличие в них культурных напластований XII в. [Фехнер, 1952, с. 101—108; Раппопорт, 1959, с. 3—9]. Высказывалось мнение о возникновении этих центров при Юрии Долгоруком, причем наиболее вероятной датой основания Костромы признавался 1152 г., когда Юрий в стратегических целях заложил на западной окраине своего княжества Юрьев Польской и Переяславль Залесский.¹ В современных историко-географических работах приводится более поздняя дата возникновения будущей столицы Костром-

¹ Дата 1152 г. приведена В. Н. Татищевым [1964, с. 44, 241]. М. В. Фехнер признает ее условность, но считает правомерным относить время возникновения города к периоду княжения Юрия.

ского удела. Она основана на летописном сообщении, помещенном под тем же 1152 г., о нападении волжских болгар на Ярославль, когда болгары подошли по Волге к Ярославлю «без вести». Очевидно, как считают исследователи, «градов» на Волге восточнее Ярославля тогда еще не существовало. «Можно предполагать, что расширение ростово-суздальской территории в этом направлении было связано в какой-то мере с деятельностью Всеволода и его сына Ярослава Переяславского» [Насонов, 1951, с. 194], т. е. произошло не ранее последней четверти XII в. Государственное (княжеское) освоение костромского отрезка Волги сопоставляется с активным наступлением Всеволода на волжских болгар и возросшим значением волжского пути на отрезке от Ярославля к Городцу Радилочу [Кучкин, 1969, с. 89; 1984, с. 93, 94]. По авторитетному заключению В. А. Кучкина, города Кострома и Унжа «несомненно возникли при Всеволоде» — между 1176 и 1212 гг. [1984, с. 94]. Таким образом, в целом время включения Костромского Поволжья в состав «низовских» владений определяется в пределах последней четверти XII — начала XIII в. [Насонов, 1951, с. 193, 194, 196; Кучкин, 1969, с. 62].

При изучении направлений колонизационных процессов, захвативших в конечном итоге и рассматриваемую нами территорию, следует учитывать продвижение древнерусского населения с северо-запада, из Новгородской земли. Его проникновение в Верхневолжский бассейн отмечено памятниками XI—XIII вв., известными на рр. Колпи, Суде и Шексне. Происходит постепенная инфильтрация новгородцев и в бассейны волжских притоков Мологи, Тверцы и Медведицы [Голубева, 1973, с. 24, 25]. Элементы новгородского происхождения зафиксированы в ярославском течении Волги [Никольская, 1946, с. 78—83].

В XI—XII вв. сеть новгородских становищ и погостов охватывает бассейн Сухоны и Заволочье [Платонов, 1923, с. 13—21]. В первой половине XII в. летописи фиксируют столкновения новгородцев с ростовцами, также расширявшими свои владения в северном направлении. В этом же столетии «низовская» дань распространялась на нижнее течение Сухоны, где возникает ростовский форпост Устюг, и часть Заволочья [Насонов, 1951, с. 104—108, 188, 189]. Таким образом, в XII в. к северу от Костромского Поволжья наблюдается столкновение двух колонизационных потоков, шедших из Новгородской и Ростово-Суздальской земель. Как глубоко к этому времени новгородцы могли продвинуться в сторону Костромского Поволжья (учитывая «ничейное» положение последнего в системе феодальных границ до второй половины XII в.), письменные источники не сообщают. Об их расселении свидетельствуют архаические пласты лексики в современных северорусских говорах, восходящие, по мнению лингвистов, к эпохе начального славянского освоения края. Лексическая зона, отражающая новгородскую колонизацию, включает течение р. Костромы и бассейны Галицкого и Чухломского озер; следы новгородского языкового влияния прослеживаются во всем

Костромском Поволжье, хотя здесь и преобладает лексика, сложившаяся на основе владимирско-поволжских (кривичских) говоров [Мельниченко, 1974, с. 187—193, к. 90].

Конкретные пути заселения рассматриваемой территории по археологическим материалам могут быть восстановлены лишь с известной долей условности. Это вызвано обособленным положением массива костромских курганов, отделенного от соседних древнерусских областей значительными пространствами, лишенными археологических памятников (см. рис. 12). Очевидно, освоение края имело тот же характер, что и на некоторых участках Клязьминского бассейна, т. е. происходило скачкообразно. Выбор удобных для заселения участков вынуждал земледельцев отрываться от исходного района, оставляя на пути незанятые пустые земли.

Ближе всего к костромскому течению Волги расположено скопление древнерусских могильников и поселений, занимающее бассейн Нерли и междуречье Нерли и Уводи. Верховья последней близко подходят к истокам Солоницы, на которой зафиксирована компактная группа погребальных памятников. Именно по данному пути, шедшему из коренных областей Ростово-Суздальской земли, велось «окняжение» Костромского Поволжья. На это указывает само размещение феодальных городских центров домонгольского времени — Нерехты, Соли Великой и Костромы. Выходцы из «низовских» территорий могли продвигаться на север и по другому притоку Клязьмы — Тезе, в нижнем и среднем течении которой также известны средневековые памятники. Наконец, несколько курганных групп Костромского Поволжья, расположенных на меридиональной излучине Волги к югу от устья Унжи, оторванных от основного массива погребальных памятников и лишь условно отнесенных нами к Кинешемскому региону, фиксируют колониционную струю со стороны Городца Радилова. Это предположение согласуется с мнением В. А. Кучкина об освоении бассейна Унжи по Волге от Городца [1969, с. 90, 91].

Район, занимающий промежуточное положение между зоной Владимирских курганов и костромскими могильниками, в археологическом отношении изучен слабо. Группы, исследованные в междуречье Нерли и Уводи (Якшино, Коптево, Золотниковская пустошь, Гридкино, Зиново), включают круглые насыпи высотой до 1 м, окруженные ровиками; лишь у д. Гридкино на оз. Рубском отмечены курганы с каменными венцами и поверхностной вымосткой. Все погребения совершены по обряду трупоположения, большинство — в могильных ямах, ориентированы на запад. Скучный и невыразительный инвентарь свидетельствует о поздней дате всех этих памятников, появившихся уже в период существования костромской курганной культуры [Комаров, 1975, с. 63; 1976, с. 67, 68; АЛОИА, ф. 1, д. 1907/67, л. 14—18; ф. 35, д. 1940/23, л. 87—94; АИА, р-1, д. 2537]. К данному времени относится и группа у д. Антоново, раскопанная в среднем течении Тезы [Крайнов, Гадзяцкая, 1968, с. 23, 24; Ерофеева, 1979, с. 37, 38].

Наибольший интерес для нашей темы имеют неоднократно привлекавшиеся в качестве аналогий материалы могильников у д. Семухино и близ Вознесенского посада (территория г. Иваново). Вознесенский могильник исследовался в 1863 г. К. Н. Тихонравовым [АЛОИА, ф. 1, д. 1863/3; Тихонравов, 1867, с. 133—139]. Сведения о характере памятника крайне скудны и противоречивы. Тихонравов сообщает о раскрытии 164 курганов, отмечая вместе с тем, что могильник был полностью распахан и лишь в двух случаях ему удалось обнаружить непо потревоженные захоронения. А. А. Спицын высказал даже предположение, что это был разрушенный грунтовый могильник [1905, с. 11]; впоследствии, правда, он отнес его к курганным кладбищам [1924, с. 13]. Вероятно, близ Вознесенского посада все же находился крупный курганный некрополь. Некоторые данные указывают на то, что его насыпи имели овальную (удлиненную) форму [Горюнова, 1961, с. 222, 223]. Инвентарь могильника, и в частности находка в нем фрисландской монеты Генриха III, позволяет отнести появление древнейших погребений еще к XI в.

Полностью исследованное курганное кладбище у д. Семухино включало более 50 насыпей [АЛОИА, ф. 2, д. 1935/88, л. 15—60; Ерофеева, 1976, с. 216—225]. Небольшие курганы, достигавшие в среднем высоты 0,4—0,5 м, имели круглую или овальную форму, были окружены ровиками. Все погребения совершены на уровне горизонта. По вещевым находкам ранняя часть этого могильника датируется концом XI—началом XII в.

В богатом и разнообразном инвентаре обоих памятников наблюдается переплетение культурных традиций, характерных для костромских финно-угров и летописной (владимирской, или центральной) группы мери. Своеобразный характер этих могильников имеет немаловажное значение для определения границ расселения соседних «чуждских» группировок и будет рассмотрен ниже. В данном же случае интересно наличие на предполагаемых путях «низовской» колонизации групп, включающих овальные насыпи и по времени возникновения оказывающихся более ранними, чем памятники Костромского Поволжья.

В какой степени удлиненная форма курганов может указывать на продвижение носителей этой погребальной традиции в северном направлении? В западной части костромской курганной культуры известны два могильника с овальными насыпями, локализованных к югу от Волги. Лишь один из них — Коряковский — изучен археологически, но, что особенно примечательно, именно он оказался наиболее ранним средневековым кладбищем в данном районе. Родственное население осваивало в это же время и Кинешемское Поволжье. Однако в центральном регионе картина заселения выглядит более сложной. Здесь могильники с овальными насыпями к югу от Волги сконцентрированы в бассейне Сунжи, а в Заволжье они занимают периферийное положение в курганном массиве, состоящем из крупных полусферических и крутобоких сопковидных курганов. Иначе говоря, носители рассматриваемой погреб-

бальной традиции в процессе расселения вошли в соприкосновение с территориальной группировкой, уже плотно занимавшей весь Колдомо-Сунжинский регион, и вынуждены были оседать на окраинах этого массива. Дополнительное подтверждение данной точки зрения — неоднократно отмеченное периферийное положение овалных насыпей в группах с курганами круглой формы и прямая взаимосвязь последних с пережиточным проявлением обряда трупосожжения.

С какой конкретной территорией могло быть связано распространение характерного только для Колдомо-Сунжинского региона обычая сооружать крупные, в том числе сопковидные и конические, насыпи? Вероятнее всего, эта традиция была принесена в рассматриваемый район из коренных областей Ростово-Суздальской земли. Именно в больших курганах центральной части данной территории встречены все находки восточных монет-подвесок X в. и специфически городской тип женских украшений — стеклянные браслеты. Подавляющая часть указанных древностей обнаружена в Южном Приволжье. Естественно предположить, что они были занесены в Костромское Поволжье из областей, издавна поддерживавших оживленные связи с арабским востоком и имевших старые городские центры. Такой территорией могла быть только Ростово-Суздальская земля. Проникновение указанных находок с запада по Волге исключается, ибо в Костромском регионе неизвестны погребения с восточными монетами и стеклянными браслетами.

Не менее показательна концентрация в Колдомо-Сунжинском курганном массиве литых подражаний городским типам бусинных серег, столь характерных для курганных древностей Владимирской земли. Основная часть этих украшений также встречена в могильниках, исследованных к югу от Волги. В Южном Приволжье центрального региона сконцентрированы и находки образков, изготовлявшихся, по-видимому, во Владимире. С этого же участка Колдомо-Сунжинского региона происходит погребение, в инвентарь которого входил перстень вятичского типа, принесенный на север из более южных районов Руси.

Все эти данные служат подтверждением «низовского» происхождения самой традиции сооружения больших насыпей. Население, оставившее курганы овальной и удлиненной формы, также продвинулось на север из более южных территорий, но в Колдомо-Сунжинский регион (в отличие от Кинешемского и правобережья Костромского) оно проникло несколько позже. Имеющиеся материалы (см. с. 116—117) позволяют видеть в указанной группе переселенцев представителей летописной (центральной) мери, обитавшей на периферии этнокультурного массива и отхлынувшей на север в ходе славянской колонизации Ростово-Суздальской земли.

Иной была история формирования курганной культуры на западе Костромского Поволжья. Здесь получили наибольшее распространение насыпи с поверхностными каменными конструкциями. Венцы из валунов по основанию курганов со всеми извест-

ными оговорками могут быть увязаны с традициями населения северо-западных территорий. О проникновении в окрестности Костромы выходцев из Новгородской области свидетельствует и вещевая материал погребений. Именно здесь сконцентрирована подавляющая часть щитковых височных украшений, являющихся характерным элементом культуры Новгородской земли. Еще более отчетливо связи Костромского региона с северо-западом Руси проявились в локализации на этом участке представительной серии изделий прибалтийско-финского происхождения — вертикальных игольников, фибул и цепедержателей «карельского» типа, Ф-образных пронизок и т. д. Отдельные находки новгородских украшений (ромбоцитковые кольца, решетчатые подвески) проникают и за пределы Костромского региона. Показательно, однако, что почти все они встречены в южной части центрального курганного массива. А именно этот правобережный участок Волги сближается с западным районом по целому ряду погребальных особенностей. Только в правобережной части Колдомо-Сунжинского региона обнаружены все известные захоронения умерших в сидячем положении; как отмечалось выше, данная обрядовая особенность связана с северо-западными традициями. Очевидно, именно по южному берегу Волги происходила инфильтрация некоторых групп новгородцев в восточном направлении.

Отдельные северо-западные типы древностей довольно равномерно распространены во всем Костромском Поволжье. Но это в первую очередь те изделия, для которых устанавливается местное производство по западным образцам. Горизонтальные игольники, зооморфные подвески типов I, III, XIII и ряд других категорий материала, связанных с прибалтийско-финским миром, были охотно заимствованы этнически смешанным населением Поволжья и приобрели здесь «вторую жизнь», превратившись уже в местный элемент субстратной «чуждой» культуры.

Северо-западное направление колонизации, достигшей Костромского Поволжья, признано всеми современными исследователями [Горюнова, 1961, с. 231, 232, 245—247; Третьяков, 1970, с. 134]. П. Н. Третьяков полагал даже, что «славяно-русское население, пришедшее сюда преимущественно из Новгородской земли», осваивало все Костромское Поволжье, включая окрестности Кинешмы. Однако это заключение базируется в основном на изучении материалов раскопок КУАК и, следовательно, может быть полностью принято только для западного региона курганной культуры. Наличие среди северо-западных категорий вещевого материала значительного числа прибалтийско-финских древностей свидетельствует, по мнению Третьякова, о том, что пришедшее из Новгородской области земледельческое население «было не чисто славянским, а содержало некоторые водские, ижорские или карельские компоненты» [1970, с. 134]. На наш взгляд, этот Финно-угорский компонент был очень заметен. В большинстве погребальных комплексов, оставленных первыми выходцами с северо-запада Руси, «новгородские» типы изделий постоянно сочетаются

с формами, характерными только для «чуждого» населения Новгородской земли. Набор последних позволяет реконструировать и основную исходную территорию северо-западной колонизации.

Несмотря на то что в XII—XIII вв. наблюдается повсеместное размывание этнокультурных особенностей «чуждских» объединений, вошедших в состав Древнерусского государства, все же и для этого периода можно выделить локальные формы финно-угорских изделий. Вертикальные и горизонтальные игольники, составляющие многочисленную серию костромских находок, известны в зоне всего прибалтийско-финского расселения, однако основная их концентрация выявляется в Юго-Восточном Приладожье. Некоторые костромские древности (например, литая копоушка с пластинчатым фигурным навершием) обнаруживают полное тождество с находками Приладожья и были изготовлены именно там по единой модели. Еще более ограниченный ареал имеют древности «карельских» типов — овалыные фибулы, цепедержатели, пронизки, возможно, литые рукояти ножей. Состав материала прибалтийско-финского происхождения, придавшего значительное своеобразие погребениям с «новгородскими» типами украшений, указывает на то, что исходным районом колонизации являлись не коренные земли Великого Новгорода, а его северные и северо-восточные территории, занятые смешанным славяно-финским населением: прежде всего Обонежская пятина и Бежецкий ряд, хотя в колонизационный процесс были, очевидно, втянуты и отдельные группы славянизирующей ижоры и корелы.

По каким путям могло осуществляться новгородское освоение Костромского Поволжья? Один из них — по Верхней Волге и далее вниз по реке с выходом в окрестности г. Костромы. Вероятно, именно по этому пути продвинулись в западную часть рассматриваемой территории переселенцы из Верхнего Поволжья, осваивавшегося преимущественно потомками кривичей. С верхневолжской колонизационной струей, возможно, связываются появление такой локальной для Костромского региона особенности, как наличие насыпей с поверхностной каменной вымосткой, и находки в западном массиве могильников браслетообразных несомкнутых и полузавязанных височных колец. Однако археологические доказательства проникновения новгородцев в Костромской край по волжской артерии полностью отсутствуют. В Тверском и Ярославском Поволжье не зарегистрировано ни одной находки отмеченных выше прибалтийско-финских элементов культуры.

Рассматривая на широком историческом фоне процесс заселения Волго-Окского междуречья, Е. И. Горюнова пришла к обоснованному выводу о связи колонизации Костромского края с продвижением новгородцев на восток, в бассейны Сухоны, Северной Двины и Вычегды. В Поволжье выходцы из северо-западных земель могли проникнуть по р. Костроме. Знакомство новгородцев с данной речной магистралью документировано письменными источниками. По Костроме продвигались из Верхнего Подвалья

новгородские ушкуйники, совершавшие свои знаменитые походы на Волгу и Нижнюю Каму. Хотя эти события и относятся к более позднему времени (вторая половина XIV—начало XV в.), но, по авторитетному заключению В. Н. Бернадского, специально изучавшего данный вопрос, путь по Костроме был ведом новгородцам и до походов ушкуйников; последние использовали давно и хорошо известный маршрут «из Заволочи, а по Двине вверх Сухоною и ... Костромою в Волгу» [1961, с. 40—45]. В связи с этим показательное наличие в западном регионе погребальных комплексов, содержащих лунничные и ложновитые серьги. Названные украшения, получившие наибольшее распространение у финно-угров Заволочья, в костромских курганах встречены вместе с новгородскими височными кольцами. Колонизационный поток, продвинувшийся в Поволжье через Сухоною и Северную Двину, включил в свой состав и местное «чудское» население, переходившее к курганному обряду погребения и своим появлением в Костромском регионе документировавшее пути новгородского проникновения.

Северо-западная колонизационная струя достигла Костромского Поволжья в тот период, когда этот район скорее всего был ничейной территорией. Для новгородцев он являлся такой же областью свободного освоения, как и земли Заволочья. Распространение новгородских владений на севере Восточной Европы отмечено, как известно, появлением погостов — центров колонизации — и тех пунктов, куда стекалась дань подвластного «чудского» населения. Происходило ли что-нибудь подобное в Поволжье до распространения на него ростовской княжеской дани? Археологические материалы позволяют утвердительно ответить на этот вопрос. Исследованный на правом берегу западного региона Пьянковский могильник уже неоднократно упоминался в нашей работе из-за своеобразного его облика. Северо-западное (новгородское, в территориальном понимании) происхождение памятника не вызывает сомнений. Но указанный могильник резко выделяется и по ярко выраженному военизированному характеру мужских захоронений. Именно здесь сосредоточена основная часть известных в Костромском Поволжье находок боевых топоров, копий, стрел и даже такого дружинного оружия, как булавы. В четырех случаях умерших сопровождали три вида вооружения. По заключению А. Н. Кирпичникова, такие погребения, известные на позднем этапе существования курганного обряда, можно отнести «ко всем свободным и сколько-нибудь обеспеченным членам общества, имевшим возможность носить оружие», в частности к представителям сельской администрации [1971, с. 49]. На материалах Пьянковского могильника, по-видимому, получил археологическое отражение процесс формирования погостов на пути новгородского освоения Костромского Поволжья. Этот процесс не был длительным и не мог увенчаться успехом. Появление во второй половине или конце XII в. форпостов «низовской» колонизации — городов Костромы и Галича — закрепило рас-

смаатриваемую территорию за Ростово-Суздальской землей. Под прямым контролем владимирских князей оказался бассейн р. Костромы, служивший, как отмечалось выше, наиболее вероятным путем продвижения новгородцев в Поволжье.

* * *

Яркие субстратные особенности костромской курганной культуры отмечаются всеми исследователями, обращающимися к рассматриваемому кругу источников. На основе их анализа решается вопрос о племенной принадлежности дорусского населения края, реконструируется его место на этнической карте восточноевропейского севера. Вместе с тем выявление традиций костромских финно-угров затруднено целым рядом обстоятельств. Археологические памятники, непосредственно предшествующие славянской колонизации, изучены крайне слабо, имеющийся для этого времени материал не позволяет создать достаточно надежное связующее звено между ними и субстратными элементами в курганной культуре. Мощная древнерусская «вуаль», осложненная наличием значительного «чуждого» компонента, включенного в колонизационный процесс и попавшего в Костромское Поволжье из других областей, скрывает и сглаживает культурные особенности местных финно-угров. К тому же сам переход аборигенного населения к новому для него курганному обряду должен был неизбежно придать дорусским погребальным традициям качественно новые черты и даже определить их частичную или полную замену элементами древнерусского ритуала. Следует учитывать и происходивший процесс этнического смешения, постепенной аккультурации костромских финно-угров. В целом на рассматриваемых материалах можно выделить не саму культуру «чуждого» населения края, а лишь ее реликтовое наследие в памятниках древнерусского времени. Но последнее, несмотря на изложенные факторы, все же оказывается настолько сильным, что мы с полным основанием можем отнести значительную часть исследованных захоронений к памятникам славянизирующихся финно-угров.

Яркие субстратные особенности определяют своеобразие 320 курганных комплексов, входящих в состав свыше половины исследованных памятников (123 из 225). Эти цифры, разумеется, крайне занижены, так как основаны прежде всего на материалах женских захоронений с инвентарем «чуждских» типов, но тем не менее служат показательной археологической иллюстрацией высказанного заключения, которое подтверждается и антропологическими данными о населении Костромского Поволжья в рассматриваемый период.

Наличие значительного финно-угорского компонента в сложении средневекового антропологического типа было отмечено еще в конце прошлого века Н. П. Константиновым-Щипуниным, впервые обратившимся к краниологическому изучению курганных

погребений из раскопок КУАК и Ф. Д. Нефедова [1897, с. 528—533]. Т. А. Трофимова, проанализировавшая палеоантропологические материалы целого ряда древнерусских территорий, выделила общие особенности, присущие средневековому («кривичскому», по определению автора) населению бывших Ярославской, Костромской и Владимирской губерний и свидетельствующие о смешанном антропологическом составе этих серий. Они включали в себя более длинноголовый европеоидный тип и мезокефальный урало-лапоноидного круга форм, причем именно в Костромском Поволжье «последний локализуется в почти чистом виде» [Трофимова, 1946, с. 96, 108]. О значительном антропологическом сходстве ярославских, костромских и владимиро-суздальских групп «кривичей» пишет и Т. И. Алексеева, заново обработавшая краниологическую серию из раскопок КУАК и Нефедова. Автор относит все эти группы к единому мезосуббрахикранному среднелицемому типу, для которого характерно ослабление европеоидных черт под влиянием местного дославянского субстрата. Более того, по заключению Алексеевой, ославяненные финно-угры составляли в средневековую эпоху основу населения волго-окского треугольника, сам же славянский элемент в его физическом облике был «очень невелик» [1973, с. 23, 49—51, 199]. Как следствие метисации славян с аборигенными финскими группировками расценивает особенности черепов из костромских и ярославских курганов и В. В. Седов. Им же было впервые отмечено, что мезокраний узколицый тип, выделяемый для Костромского и Ярославского Поволжья, присущ средневековым новгородцам и его распространение в бассейне Волги и вызвано их участием в освоении этих земель [Седов, 1977, с. 154]. Последнее заключение вызывает особый интерес, вследствие того что основная часть краниологических образцов происходит из западного региона костромской курганной культуры, осваивавшегося, судя по археологическим данным, выходцами из северо-западных земель.

При картографическом анализе могильников с яркими субстратными традициями наблюдается несомненное увеличение их числа в восточном направлении (рис. 13). В Кинешемском Поволжье почти все исследованные группы характеризуются наличием в них финно-угорской «примеси», в Колдомо-Сунжинском регионе она отмечена в подавляющей части погребальных памятников, в окрестностях Костромы наблюдается несколько иная картина. Компактный курганный массив, имеющий несомненную «чудскую» подоснову, локализуется здесь на левобережье Волги — в нижнем течении Покши и на ее притоке Сендеге. В правобережной части наблюдается чересполосное расположение могильников, лишенных субстратных особенностей (в том числе некрополей, содержащих лишь безынвентарные погребения с западной ориентировкой), и курганных групп с финно-угорскими традициями. Наконец, на периферии Костромского региона (бассейны Костромы, Солоницы, Шачи, Черной, районы к востоку и северу от Покшинско-Сендегского массива «чудских» памятников) скон-

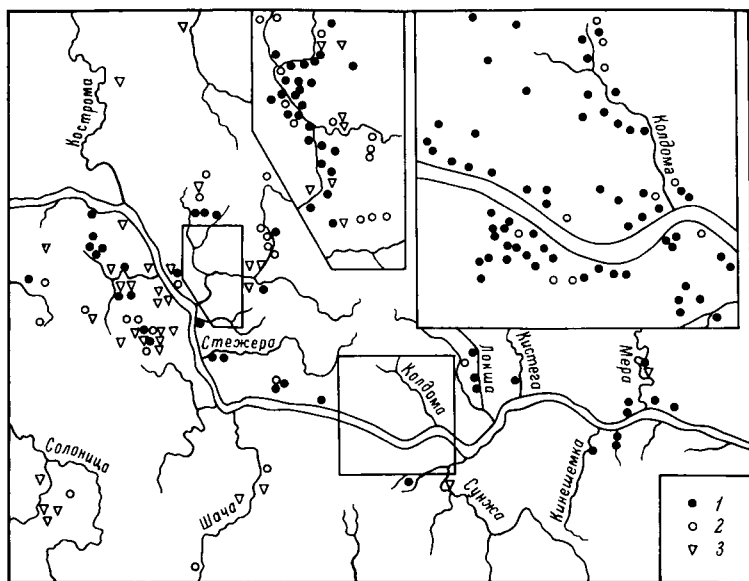

Рис. 13. Территориальное распределение финно-угорских элементов в костромских курганах.

1 - курганные группы с финно-угорскими элементами культуры и погребальной обрядности, 2 - с инвентарными захоронениями без финно-угорской примеси, 3 - безынвентарные, содержащие погребения с западной ориентировкой.

центрированы погребения с однотипной западной ориентировкой и вещами общерусского облика, чаще же всего — безынвентарные.

Региональное размещение могильников на костромском отрезке Волги обусловлено прежде всего наличием здесь нескольких территориальных групп различающегося по этнокультурным традициям субстратного населения. Своеобразие этих традиций нашло свое отражение в ряде региональных признаков (см. табл. 12).

Одна из финно-угорских группировок занимала в дорусский период западную часть Костромского Поволжья. На правобережье Волги, оказавшемся в зоне активного северо-западного и частично «низовского» расселения, «чуждые» коллективы быстро утратили черты своей этнической самобытности, и о их былом проживании на этом участке свидетельствуют лишь ослабленные элементы субстратного происхождения, выявляемые в некоторых курганных захоронениях. Более затяжной характер носила аккультурация финно-угров, обитавших на левобережье Костромского региона, в бассейне р. Покши и по берегам Сендеги. Материалы Покшинско-Сендегского массива могильников позволяют выделить характерные черты западной группировки костромских финно-угров. К их числу относятся северная и северо-западная ориентировка погребений, традиция хоронить умерших с руками, сложенными на груди, в колодах, нередко покрытых или обернутых

берестой. Местной особенностью является и обычай приношения зауспокойных даров — зооморфных и шумящих подвесок — в специальных футлярах, а также положение орудий труда у пояса погребенных. Покрой одежды определил использование подковообразных фибул в качестве нагрудных застежек.

Вторая «чуждая» группировка занимала центральную часть Костромского Поволжья. Для нее характерно погребение умерших головой на юго-запад, с руками, сложенными на груди. Не исключено, что юго-западная ориентировка преемственно связана с меридиональной (южной), которая также зафиксирована в этом регионе. Местные особенности проявились и в способе использования элементов металлического убора в женской одежде. Фибулами здесь скреплялся только пояс, нагрудные и шейные украшения часто служили привесками к височным кольцам. Верх кожаной обуви снабжался металлическими кольцами, неизвестными на западе рассматриваемой территории и имевшими прежде всего декоративное назначение. Орудия труда располагались обычно в ногах погребенных.

Наконец, для третьей финноязычной группировки, заселявшей Костромское Поволжье, следует признать характерными восточную ориентировку и традицию расчленения умерших, наличие подкурганых срубных конструкций и погребения под глиняными «сводами» (под «заливкой»). Последняя особенность сближает население Кинешемского Поволжья с центральным «чуждым» образованием, но, как уже отмечалось при анализе курганов с «заливкой», их появление в Колдомо-Сунжинском регионе обусловлено тесными, в том числе и брачными, связями двух соседних коллективов. Об этой близости свидетельствует и наличие целого ряда общих этнографических элементов женского убора, выделенных для центральной группировки, но представленных и на восточной периферии Костромского Поволжья.

В курганных материалах XII—XIII вв. локальные различия субстратного происхождения проступают в ослабленном и в значительной степени размытом виде. Но даже такие реликтовые следы, свидетельствующие об этнокультурной неоднородности дорусского населения края, весьма показательны. Особенно интересна намечающаяся дифференциация в ориентировке умерших. Она служит косвенным указанием того, что каждая из региональных группировок прошла свой собственный, самостоятельный путь развития, вряд ли сводимый к эволюции родственных коллективов в рамках единого племенного образования. Но еще в дорусский период в Костромском Поволжье развернулся процесс интеграции локальных группировок, завершившийся созданием новой культурно-этнической общности. Об этом свидетельствует единый характер субстратной материальной культуры, устанавливаемый по погребальным памятникам XII—XIII вв.

К местным формам финно-угорских древностей, распространенным во всем ареале костромских курганов, относятся шумящие треугольные и колечковые подвески, пластинчатые двуглавые

коньки и плоские уточки с лапчатыми привесками, многочисленные полые «коньки-птицы» (или «барашки»), цепочки из бронзовых литых бусин. Довольно типичными для рассматриваемой территории являются конусовидные подвески; «вторую жизнь» здесь получили такие прибалтийско-финские формы изделий, как вертикальные и горизонтальные игольники, некоторые разновидности зооморфных изображений. Многие из перечисленных элементов известны и за пределами Костромского Поволжья, но в сочетании они придают местной культуре XII—XIII вв. несомненную индивидуальность, являются своего рода этническим паспортом костромской финно-угорской группировки XII—XIII вв. [ср.: Рябинин, 1979а, с. 101].

Следует отметить еще одну, наиболее многочисленную категорию древностей, которую можно отнести к местным элементам культуры, — проволочные височные кольца небольшого диаметра с завитком на одном конце, которые наряду с обрубленноконечными пользовались широкой популярностью у средневековых обитателей края. Аналогичные изделия встречаются и в других областях Руси, но только в Костромском Поволжье они превратились в ведущую форму украшений женского головного убора. Их картографический анализ показал, что зона наибольшей концентрации колец с завитком на одном конце — восточная часть курганного ареала, где финно-угорский субстрат являлся наиболее значительным. Очевидно, эта форма височных украшений была усвоена прежде всего аборигенным населением Поволжья (вполне вероятно и ее самостоятельное возникновение в местной среде), а затем превратилась в «областной» элемент средневековой культуры Костромского края.²

К какому племенному образованию относились дославянские обитатели рассматриваемой территории, письменные источники не сообщают. В археологической литературе утвердилось мнение о принадлежности костромских финно-угров к мерянской этнической общности. Правда, само понятие этой общности трактуется по-разному. Е. И. Горюнова выделяет в мерянском племенном союзе две группировки: центральную, или владимирскую, локализуемую в летописных районах расселения, и северо-восточную, или костромскую. В. Ф. Генинг значительно расширяет границы мерянской общности, объединяя в ее составе владимирскую и костромскую мерю, мурому и марийцев [1967, с. 52—70].

По заключению Е. И. Горюновой, владимирская и костромская

² Сходные тенденции прослеживаются и при изучении некоторых других разновидностей височных украшений. Так, под влиянием финно-угорского субстрата появились браслетообразные кольца с заходящими или несомкнутыми концами, которые использовались в XI—XIII вв. славянизированными потомками аборигенного населения [Седов, 1972, с. 138—144]. Локальным элементом средневековой культуры Северо-Восточного Причудья являются браслетообразные проволочные кольца с завитком на одном конце (в принципе близкие к костромским и отличающиеся от последних лишь своими размерами), сложившиеся в зоне славяно-финского расселения [Хвошинская, 1978, с. 12, 13].

группы мери значительно отличались друг от друга как по языку (наречиям, говорам), так и по костюму, причем для северо-восточного племенного образования устанавливается культурная близость с ветлужской группой мари, с которой «костромская мера находилась в непосредственном контакте» [1961, с. 244—248]. В более поздней своей работе исследовательница признает возможность даже языковой общности костромских финно-угров и ветлужских мари [Горюнова, 1967, с. 78]. Но в последнем случае известную проблематичность приобретает сама мерянская принадлежность безымянной «чудской» группировки, обитавшей в Костромском Поволжье.

Не слишком проясняют этот вопрос и данные лингвистики. В. В. Седов выделил характерные для мерянской территории гидронимы с компонентами *-хра* (в основе — финно-угорское название озера) и *-энгер*. Появление гидронимов с последним формантом к северо-востоку от границ мерянского археологического ареала объясняется «отступлением мерянского этнического элемента в эпоху славянской колонизации» [Седов, 1974, с. 31—33, рис. 3]. Однако компонент *-энгер* этимологизируется из марийского «река» и, следовательно, может отражать наличие не мерянского, а марийского этнического элемента в Костромском Заволжье. На такую возможность указал Б. А. Серебренников [1967], заново проанализировавший список названий Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Московской, Вологодской и Костромской губерний, приведенный в статье Т. С. Семенова [1891, с. 229—248]. «Как ни странно, — отмечает Серебренников, — все эти названия (с элементами *-энгер*, *-инер*, *-енер*, *-бур*, *-тур*, *-нур*, *-ер*. — Е. Р.), в принадлежности которых к марийскому языку трудно сомневаться, приходится главным образом на Костромскую область. В связи с этим возникает новая проблема: не была ли часть Костромской области в древности заселена марийцами» [1967, с. 178].³ Примечательно также, что наиболее характерный для названий мерянских населенных пунктов элемент *-бол* представлен только в топонимике летописных районов расселения мери и некоторых районов Владимирской, Ярославской и Московской областей [там же, с. 179]. Костромское Поволжье оказывается вне основной зоны распространения этого мерянского форманта.

Тем не менее в географической номенклатуре рассматриваемой территории нашла свое отражение и племенная принадлежность ее древнего населения. На правом берегу Волги, в Костромской

³ Обращение к этому же списку показывает, однако, что топонимы с перечисленными формантами локализируются в подавляющем большинстве на территории Ветлужского уезда Костромской губернии, т. е. там, где наличие древнемарийского населения представляется вполне вероятным. По заключению А. И. Попова, «только в Поволжье да еще в двух-трех небольших районах следует считаться с марийским топонимическим запасом»; в целом же марийская топонимика Костромского Поволжья «представляет главным образом поверхностный налет, а не древнюю основу, которая принадлежит неизвестным нам в точности мерянским диалектам (или, вероятнее, языкам)» [1974, с. 24—25].

низменности, располагался Мерский стан, известный по историческим данным. Еще один Мерский стан находился, по-видимому, в пределах бывшего Унжинского уезда; в документах середины XVIII в. одна из церквей этого уезда называлась «Георгиевская, что в Мерском». Заволжский Галич в летописных источниках именовался «Мерьским». В Кинешемском районе на восточной окраине курганного ареала протекает р. Мера [Самарянов, 1876, с. 48—53; Любавский, 1929, с. 10; Третьяков, 1970, с. 129, 135—138, рис. 10]. Видоизмененный корень *-мер-*, возможно, сохранился в наименовании г. Нерехоть на р. Солонице (ср. названия оз. Неро, рек Нерли Клязьминской и Нерли Волжской в мерянской земле).

Географические имена, связанные с этнонимом «меря», располагаются на территории Костромского Поволжья, как бы outlining с юго-запада, севера и востока зону расселения костромской «чудской» группировки; последняя, очевидно, действительно составляла часть мерянского племенного союза.⁴ Вместе с тем отмеченная выше нестрога местных названий с финно-угорскими компонентами, наличие определенных различий в топонимике Владимирской земли и нашего региона отражают своеобразие формирования северо-восточной группы мери.

В обобщающей работе Е. И. Горюновой заметное место уделено реконструкции одежды костромской мери [1961, с. 240—244]. Для этого ею привлекались не только археологические материалы, но и этнографические данные о финно-угорских народностях Поволжья, Волго-Окского междуречья, Прикамья и Западной Сибири. Особое внимание было обращено на сходство одежды курганного населения Костромского края и ветлужской группы мари. Как отмечала сама исследовательница, «попытка реконструировать мерянский костюм на основании археологических и этнографических материалов не может претендовать на полноту. Состояние источников не позволяет составить исчерпывающее представление о локальных особенностях мерянской одежды» [там же, с. 243]. И действительно, далеко не все выделенные автором этнографические элементы мерянского костюма могут быть приняты без возражений. Так, гипотетичной выглядит реконструкция девичьих венчиков, состоящих из ленточных спиралей, нанизанных на шнур и скрепленных бронзовыми обоймицами; аналогичный головной убор известен у мордвы, но он не документирован костромскими материалами. Треугольные и конические подвески Горюнова относит к украшениям наконечников, находя этому параллели у многих финно-угорских народностей. Вряд ли, однако, положение таких находок у пояса умерших указывает на их использование в качестве наконечников; как и многие другие типы шумящих и зооморфных подвесок, они могли служить

⁴ «За подлинно меряnsкие названия могут быть из всех имен сосчитаны только „Меря“ и „Мерьская“ (-ский)», — констатировал весьма осторожный в выводах ведущий специалист в области финно-угорской топонимики А. И. Попов [1974, с. 15].

поясными украшениями. Неожиданным выглядит и заключение о том, что колючковые, многоспиральные и каркасные треугольники относились к собственно мерянским типам височных подвесок. Из 55 документированных погребений с такими изделиями только в одном случае колючковая подвеска оказалась прикрепленной к височному кольцу и найдена у головы умершей.

Далее Е. И. Горюнова сообщает: «К ожерелью подвешивались две треугольные подвески и крестики. Металлические украшения впоследствии были заменены вышивкой, расположение которой на одежде, узор и названия полностью подтверждают это. На старинных холщовых рубахах ветлужских мари можно встретить у ворота парные треугольные нашивки из кумача. Расположение и форма этих аппликаций соответствуют расположению парных треугольных подвесок на ожерелье у мери» [1961, с. 242—243]. Данное серьезное наблюдение, использованное автором для доказательства культурной близости ветлужских мари и костромских финно-угров, не подтверждается археологически. Треугольные подвески на шее или груди захороненных зафиксированы лишь в девяти случаях, причем в восьми из них они были представлены одиночными изделиями. Единственным исключением является сложное нагрудное украшение из двух каркасных треугольников со стилизованными конскими головками, соединенных цепочкой из восьмеркообразных звеньев, приведенное Горюновой для иллюстрации парности шумящих подвесок в одежде мери. Но именно оно происходит из комплекса со смешанным прибалтийско-финским и местным финским набором древностей и, как это было отмечено А. П. Смирновым, отражает западное влияние на культуру костромской мери [1970, с. 179].

Общими признаками для костюма всех групп мери Е. И. Горюнова считает следующие: 1) скромность (по сравнению, например, с соседней муромой) в количестве шумящих металлических украшений; 2) почти полное отсутствие запястий (браслетов); 3) обычай носить в качестве поясных привесок зооморфные украшения [1961, с. 244]. Для определения объективности этих признаков обратимся к археологическому материалу.

1. На территории расселения муромы и некоторых других Волго-окских племен исследованы многочисленные грунтовые могильники с богатым и разнообразным «чудским» инвентарем конца I—начала II тысячелетия н. э. В Ростово-Суздальской земле такие памятники пока единичны, а в Костромском Поволжье вообще неизвестны. Мерянские элементы в курганных захоронениях проступают в ослабленном и далеко не полном виде. Объективные заключения о скромности или богатстве женского металлического убора мери и ее соседей возможны только при сопоставлении материалов, происходящих из собственно финно-угорских погребальных памятников — грунтовых могильников.

2. Браслеты обнаружены в 219 костромских курганах, содержащих женские захоронения. Приведенная цифра явно противоречит тезису о том, что «этот род украшений не пользовался широкой

популярностью в местной среде, в которой . . . значительную роль играл мерянский элемент» [Горюнова, 1961, с. 226].

3. Культурные изображения животных и птиц были широко распространены за пределами реконструируемого мерянского ареала. У владимирской мери коньковые подвески использовались преимущественно в качестве нагрудных украшений, в Костромском Поволжье зооморфные амулеты прикреплялись как к поясу, так и к верхней части одежды.

Становится очевидным, что «общемерянские» особенности костюма спорны или вообще не находят подтверждения в археологическом материале. В то же время различия между двумя рассматриваемыми группировками, проявляющиеся в элементах женской одежды, выражены достаточно четко. Можно полностью присоединиться к заключению Е. И. Горюновой о том, что украшения костромских финно-угров «дают другие комплексы» по сравнению с древностями владимирской мери.

Несходство материальной культуры может быть обусловлено как этнокультурными (локальными), так и хронологическими различиями. Набор характерных элементов летописной мерянской группировки представлен в курганных могильниках X—начала XII в., субстратные традиции костромской «чуди» прослеживаются лишь с появлением в Поволжье курганного обряда, т. е. с XII в. Тем не менее за установленными различиями скрываются прежде всего явления локального характера. Это подтверждается материалами погребальных памятников, исследованных в пограничной зоне между владимирским и костромским курганными ареалами (бассейны рек Тезы и Уводи).

В Семухинском и Вознесенском могильниках XI—XII вв. наблюдается сочетание элементов костромской финно-угорской культуры и этноопределяющих древностей мери. Что особенно показательно — типичные для северо-восточной группировки украшения встречаются в тех же самых комплексах, где представлены мерянские наборные коньки, «владимирский» вариант каркасных треугольных подвесок, перстни с шумящими привесками и другие категории волго-окских древностей, отсутствующие в Костромском Поволжье. Вместе с тем в глубинные районы Ростово-Суздальской земли костромские формы финно-угорских украшений не проникают. Центральную часть современной Ивановской области, пока еще слабоизученную в археологическом отношении, следует рассматривать в качестве широкой контактной зоны между двумя крупными мерянскими группировками.

А. А. Спицын отмечал, что «курганы ярославские и тверские, расположенные выше по Волге, имеют ту же культуру, как и костромские, но все они беднее здешних» [1924, с. 16]. В некоторых погребениях Ярославского Поволжья встречены финно-угорские древности, имеющие прямые аналоги в костромских могильниках [см., напр.: Спицын, 1899, с. 222, 223; 1921, с. 16]. Но такие находки крайне малочисленны и не могут служить доказательством проживания здесь в дорусскую эпоху представи-

телей костромской финно-угорской группировки. Появление сходных элементов культуры объясняется скорее связями между этнически смешанным населением двух волжских регионов, осуществившимися в XII—XIII вв. по главной речной магистрали.

Значительно более отчетливо выступает культурная близость костромской мери с ее восточными соседями — средневековыми мари́йцами. В последние годы в Марийском Поволжье и Поволжье началось исследование грунтовых могильников, синхронных костромским курганным кладбищам. Выясняется, что мари́йская культура XII—XIII вв., сохраняя черты преемственности с культурой IX—XI вв., приобретает в этот период ряд новых особенностей. Наблюдается резкое возрастание связей с западновожским населением [Халиков, 1976, с. 24]. По мнению исследователей, «рубезж XI—XII вв. в истории древних мари́йцев является временем дальнейшей консолидации мари́йцев как этнической общности и усиления контактов с западными, прежде всего славяно-русскими, племенами» [Архипов, 1977, с. 118]. Особенно показательно, что, несмотря на сравнительно небольшое число раскопанных древнемари́йских погребений XII—XIII вв. (94 комплекса) [Архипов, Патрушев, 1976, с. 57], именно в их инвентаре выявляется наиболее близкий круг аналогий костромским типам «чудских» изделий (см. с. 76—81). Последнее обстоятельство вряд ли может быть объяснено лишь усилением в рассматриваемый период контактов между двумя соседними регионами.

В эпоху железного века «Костромское Поволжье и широкая полоса междуречья Костромы и Унжи представляла . . . территорию, на которой происходил стык двух крупных культурных массивов»: дяковского с запада и ананьинского с востока [Горюнова, 1967, с. 75]. Эти связи не прерывались и в последующее время. Единственный археологически исследованный финно-угорский поселок предкурганной поры — Дурасовское городище IX—начала X в. — обнаруживает настолько близкое сходство с памятниками Поволжья, что рассматривается автором раскопок в качестве одного из ранних центров ювелирного производства в Костромском Поволжье, возникшего «в связи с оседанием здесь бродячих ремесленников — сельских ювелиров из территориально близких вятско-камских районов» [Горюнова, 1961, с. 109—116]. Следует особо подчеркнуть, что Дурасовское городище расположено в западной части курганного ареала и фиксирует, таким образом, сквозную инфильтрацию ветлужско-вятского этнического элемента вдоль всего костромского отрезка Волги.

Отмеченная выше многокомпонентность средневековой субстратной культуры Костромского Поволжья еще требует расшифровки вследствие слабой изученности собственно финно-угорских памятников.⁵ Можно предположить, что в ее формировании при-

⁵ Ниже рассмотрены лишь те слагаемые элементы, которые обусловили формирование северо-восточной группы мери в докурганную эпоху. Проникновение в Костромское Поволжье представителей иных «чудских» образований в ходе

няли участие население, родственное летописной мери, и «чудские» коллективы, связанные по происхождению с предками мари. Наконец, в местные этнические процессы могло быть включено и особое финно-угорское образование в восточной части Волго-Окского междуречья, пока еще слабо документированное археологическими данными. А. Ф. Дубынин, проанализировавший материалы немногочисленных грунтовых могильников I тысячелетия н. э. Волго-Окского междуречья, пришел к выводу, что один из них — Хотимльский (бассейн р. Тезы) — не может быть причислен к мерянским памятникам и «всецело отражает иную, очевидно северо-восточную, группу в междуречье Оки и Верхней Волги, которая пока представлена в Ивановской области только им одним» [1966, с. 76—77]. Косвенным доказательством этого заключения является инвентарь Вознесенского и Семухинского курганных кладбищ XI—XII вв. Здесь наряду с древностями славяно-русского и финно-угорского («костромского» и «владимирского») облика представлены шумящие украшения, не имеющие аналогий в Костромском Поволжье и Ростово-Суздальской земле. Некоторые оригинальные формы являются скорее всего реликтовым наследием культуры местного «чудского» образования [см.: Рябинин, 1974а, с. 12].

Подводя итоги изучению костромских финно-угров, можно резюмировать следующее. В сложении северо-восточной группы мери приняли участие разнородные элементы, лишь на определенной стадии интеграции сконсолидировавшиеся в племенную общность. Костромская мера — это племенное новообразование с незавершившимися (даже в эпоху распространения в Поволжье курганного обряда захоронения) этническими процессами. Полагаем, что и сам этноним «мера» появился здесь значительно позднее, чем в зоне расселения летописной группировки. Региональные различия, отчетливо устанавливаемые при анализе субстратных погребальных особенностей, в реликтовой, пережиточной форме запечатлели многокомпонентность генезиса костромской финно-угорской общности.

* * *

Незначительные размеры курганных групп свидетельствуют о малодворном характере сельских поселений рассматриваемого периода. Этот факт отмечался всеми исследователями, обращавшимися к костромским средневековым могильникам. По мнению П. Н. Третьякова, кладбища в 5—10—15 насыпей могли принадлежать скорее всего одной семье [1931, с. 9, 10]. Небольшой, одиноко стоящей усадьбой — «починком на лесных рощистях» — пред-

колониационного процесса придадо новые черты местной финно-угорской культуре. Но это был уже не субстрат, а суперстрат применительно к реликтовым традициям дорусского населения края.

ставляет поселения курганной эпохи и Е. И. Горюнова [1961, с. 222]. Хотя селища Костромского Поволжья и не подвергались планомерному изучению, вывод об их незначительных размерах находит подтверждение в параллельных археологических материалах соседних районов Северо-Восточной Руси [Успенская, Фехнер, 1956, с. 19; Фехнер, 1957, с. 183—197], а также в письменных источниках более позднего времени [см., напр.: Веселовский, 1936, с. 12, 26—123].

Изучение производственного инвентаря из курганных комплексов — топоров, серпов, кос-горбуш — позволило П. Н. Третьякову высказать заключение о доминировании в Костромском Поволжье лесного земледелия в форме переложной системы [1931, с. 30—35]. Лесной перелог, при котором расчищенная из-под леса и распаханная земля работала 3—4 года и 10—16 лет отдыхала [Третьяков, 1932], признает вполне вероятной и приемлемой формой земледелия для Северо-Восточной Руси XI—XIV вв. и В. П. Петров [1968, с. 200, 201].

Средневековые пахотные орудия на рассматриваемой территории пока не обнаружены. Однако о их типе можно судить по находкам сошников от двузубых сох XI—XIII вв. в соседних районах — Ярославском Поволжье и Поветлужье [Левашева, 1956, с. 31]. Г. Е. Кочин связывает появление двузубых сох на севере Восточной Европы с новым важным этапом в развитии сельского хозяйства — переходом от подсечного земледелия к полевому, напашенному [1965, с. 74—78]. Письменные источники XIV—XV вв. постоянно упоминают соху как основное земледельческое орудие во всех уездах Костромского края, а в некоторых из них (Костромской и Галичский) применялся в это время и плуг [Кочин, 1965, с. 72, 73].

К сожалению, анализируемый круг источников не содержит ясной информации об уровне экономического развития финно-угорских коллективов и пришлого славянского населения в начальный период их контактов. Являлись ли древнерусские колонисты носителями более высоких производственных земледельческих навыков, оказавших прогрессирующее воздействие на быт аборигенов, или же в данной конкретной ситуации происходило постепенное смешение разноязычных групп с одинаковым хозяйственным укладом — об этом судить трудно. Как уже отмечалось, наибольшая концентрация производственного инвентаря наблюдается в правобережной части западного курганного региона, т. е. там, где местный «чуждой» элемент выражен крайне слабо; в зоне распространения могильников с яркими традициями костромской мери находки орудий труда относительно редки. Однако данный факт свидетельствует прежде всего о различиях не хозяйственного, а ритуального порядка. К периоду прекращения на рассматриваемой территории захоронений под искусственными насыпями все смешанной славяно-финское население Приволжья было тесно связано единой хозяйственной деятельностью, основой которой являлось лесное земледелие.

Немаловажное значение для обитателей лесных и прибрежных участков Волги должны были иметь и подсобные промыслы: рыболовство (например, в кург. 1 у д. Исаево были найдены рыбы кости), бортничество и охота. Еще сравнительно недавно в лесах Костромского края водились медведи, волки, кабаны, олени, лоси, рыси, россомахи, зайцы, белки, барсуки, куницы, выдры, норки, горностаи [Дюбюк, 1920, с. 4—11]. Известно, что в XVI в. Галицкое княжество особенно славилось своими рысьими, горностаевыми и беличьими мехами [Бахрушин, 1909, с. 579]. Несомненно, охота на пушного зверя и дичь широко практиковалась у населения рассматриваемой территории и в домонгольской эпоху, когда сплошные леса вплотную подступали к самым берегам Волги, окружая малодворные поселения на полянах и вырубках.

О труде сельских кузнецов и ювелиров ярко свидетельствует инвентарь курганных погребений. Сырье для железоделательного производства — болотная руда — имелось во всех уездах бывшей Костромской губернии [Семенов, 1865, с. 744]. Местное изготовление хозяйственного инвентаря привело к появлению особых, «костромских» вариантов серпов и кос-горбуш. Ювелирный промысел, уходящий корнями в деревенское ремесло I тысячелетия н. э. [Горюнова, 1961, с. 115, 116], в начале II тысячелетия переживает свой расцвет. Хотя в курганную эпоху на берега Волги начинает в значительном количестве поступать продукция из городских древнерусских центров и не прекращаются торговые связи с более восточными финно-угорскими областями, все же именно местное производство изделий из цветных металлов обеспечивало в основном потребности сельского населения края и придавало своеобразие его материальной культуре. Анализ многих массовых категорий находок (височных колец, браслетов, перстней) показывает, что подавляющая их часть изготовлена руками деревенских ювелиров. Еще более наглядно традиции местного производства выражены в женских украшениях финно-угорских типов. Костромские мастера владели техникой литья по восковой модели, по оттиску и в жестких одно- или двусторонних формах. Выработанные стандартные виды «чудских» подвесок пользовались особой популярностью в местной среде, но часть таких изделий расходилась и за пределами рассматриваемой территории. Сельские ювелиры чутко откликались на новые явления, вызванные к жизни этнокультурными процессами в зоне славяно-финских контактов. Показательно в связи с этим усвоение костромскими ремесленниками прибалтийско-финских типов древностей и переход к их местному изготовлению. В XII—XIII вв. Костромское Поволжье было одним из наиболее значительных очагов массового производства «чудских» украшений, оказавшим заметное воздействие на характер материальной культуры финно-угорских «населенников» северных областей Руси.

Материалы костромских курганов характеризуют быт сельского населения феодальной эпохи. П. Н. Третьяковым была предпринята попытка выделить как по количественному, так и качествен-

ному составу инвентаря богатые погребения, принадлежавшие сельской верхушке и свидетельствующие, по его мнению, об имущественной дифференциации деревни [1931, с. 19—21, 37]. Но все приведенные им примеры таких богатых захоронений относятся, как выясняется, лишь к одному Пьянковскому могильнику. А именно этот памятник мы выделяем в качестве вероятного кладбища зарождавшегося на новгородских путях колонизации погоста, кладбища, в котором погребались представители сельской администрации. Иначе говоря, Пьянковская курганная группа, проанализированная в разное время и с разных позиций, получила сходную оценку благодаря своему своеобразному облику.

Что касается основного пласта погребальных комплексов, то их социальная дифференциация представляется крайне спорной. Разумеется, и среди них можно выделить богатые и бедные по составу инвентаря захоронения, но остается неясным реальное содержание этих различий. Следует учитывать этническую нестроту средневекового населения края, специфику ритуальных традиций (примером чего является, в частности, наблюдаемая территориальная диспропорция в размещении орудий труда), наконец, наличие поздних погребений, оставленных уже в после-монгольскую эпоху и крайне бедных по составу находок.

На северо-восточной окраине Руси длительное время сохранялись пережитки родовых отношений. Примером этого, по заключению Е. И. Горюновой, является частое расположение могильников «гнездами», включающими от двух-трех до семи групп [1961, с. 222]. Картографирование курганных кладбищ показывает, однако, что такие отдельные скопления памятников отнюдь нехарактерны для Костромского Поволжья.⁶ Можно говорить не о «гнездах», а о крупных «сгустках» могильников и связанных с ними поселений, образующих микрорегионы в зоне курганной культуры. Некоторые из них (например, Покшинско-Сендегский) восходят в своей основе к родоплеменным «чуждским» общностям, в остаточной форме продолжавшим сохранять черты своей территориальной обособленности и в древнерусское время.

Несколько иная ситуация в размещении могильников выявляется на периферии западного региона курганной культуры. В бассейнах южных притоков Волги — Шачи и Солоницы, в нижнем течении Костромы и на ее притоках — Мезе и Андобе погребаль-

⁶ Предположение о «гнездовом» расположении могильников основано на отчетных данных дореволюционных исследователей. И члены БУАК, и Ф. Д. Нефедов нередко привязывали несколько исследованных ими групп к одному и тому же селению, что создавало впечатление об обособленном положении того или иного скопления памятников. Топографически же крайние группы курганов, тяготеющие, согласно отчетам, к определенному населенному пункту, часто оказываются значительно более близкими к могильникам, помещенным под названием другого селения, чем к кладбищам того же самого «гнезда». Это подтверждается не только картографированием памятников, но и обследованием их топографического размещения, проведенным автором в бассейне р. Покши и на побережье Волги.

ные памятники уже не составляют сплошных массивов, а образуют скопления из нескольких групп или же оказываются рассеянными вдоль берегов. Судя по характеру захоронений, исследованных в этих группах (группоположения в подкурганных ямах, с однотипной западной ориентировкой, крайне бедным инвентарем, полным отсутствием финно-угорских элементов культуры), их появление относится к концу существования курганного обряда. Они документируют начало нового этапа освоения края — его внутреннюю колонизацию, продвижение древнерусских земледельцев с ранее освоенных участков на новые необжитые земли. Продолжение и результаты этого процесса хорошо известны по письменным источникам XIV—XV вв. С конца XIV в. лесные речки Заволжья покрываются десятками монастырей (см. рис. 12), а водораздел Костромы и Сухоны, по образному выражению В. О. Ключевского, становится «русской заволжской Фиваидой» [1957, с. 249—250]. Так называемая монастырская колонизация была тесно связана с крестьянской, являясь исторически документированным выражением более широкого колонизационного процесса: «„смирненные пустынно-жители“ в XIV—XV вв. шли на север, потому что сюда направлялся поток народного движения» [Бернадский, 1961, с. 63]. Справедливость этого вывода подтверждается и рассмотренными выше материалами, свидетельствующими о начале крестьянского освоения северных притоков Волги еще в XIII в.

* * *

Археологические источники позволяют сделать ряд заключений об идеологических представлениях средневековых обитателей Поволжья. Христианская религия медленно распространялась среди сельского населения северных районов Руси. Известно, что на протяжении всего XI в. даже в ближайших окрестностях Ростова Великого — центра учрежденной в Залесской земле епархии — обитали язычники «упорные и дикие». К язычеству здесь особенно была привязана «заблудящая чудь», от рук которой мученической смертью погиб первый ростовский епископ Леонтий. Его преемник Исая и действовавший в то же самое время Авраамий Ростовский (последняя четверть XI в.) вынуждены были насильственно обращать жителей Ростово-Суздальской земли в христианство, предавая огню их молитвенные места и строя церкви [Корсаков, 1872, с. 88—92].

Вполне понятно, что еще более затяжной характер должно было иметь распространение церковной идеологии на окраине Залесской Руси, в лесных районах Костромского Приволжья и Заволжья. Здесь не имелось старых городских центров, откуда бы происходило постепенное насаждение христианства. «Заблудящая чудь», составлявшая в Костромском крае значительную часть сельского населения, должна была еще более сильно, чем в Ростовской епархии, сопротивляться внедрению новой религии.

В связи с этим интересно сопоставление материалов костромских могильников и курганных погребений земли вятичей. Примерно из 1000 раскопанных вятичских курганов Подмосковья предметы христианского культа встречены в 36 комплексах (3,6%) [Беленькая, 1976, с. 96]. Из 1676 документированных насыпей Костромского Поволжья иконки и крестики обнаружены в 51 захоронении (3,5%). В обеих областях наблюдается одинаковый и довольно низкий процент погребений с христианскими культовыми предметами. Следует ли из этого, что население земли вятичей и окраины Залесской Руси сближалось между собой и по степени воздействия на него новой религии? Полагаем, что сказанное не совсем так.

Исследователями вятичских древностей прослежена эволюция погребального обряда, выразившаяся в постепенном переходе во второй половине XII в. и особенно на рубеже XII—XIII вв. к захоронениям в подкурганных могильных ямах, с устойчивой западной ориентировкой и традиционным положением рук на груди, с малым количеством инвентаря или вообще без вещей [Недошивина, 1971, с. 182—196; 1976, с. 45—51; Беленькая, 1976, с. 95—97]. Такая тенденция связывается с распространением христианства в среде местного населения и серьезной утратой последним языческого наследия. В Костромском Поволжье наблюдается иная ситуация.

Рассмотрим погребения с предметами христианского культа. Из 50 документированных комплексов лишь в девяти умершие были погребены в подкурганных могильных ямах. Наряду с западной ориентировкой (23) встречается юго-западная и северо-западная (18), а территориальное распределение таких погребений соответствует установленным локальным различиям в ареале костромских могильников; в семи случаях отмечены трупоположения с меридиональной и восточной ориентировкой. Положение рук самое разнообразное, причем лишь 14% умерших похоронены с руками, сложенными на груди. Безынвентарные погребения полностью отсутствуют. Более того, все женские захоронения сопровождаются богатым и разнообразным инвентарем, часто включающим в свой состав зооморфные и шумящие подвески финно-угорских типов. 11 женских погребений были совершены под «заливкой». Свыше половины захоронений с иконками и крестиками характеризуются ярко выраженными элементами субстратной финно-угорской культуры. Разумеется, о прямом воздействии христианской религии на основную часть рассмотренных представителей населения курганной эпохи говорить не приходится.⁷ Крестики и иконки обитательницы Костромского Поволжья использовали в качестве таких же украшений, как и другие разновидности древнерусских и финно-угорских типов древностей. Чаще всего предметы хри-

⁷ По заключению Н. Г. Недошиной, вятичские захоронения на материке, с вытянутыми (а не скрещенными на груди, как предписывал церковный канон) руками, с сосудами и большим количеством вещей «можно рассматривать как языческие» [1971, с. 136].

стианского культа носили в составе ожерелий вместе с бусами и различными подвесками, в Колдомо-Сунжинском регионе круглые иконки нередко прикреплялись к височным колечкам.

Некоторые факты все же позволяют отнести начальный, хотя и очень слабый, этап христианизации славяно-чудского населения северо-восточной окраины Руси еще к домонгольскому периоду. Вероятнее всего, это было связано с деятельностью первых миссионеров, шедших проповедовать новую веру из обителей Ростово-Суздальской земли, в которой «христианство получает полную оседлость» только с эпохи Андрея Боголюбского [Корсаков, 1872, с. 107].

Характеризуя предметы христианского культа, мы подробно остановились на описании мужского захоронения, сопровождавшегося складнем с мощами, исследованного на правом берегу центрального региона (№ 176, 3). Находка фибулы на груди умершего свидетельствует в пользу его чужеродного происхождения (в Колдомо-Сунжинском регионе нагрудные застежки не применялись). Примечателен облик и остальных погребений этой же группы. Оба женских костяка сопровождалась иконками, в мужском захоронении найден только нож; ориентировка умерших западная, какие-либо субстратные элементы полностью отсутствуют. Есть основания полагать, что под одной из насыпей местная община похоронила христианина, пришедшего с юга и оставившего после себя след новой религии.

Христианизация в курганный период могла охватить лишь отдельные группы и даже отдельных представителей сельского населения, продолжавших жить среди своих сородичей-язычников. В кургане у д. Исаево (№ 92, 6) встречено погребение ребенка, на шее у которого находился крестик, слева у пояса – нож. В кургане второй группы у д. Боровиково (№ 90, 1) был захоронен взрослый мужчина в колоде, с нателным крестом на шерстяном шнурке и бронзовым перстнем на руке. Такое самостоятельное использование религиозных символов свидетельствует в пользу того, что под искусственными насыпями погребены христиане. Примечательно, однако, что ребенок был положен головой на восток, а мужчина – на север. Скорее всего, в этих случаях мы сталкиваемся с фактом первого этапа христианизации населения, когда отдельные представители сельской общины воспринимают идеи новой религии, но хоронят их сородичи, стойко сохраняющие старые языческие традиции. В Костромском Поволжье известны захоронения мужчин с крестиками на груди, обращенных головой к западу (№ 235, 4, 6). Но они сопровождаются орудиями труда и довольно богатым инвентарем, что не позволяет говорить о полной христианизации умерших.

Исходя из имеющихся данных можно заключить, что какие-то довольно слабые элементы христианской идеологии все же пробили себе дорогу в языческую среду населения Костромского Поволжья. Исследователи вятичских древностей делают вывод о сложении в земле вятичей «двуверия» – своеобразного сплава

языческого и христианского мировоззрений. Для рассматриваемой территории можно говорить лишь об ослабленных чертах этой ситуации, так удачно названной самими христианскими проповедниками. Однако на заключительном этапе бытования курганного обряда в ближайших окрестностях Костромы христианизация все же достигла определенных результатов. Свидетельством этого являются поздние погребальные памятники на периферии западного региона курганной культуры с их невыразительным и бедным инвентарем, однотипной западной ориентировкой. Несомненно, на христианизацию обитателей округа Костромы оказало прямое воздействие и возросшее влияние этого города, ставшего в 1240-х гг. столицей удельного княжества и превратившегося уже во второй половине XIII в. в цветущий торговый и ремесленный центр Поволжья. Под 1276 г. в летописях содержится первое упоминание о древнейшей соборной церкви Феодора Стратилата в Костроме [см.: Тихомиров, 1956, с. 423, 424], построенной, очевидно, еще Ярославом Всеволодовичем в честь святого, имя которого было дано ему при крещении [Миловидов, 1886, с. 31–33]. Таким образом, еще в курганную эпоху в Костроме имелся собственный форпост христианизации, способствовавший внедрению новой религии в среду языческого населения края.

Исчезновение захоронений под искусственными насыпями для основной части рассматриваемой территории (исключение составляют лишь окрестности Костромы и правобережье западного региона, плотно освоенного славянскими поселенцами) не может быть поставлено в прямую взаимосвязь с эволюционным развитием и закономерным завершением курганной погребальной обрядности. Последняя была резко и неожиданно прервана в результате какого-то сильного потрясения, изменившего весь уклад жизни средневековых обитателей края. Скорее всего, это вызвано последствиями монгольского нашествия 1238 г., в ходе которого завоеватели «полюбили все грады по Волге», дойдя до Галича Мерьского. На пути их следования оказалось большинство селений с курганными кладбищами, тяготевших к берегам Волги. Страшный монголо-татарский погром, уничтожение деревень и вероятная передвижка населения способствовали разрушению старых традиций, замене их новыми. Была полностью разбита еще сохранявшаяся замкнутость «чуждских» региональных микров с их системой консервативных языческих верований. «Русская деревня стала христианизироваться только после татарского нашествия», — отмечал Б. А. Рыбаков [1970, с. 34]. Образование Костромского удельного княжества, быстрый рост г. Костромы, приток в Заволжье земледельческого населения из других областей, развитие социально-экономических отношений и распространение религиозной идеологии привели к окончательному исчезновению курганного обряда. К концу XIII в. в основном завершилась и ассимиляция приволжских «чуждских» группировок. Последующая судьба Костромского края является уже достоянием только письменной истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические материалы XII—XIII вв. документируют начальный этап древнерусской истории Костромского края, вошедшего в дальнейшем в состав основной территории централизованного Русского государства и явившегося одним из очагов формирования северо-восточных великорусов. Именно в рассматриваемый период были заложены главные предпосылки будущего расцвета этого крупного средневекового региона, традиционно считавшегося неотъемлемой принадлежностью великокняжеского домена.

Обособленный массив костромских могильников и связанных с ними поселений предполагает наличие определенной «областной» территории, сложившейся еще в домонгольское время. Интересно сопоставление последней с границами Костромского княжества, выделившегося в середине XIII в.

Костромской удел впервые получил в наследство (около 1247 г.) после смерти великого князя Ярослава Всеволодовича его младший, девятый, сын Василий Мизинный; примерно тогда же обособилось Галицкое княжество, переданное Константину — четвертому сыну Ярослава [Кучкин, 1984, с. 116, 119]. Территории княжеств могут быть определены лишь по более позднему актовому материалу, относящемуся ко времени не ранее XIV—начала XV в. [Любавский, 1929, с. 49—53; Кучкин, 1984, с. 123, рис. 4]. Сопоставление границ Костромского удела и предшествующей ему «областной» общности весьма показательно (см. рис. 12). Наблюдается почти точное совпадение западных, южных и восточных рубежей княжества и ареала погребальных памятников XII—XIII вв. Последующее расширение Костромского края произошло лишь в северном направлении, и обусловлено оно крестьянско-монастырской колонизацией Заволжья, протекавшей преимущественно уже в послекурганный период — в XIV и XV вв. Устанавливаемая прямая преемственность между областными «сгустками» населения домонгольской поры и территориями удельных княжеств является весомым подтверждением и яркой иллюстрацией вывода, высказанного В. О. Ключевским: «Колонизация выводила в верхневолжской Руси мелкие речные области, которые и послужили готовыми рамками для удельного дробления и поддерживали его. Когда удельному князю нужно было разделить свою вотчину между наследниками, географическое размещение населения давало ему готовое основание для удельных делений и подразделений» [1956, с. 347].

Быстрый расцвет Костромского княжества был обусловлен целым рядом обстоятельств: наличием земель, удобных для хлебопашества (почвы южной части удела сравнивались М. К. Любавским даже с плодородным Суздальским Ополем [1929, с. 50]), плотной заселенностью приволжских участков в XII—XIII вв. и крестьянской колонизацией Заволжья, усилившейся в XIV—XV вв. Костромское княжество (особенно его северные территории) находилось в относительной безопасности от хищнических набегов монгольских ратей, периодически учинявших погром и разорение северо-восточных областей Руси. Это определило направление миграции сельского населения из более южных районов в лесное Заволжье.

Следует учитывать и тот факт, что Костромской край издавна являлся одним из центров солеварения. В средневековых источниках упоминаются варницы в Соли Великой, Соли Малой и Нерехте на р. Солонице, у Соли Галицкой на р. Воче и в окрестностях Кадыя [Дюбюк, 1924, с. 3—29]. Хотя эти сведения и относятся лишь к XV—XVI вв., начало соляного промысла в Костромском Поволжье восходит, без сомнения, к значительно более раннему времени. Само название Соль Великая, зафиксированное впервые в летописи под 1214 г., ясно свидетельствует о наличии здесь варниц еще в домонгольскую эпоху. Показательно, что и второй домонгольский центр рассматриваемой территории — г. Нерехта — также был известен в XV—XVI вв. своим соляным промыслом.

Выгодное положение Костромы на важном участке волжского пути обусловило быстрое возвышение этого города, превращение его в богатый и многолюдный торгово-ремесленный центр Руси. Уже в XIII в. он становится не только столицей княжеского удела, но и на какое-то время великокняжеской резиденцией: Василий Мизинный, занимавший с 1272 по 1276 г. стол великого князя, до самой смерти не покидал родного города и был погребен здесь же, в соборной церкви Феодора Стратилата. При нем Кострома превращается в важный центр политической жизни Северо-Восточной Руси; здесь происходили, в частности, княжеские съезды [Сахаров, 1959, с. 61]. В годы великого княжения Василий пытался противопоставить свой удел возвышающейся Твери, но «...кратковременное пятилетнее правление не позволило ему усилить Костромское княжество» [Соловьев, 1911, с. 846—848].

Летописи XIV в. содержат яркие свидетельства о расцвете Костромы. Под 1375 г. приводится рассказ о нападении новгородских ушкуйников на торгово-ремесленный центр Поволжья. На его защиту вышло «много более пяти тысяч» костромичей. После взятия города ушкуйники награбили такое богатство, что смогли забрать с собой лишь самую ценную и легкую часть добычи, а остальную уничтожили [ср.: Сахаров, 1959, с. 60—62; Черепнин, 1960, с. 395, 396]. В «Сказании о Мамаевом побоище» Кострома упоминается среди самых крупных городов того времени: Москвы, Переяславля, Владимира и Ростова.

Рассматриваемая территория занимала особое положение в системе политических отношений того времени. После смерти Василия Мизинного в начале 1277 г. перестало существовать и Костромское княжество, а его владения вошли в состав великого княжества Владимирского [Кучкин, 1984, с. 119]. Костромская земля традиционно считалась принадлежностью великокняжеской власти, а не личной собственностью того или иного крупного феодала. Такое же отношение к ней сохранялось и после присоединения края к Москве. Следует учитывать ту чрезвычайно важную роль, которая отводилась Костроме в военных и дипломатических акциях московских князей XIV—XV вв. Этот город связывал столицу формирующегося великорусского центра с Галичем, Солюю Галичской и через Тотьму с Устюгом Великим; через него в период противоборства Москвы с Рязанью и Тверью осуществлялись связи с Ордой по свободному отрезку волжского пути. Кострома держала под контролем торговлю тверичей, она же закрывала Северо-Восточную Русь от набегов новгородских ушкуйных отрядов. Кроме того, город на протяжении всего XIV в. служил противовесом бурно развивавшемуся и набиравшему силы торгово-купеческому Нижнему Новгороду. В этом столетии Кострома оставалась важнейшей стратегической базой московских князей, выбранной ими, как отмечал Б. А. Рыбаков, с большим знанием дела [1969, с. 376, 377].

Ассимиляция «чудского» населения, занимавшего прибрежные участки Волги, завершилась в основном к концу XIII в. Финно-угорские коллективы, оказавшиеся вне зоны начальной древнерусской колонизации, еще длительное время сохраняли свою этническую самобытность. М. К. Любавский обратил внимание на названия волостей и станов, известных по актам XIV—XVI вв., «имеющие самостоятельные, не заимствованные от рек, озер и других урочищ нерусские наименования» [1929, с. 12]. В Костромской области к ним относятся Иледам, Ликурги, Шачебал, Шухомаш [там же]. Сюда же следует причислить и Мерский стан, располагавшийся к западу от г. Костромы, в треугольнике между нижним течением Костромы и Волгой (см. рис. 12). «Эти волости с самостоятельными инородческими именами, — писал Любавский, — ведут свое происхождение, несомненно, от инородческих местных обществ, которые прослоились русскими поселенцами и с течением времени обрусели» [там же]. С этим заключением нельзя не согласиться. В некоторых районах, особенно в лесном Заволжье, еще несколько столетий после включения края в состав русских территорий продолжала звучать финноязычная речь. Согласно письменным данным, обитатели Чудской волости, расположенной к северу от Галича, в XIV в. говорили «по-чудски»: ¹ враждовавшие между собой удельные галичские князья нанимали в помощь «чудь и луговую черемису» [Самарянов, 1876, с. 54—55]. Можно

¹ А. И. Понов полагает, что «чудь» в районе Галича Мерского составляла одно из мерянских племен [1973, с. 99—101].

провести параллель между такими костромскими волостями и глухими участками Пошехонья, где С. Герберштейн еще в начале XVI в. застал население, имевшее свой собственный, нерусский язык [см.: Любавский, 1929, с. 9].

Северное Заволжье осваивалось земледельцами сравнительно поздно, уже в послекурганную эпоху. Но некоторые «чудские» волости и станы (Мерский стан, Шухомаш) примыкают к зоне начального древнерусского расселения. Примечательно, что на их территории курганные могильники полностью отсутствуют. Крестьянин-переселенец не могла в этот период привлекать обширная пойма Костромской низменности, вошедшей в Мерский стан; не пытались они осваивать в силу каких-то причин и волость Шухомаш, хотя последняя располагалась на путях «низовской» колонизации. В таких лишенных следов раннего древнерусского заселения районах имелись все необходимые условия для длительной консервации местных традиций.

Со временем финноязычное население этих остаточных «островков» также полностью обрусело. В ходе длительного ассимиляционного процесса костромская меря не только участвовала в сложении древнерусской народности, но и послужила компонентом последующей великорусской общности. Правда, на втором этапе этнического взаимодействия ее роль вряд ли была особенно значительной. Если в антропологическом типе населения курганной эпохи ощущаются отчетливо выраженные черты сильного финно-угорского субстрата, то позднее картина резко меняется. Материалы свидетельствуют об отсутствии преемственности между следами субстрата и современным антропологическим типом северных великорусов. Скорее всего, это вызвано дополнительными славянскими миграциями, протекавшими в постемонгольский период (начиная с середины XIII в.). Такое предположение, уже высказанное в литературе [Алексеев, 1969, с. 202 – 204], получает подтверждение в самом ходе исторического процесса, охватившего Костромское Поволжье и рассмотренного в данной работе.

Изучение крупного средневекового региона Восточной Европы еще требует своего продолжения. Необходимы поиски и исследования памятников дорусского населения Костромского Поволжья, так как лишь на их основе возможно окончательное решение сложной проблемы этногенеза местных финно-угров и определение их этнокультурной принадлежности. Многие вопросы, связанные с древнерусской колонизацией и социально-экономической историей края в начале II тысячелетия н. э., могут быть раскрыты лишь в результате раскопок сельских поселений и городских центров Костромского Поволжья. Тем не менее наиболее изученный и самый массовый вид археологических источников — курганные захоронения XII – XIII вв. — уже сейчас позволяет проследить процесс формирования средневекового населения края, исторические судьбы которого неразрывно связаны с ростом и последующим расцветом Русского государства.

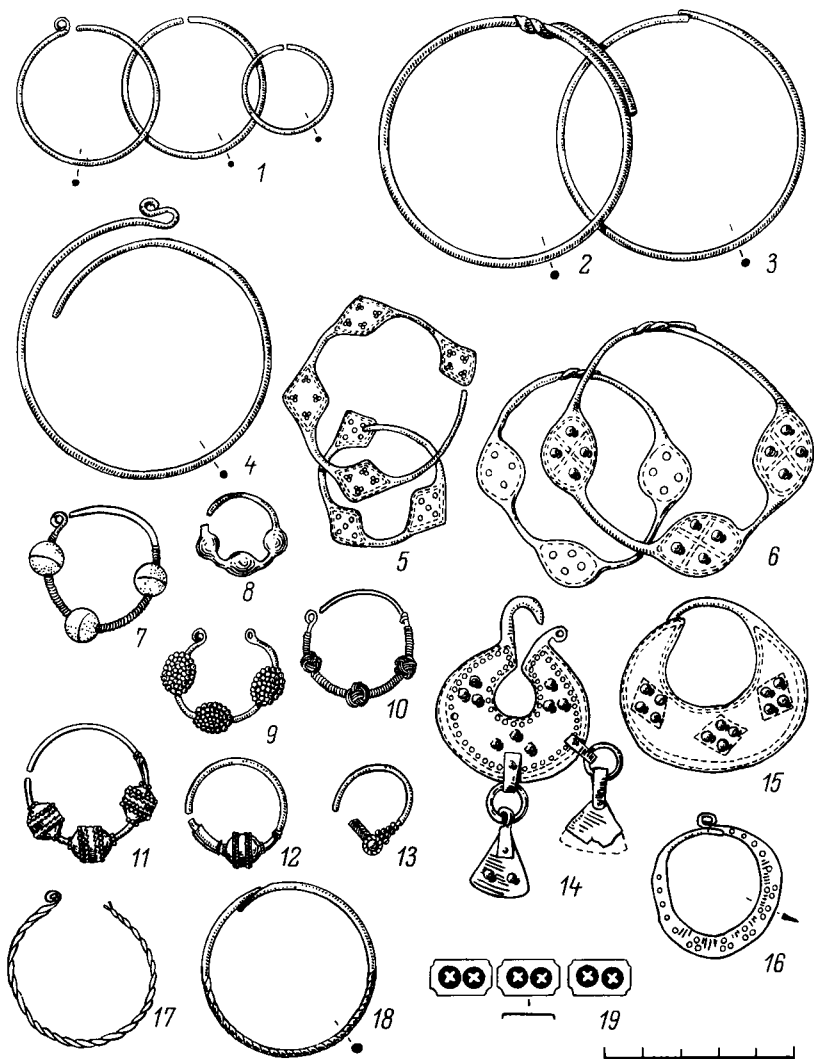

Таблица I. Украшения головного убора.

1 6, 17, 18 висюльные кольца; 7 16 серьги; 19 бляшки от головного венчика.

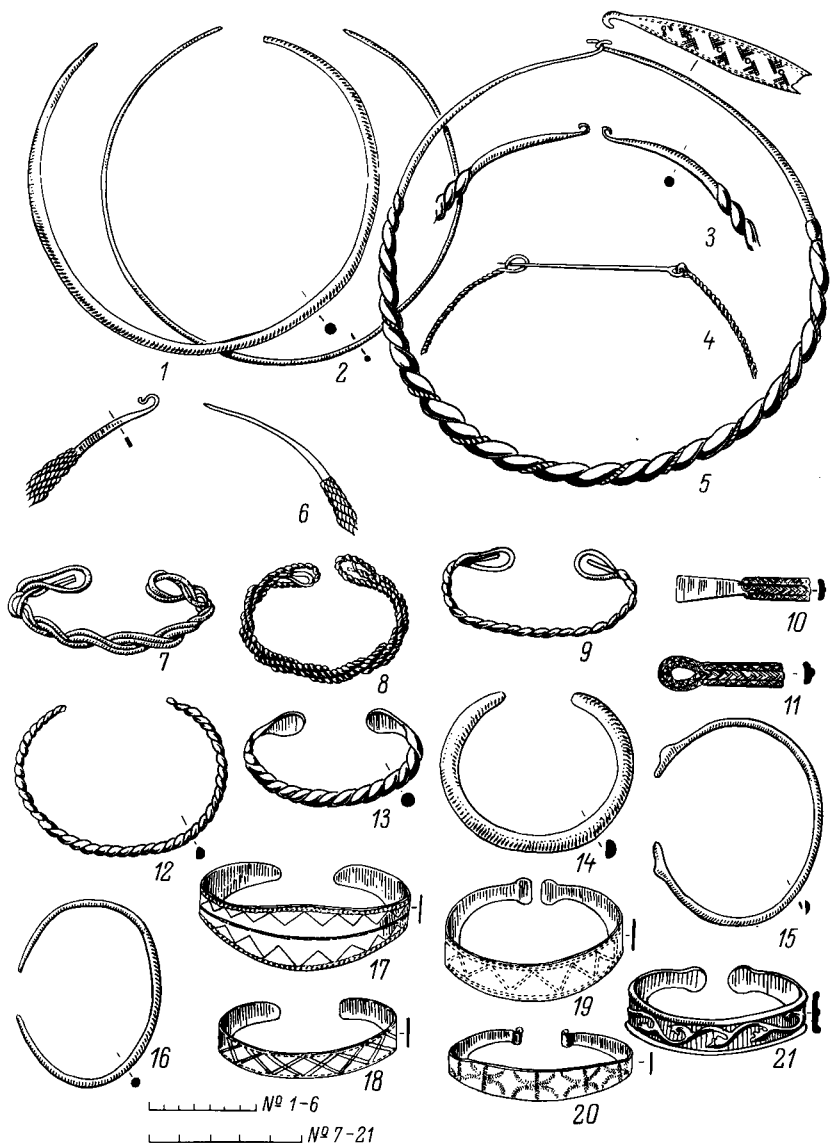

Таблица II. Украшения.

1 6 гривны; 7 21 браслеты.

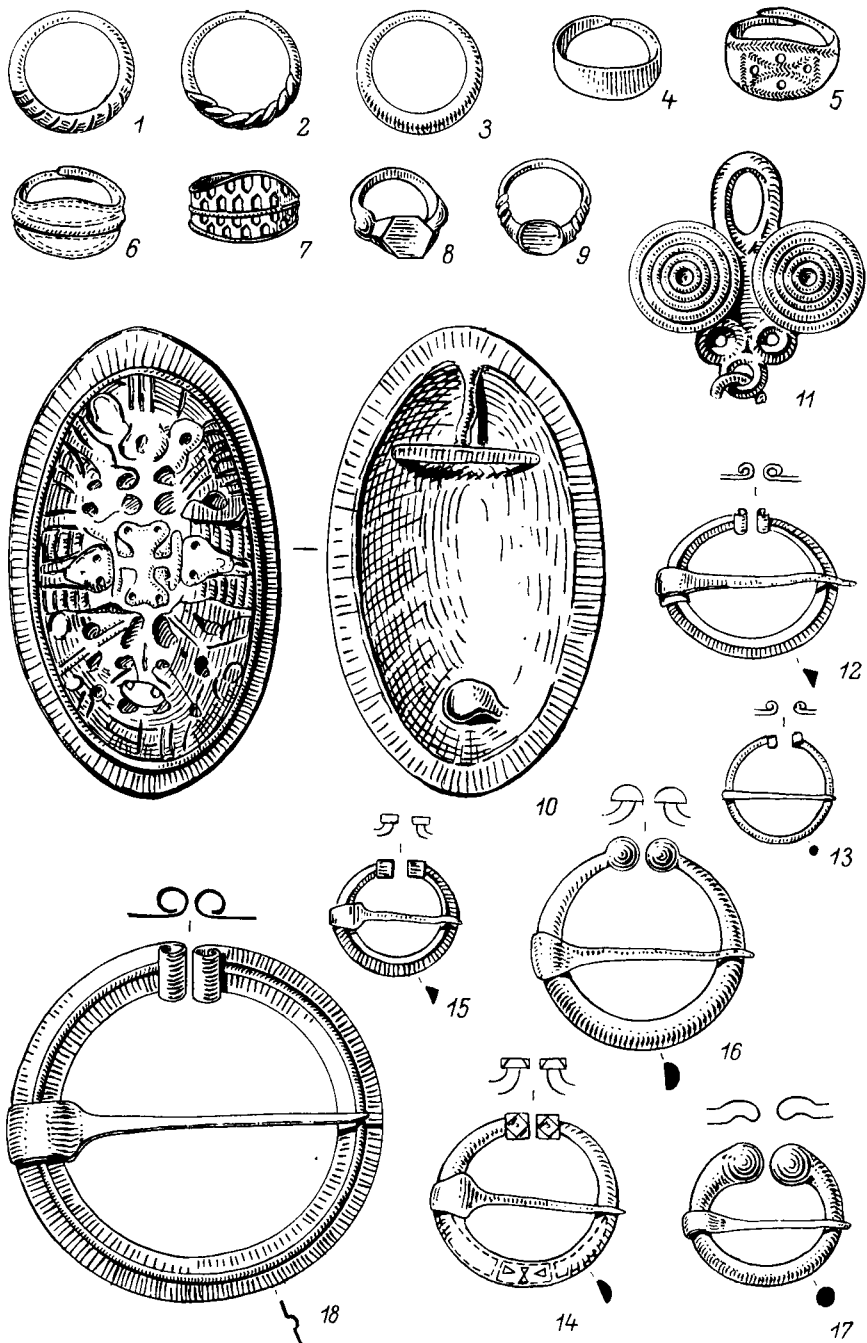

Таблица III. Украшения.

1-9 — перстни; 10 — скорлупообразная фибула; 11 — цепедержатель; 12, 19, 21, 26, 28, 33 — подковообразные фибулы и поясные пряжки; 20 — полусферическая наружная застёжка; 27, 31-36 — ремённые разделители.

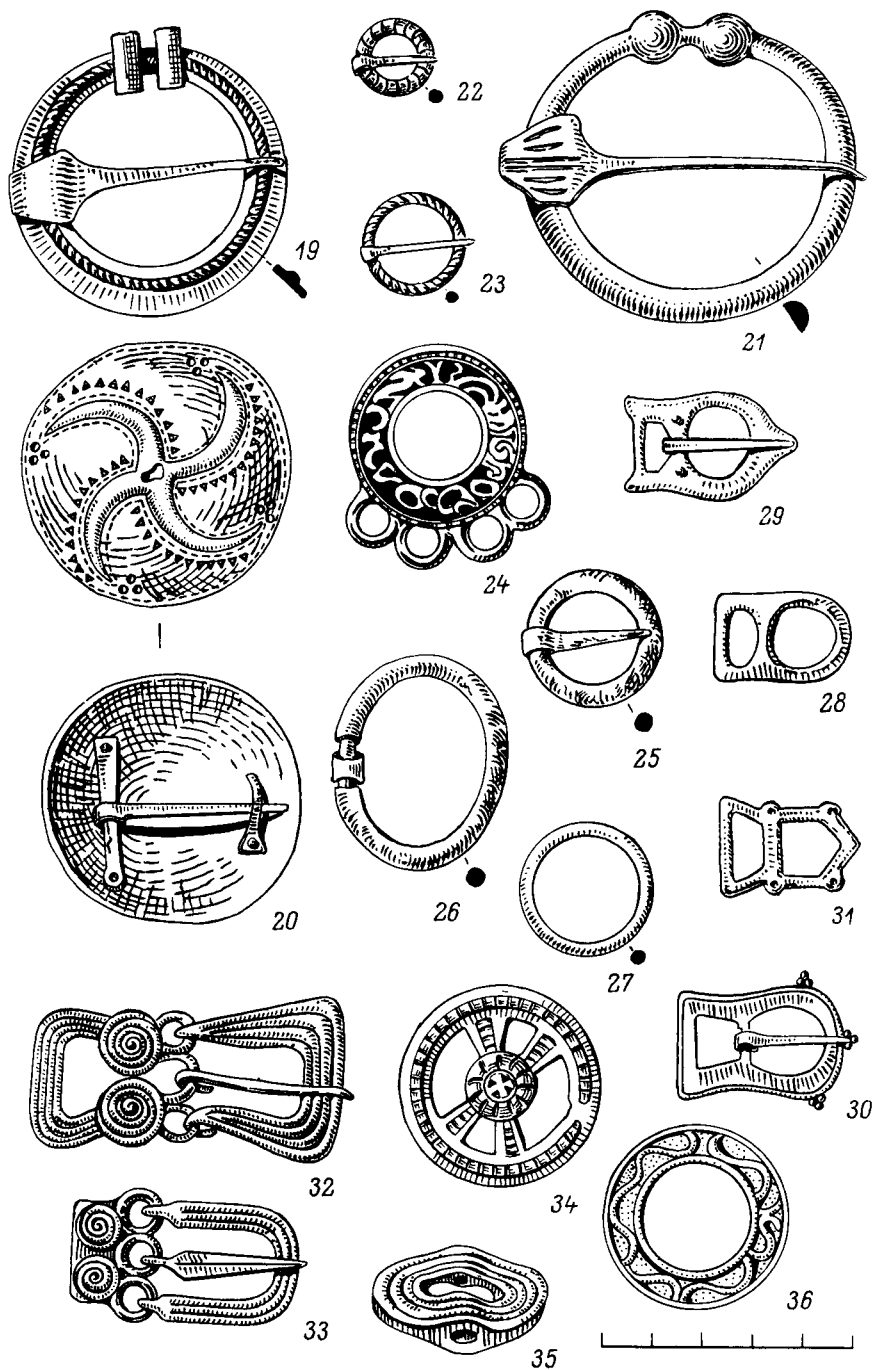

Таблица III (продолжение).

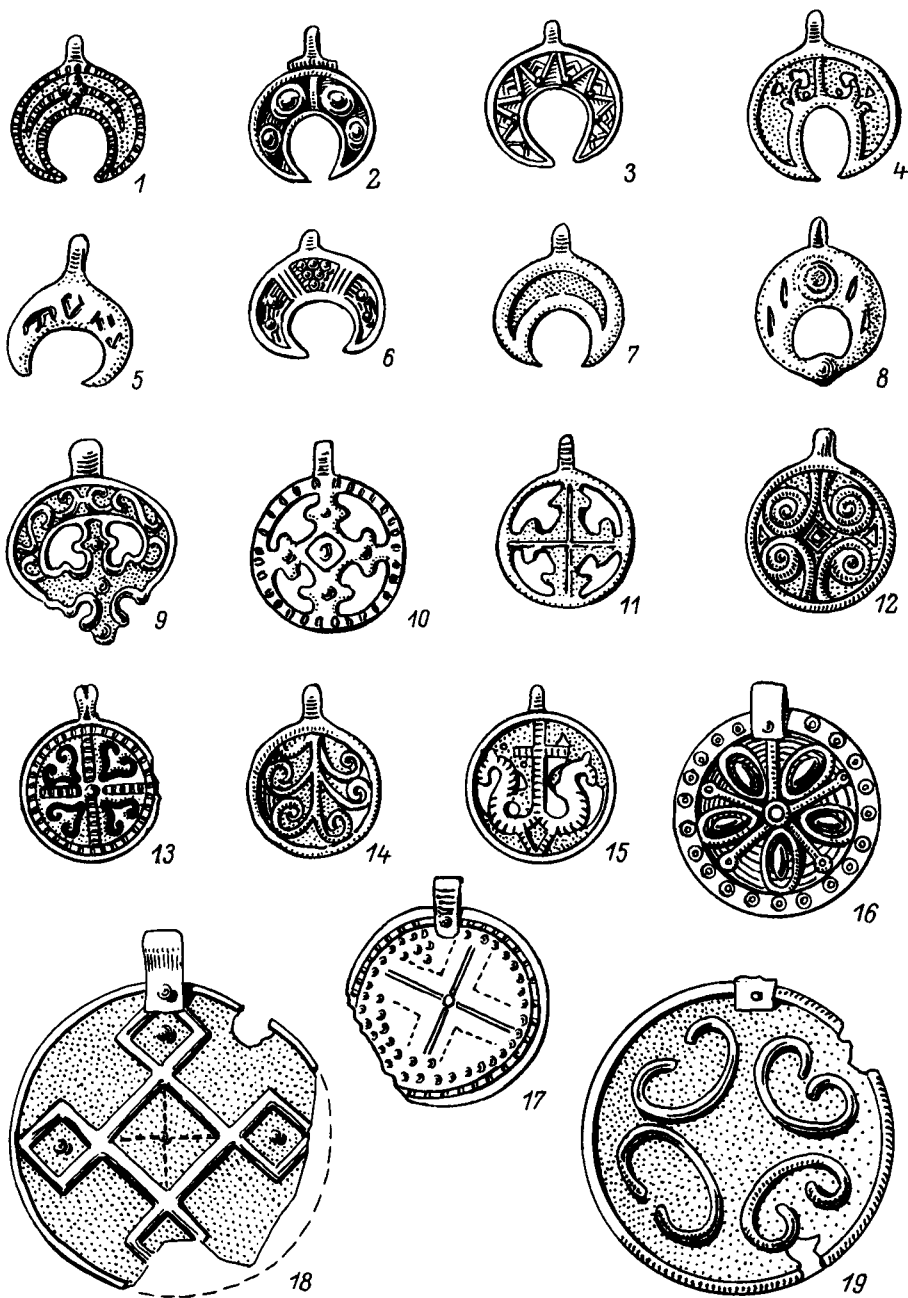

Таблица IV. Подвески.

1 9 - дуцины; 10, 11 - крестовключенные прорезные; 12-19 - монетовидные;
20, 21 - решетчатые; 22-36 - крестовидные; 37 - имитация звериного клыка.

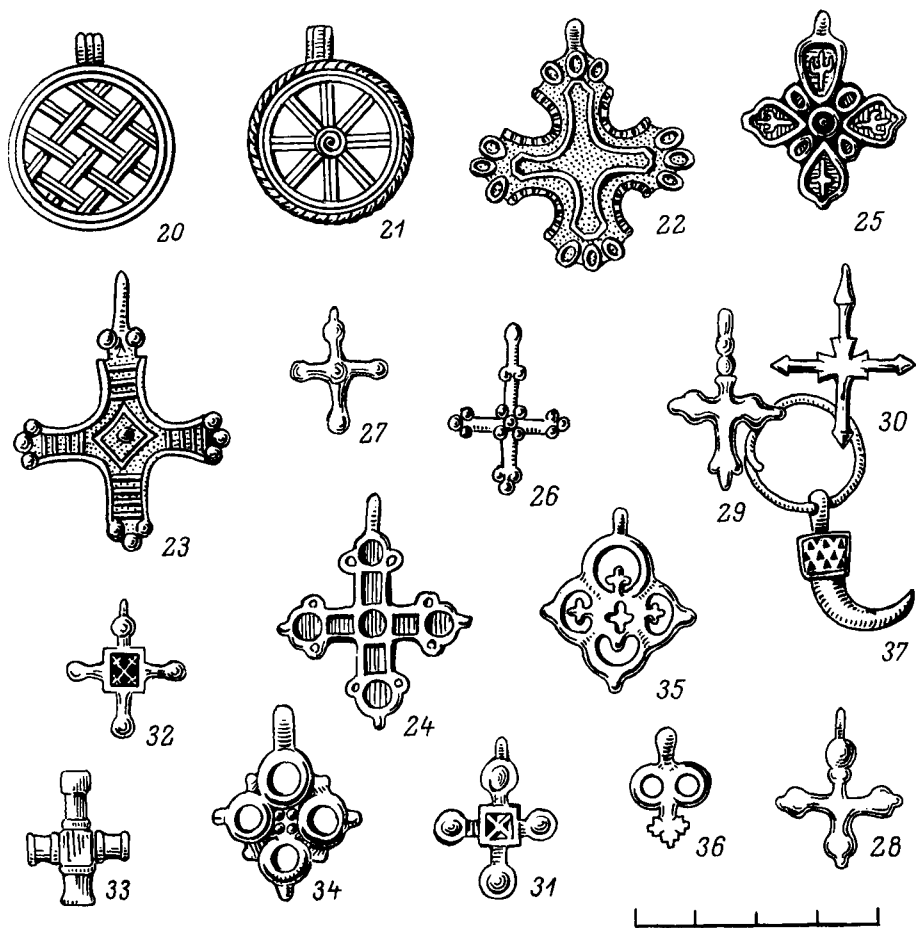

Таблица IV (продолжение).

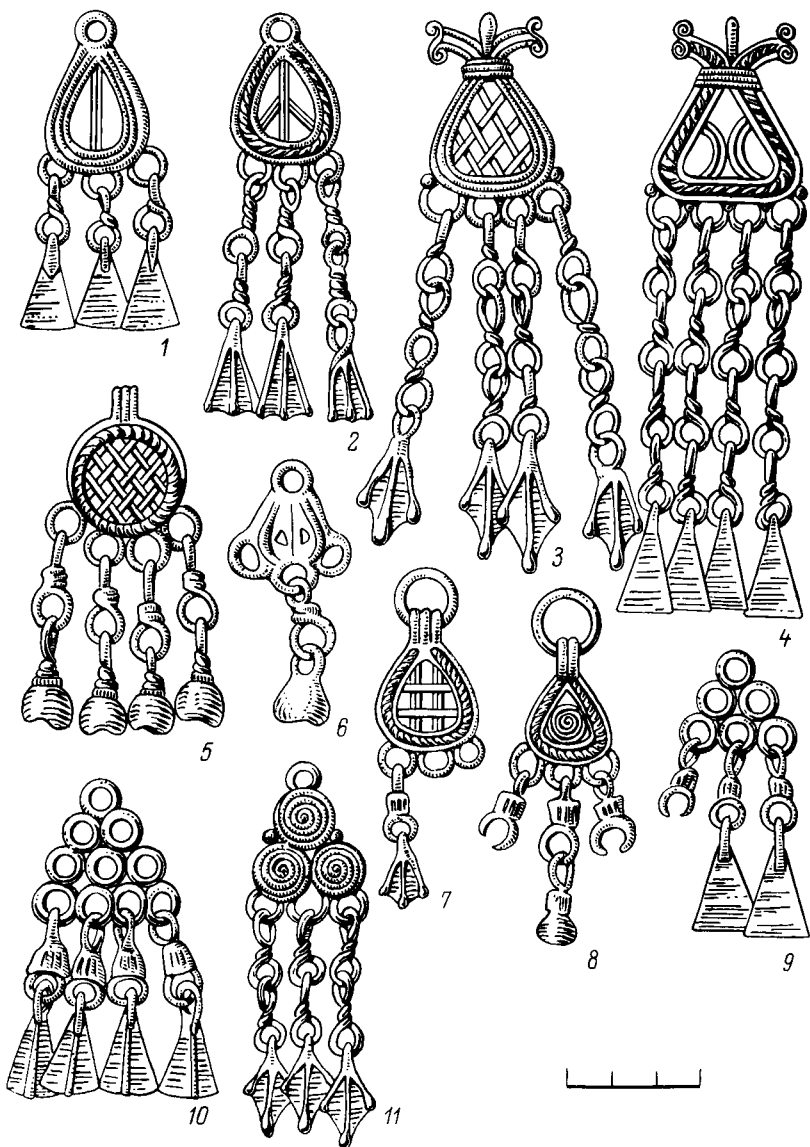

Таблица V. Шумящие подвески (1-11).

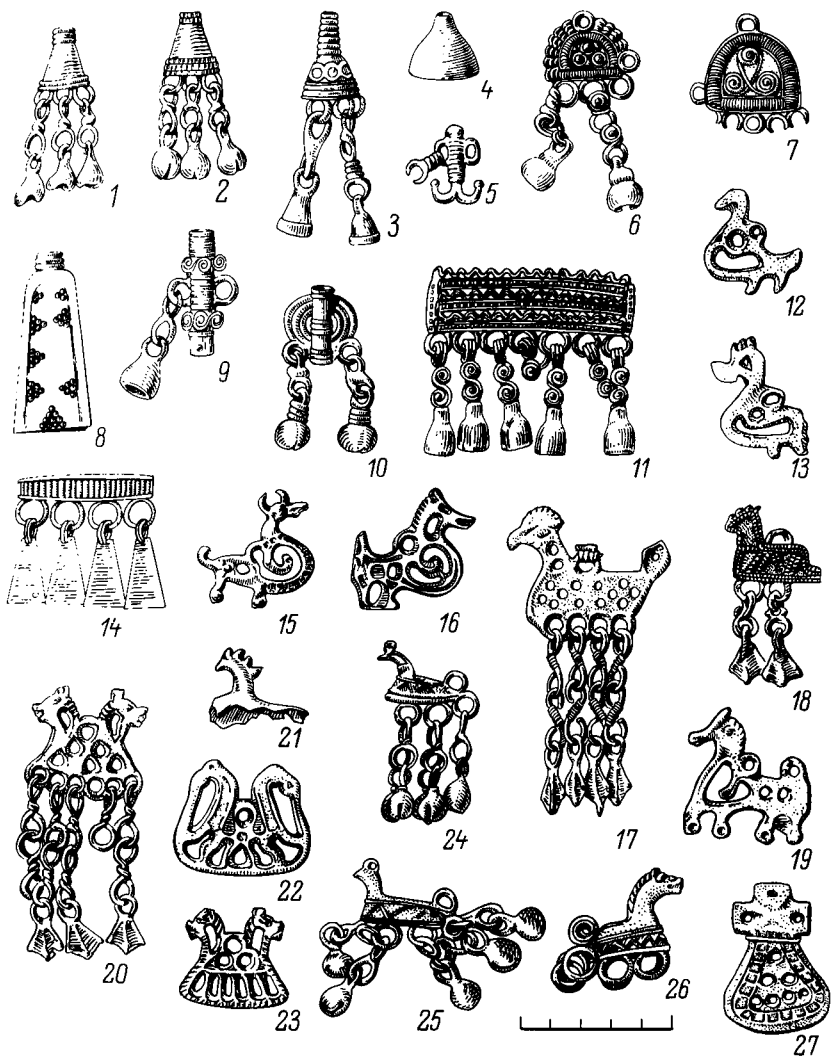

Таблица VI. Финно-угорские украшения (1-27).

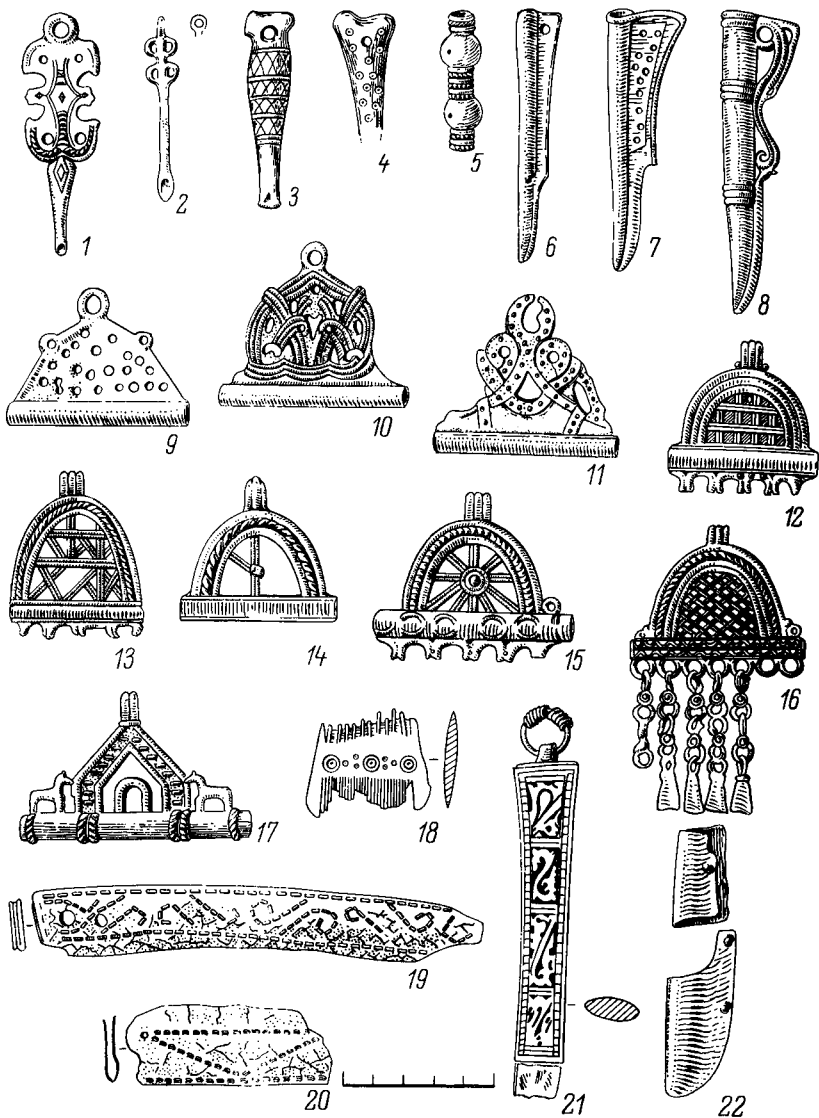

Таблица VII. Бытовой инвентарь.

1-4 копоушки; 5-17 игольники; 18 гребень; 19, 20 - ножи; 21 рукоять ножа; 22 оковка ножен.

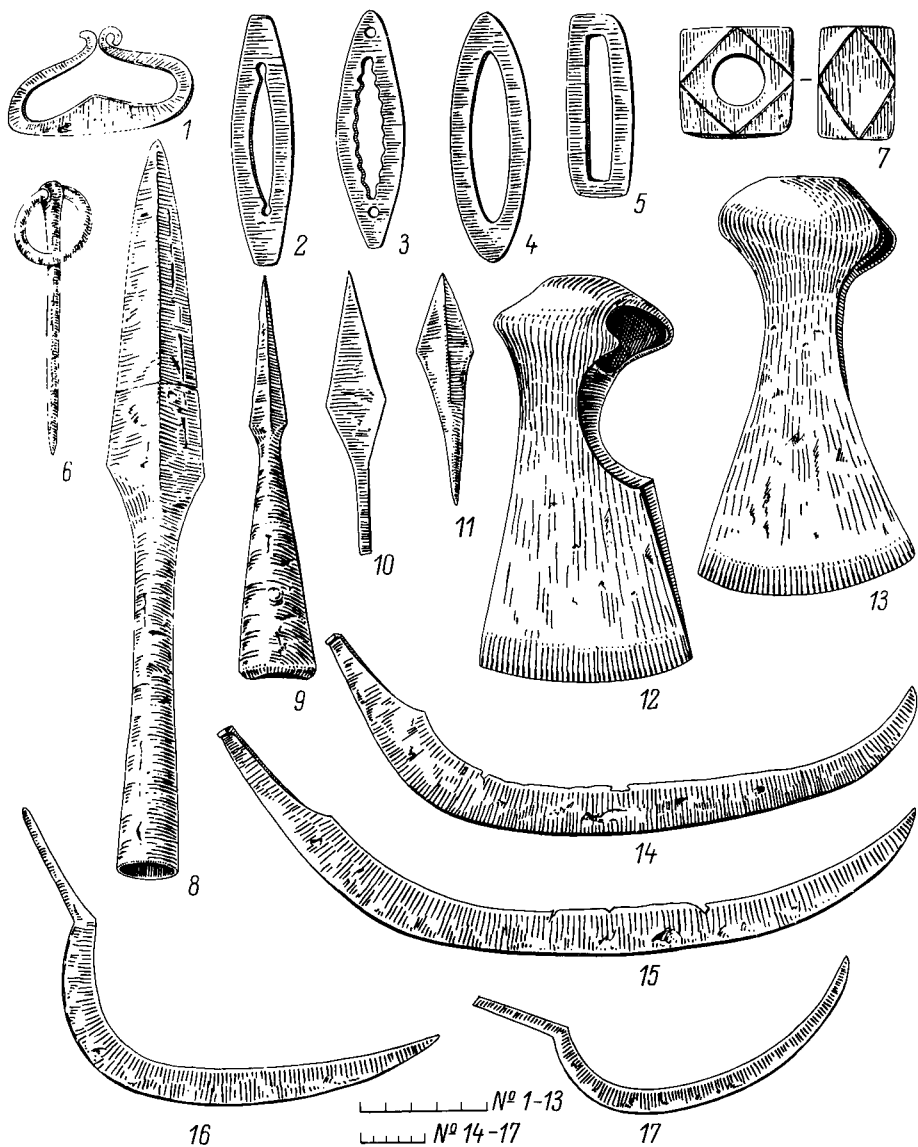

Таблица VIII. Железные изделия.

1 5 кресала; 6 игла с кольцом; 7 булава; 8 - 11 - наконечники стрел и копий; 12, 13 топоры; 14, 15 косы; 16, 17 серпы.

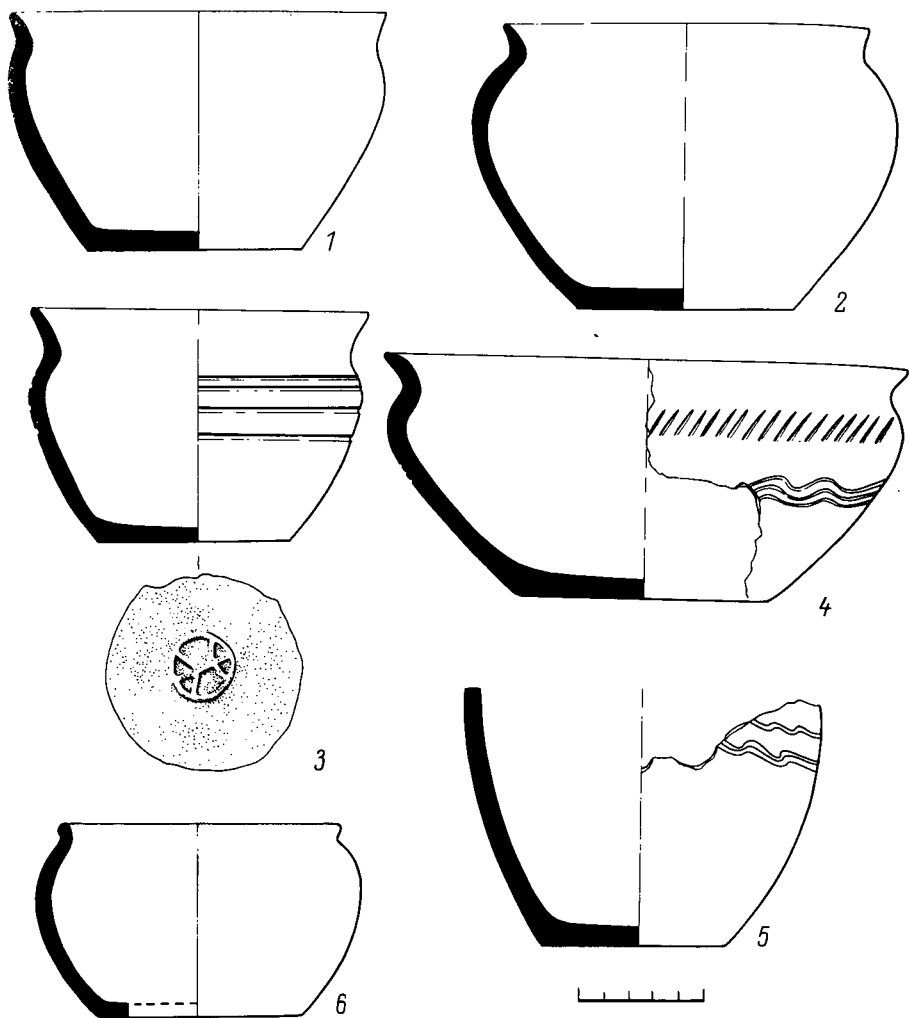

Таблица IX. Керамика.

1, 6 — Исасво (№ 92-2, 5); 2 — Гоменки (№ 80); 3 — 5 — Татаринovo (№ 142-9, 14, 17).

СПИСОК ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

г.	город	пуст.	пустошь
гр.	группа курганов	р.	река
д.	деревня	раск.	раскопки
местн.	местность	с.	село
од. кург.	одиночный курган	ст.	станция
ок.	около	ур.	урочище
пос.	поселок	ус.	усадьба

1. Катково, д.: гр. (10)¹ [АЛОИА, ф. 46, д. 33].
2. Дор. ус.: гр. В 1896 г. раск. КУАК (5) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 366, 367].
3. Починниково, д.: гр. [Горюнова, 1961, с. 255, № 49].
4. Юрново, д.: гр. [Преображенский, 1897а, с. 369].
5. Окулова (Акулова), д.: гр. В 1896 г. раск. КУАК (7) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 367].
6. Меленки, д.: гр. [АЛОИА, ф. 46, д. 33].
7. Кузьмищево, д.: гр. [там же].
8. Климцово, д.: гр. [там же].
9. Жары, ус.: гр. [там же].
10. Жары, ус.: од. кург. [там же].
11. Кострома, г.: од. кург (?) в Мышином овраге. В 1893 г. раск. КУАК [АЛОИА, ф. 1, д. 1893/101; Преображенский, 1897а, с. 369].
12. Ульково, д.: гр. [АЛОИА, ф. 46, д. 33].
13. Лысай, д.: гр. I (16). В 1896 г. раск. КУАК (16) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 354-356].
14. Лысай, д.: гр. II (3). В 1896 г. раск. КУАК (3) [там же].
15. Дубены и Коточижевка, д.: гр. В 1896 г. раск. КУАК (7) [там же].
16. Дубены и Коточижевка, д.: гр. I в местн. Дворец, гр. II в пуст. Белая, гр. III в ур. Кузнечиха. В 1882 г. раск. С. Дмитриева и Н. М. Бекаревича [Миловидов, 1890а, с. 119-121].
17. Черная, ст.: гр. В 1883 г. раск. Н. М. Бекаревича [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Бекаревич, 1890, с. 149, 150].
18. Шестово, д.: гр. В 1882 г. раск. С. Дмитриева и Н. М. Бекаревича [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Миловидов, 1890а, с. 119-121].
19. Дудкино, ус.: гр. В 1882 г. раск. С. Дмитриева и Н. М. Бекаревича [там же].
20. Иваниково, с.: гр. I. В 1882 г. раск. С. Дмитриева и Н. М. Бекаревича, в 1892 г. - КУАК (4) [АЛОИА, ф. 1, д. 1892/53; Миловидов, 1890а, с. 119-121].
21. Иваниково, с.: гр. II. В 1882 г. раск. С. Дмитриева и Н. М. Бекаревича, в 1892 г. - КУАК (4) [там же].
22. Иваниково, с.: гр. III. В 1883 г. раск. Н. М. Бекаревича [1890, с. 149-150].
23. Иваниково, с.: гр. III. В 1883 г. раск. Н. М. Бекаревича [1890, с. 149-150].

¹ Здесь и далее в скобках указано количество курганных насыпей.

24. Фомкино, д.; гр. [Миловидов, 1890а, с. 119].
25. Высоково, д.; гр. [Миловидов, 1892а, с. 62].
26. Песочная, слобода; гр. в местн. Назаретская Пустышка (6). В 1896 г. раск. КУАК (3) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 369].
27. Бакшейка, д.; гр. [Миловидов, 1890а, с. 119].
28. Коряково, д.; гр. (20). В 1976–1978 гг. раск. А. Е. Леонтьева (20) [1984, с. 176–196].
29. Пенелино, д.; гр. (12). В 1927 г. доследовалась В. И. Смирновым (1) [АЛОИА, ф. 2, д. 1927/157].
30. Чижево, д.; гр. I в местн. Яхорцево (6). В 1893 г. раск. КУАК (4) [АЛОИА, ф. 1, д. 1893/101].
31. Чижево, д.; гр. II в местн. Солониювская Гора (свыше 20). В 1893 г. раск. КУАК (4) [там же].
32. Чижево, д.; гр. в местн. Перегорода. В 1894–1895 гг. раск. КУАК (17) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51, 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 303, 304, 438].
33. Самычево, д.; гр. В 1883 г. раск. Н. М. Бекаревича [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Бекаревич, 1890а, с. 149, 150].
34. Горки, д.; гр. В 1894 г. раск. КУАК (4) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Бекаревич, 1901, с. 423, 424].
35. Покров (Покровское), с.; гр. В 1880–1882 гг. раск. Г. М. Девочкина [АЛОИА, ф. 46, д. 64; материалы КОКМ].
36. Городище, с.; гр. В 1894 г. раск. КУАК (4) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Бекаревич, 1901, с. 369, 370].
37. Становщиково, д.; гр. (11). В 1893 г. раск. КУАК (8) [АЛОИА, ф. 1, д. 1893/101].
38. Ивакино, д.; гр. I, в пуст. Малая Горка (20). В 1892 г. раск. КУАК (17) [АЛОИА, ф. 1, д. 1892/53; Миловидов, 1892а, с. 74; Бекаревич, 1894, с. 25, 26].
39. Ивакино, д.; гр. II в пуст. Каменка (9). В 1892 г. раск. КУАК (9) [там же].
40. Пьянково, д.; гр. В 1880–1882 гг. раск. Г. М. Девочкина (ок. 40) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; материалы КОКМ].
41. Ильинское, с.; гр. В 1880–1882 гг. раск. Г. М. Девочкина [там же].
42. Сулятино, д.; гр. I (6). В 1899 г. раск. КУАК (6) [АЛОИА, ф. 1, д. 1899/74; Бекаревич, 1901, с. 434, 435].
43. Сулятино, д.; гр. II (7). В 1899 г. раск. КУАК (7) [там же].
44. Нахомьево, д.; гр. В 1893 г. раск. КУАК (2) [АЛОИА, ф. 1, д. 1893/101].
45. Качалка, д.; гр. В 1893 г. раск. КУАК (9) [там же].
46. Качалово, д.; гр. В 1893 г. раск. КУАК (3) [там же].
47. Сватиново, д.; гр. [АЛОИА, ф. 46, д. 33].
48. Гороженицы, д.; гр. (7). В 1897 г. раск. КУАК (3) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 402, 403].
49. Юрьевка, д.; гр. В 1897 г. раск. КУАК (14) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 403, 404].
50. Погорелка, ус.; гр. А (23). В 1897 г. раск. КУАК (23) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 398–402].
51. Погорелка, ус.; гр. Б (23). В 1897 г. раск. КУАК (23) [там же].
52. Карпово, д.; гр. I (7). В 1892 г. раск. КУАК (7) [АЛОИА, ф. 1, д. 1892/53; Бекаревич, 1894, с. 31–34].
53. Карпово, д.; гр. II (4). В 1892 г. раск. КУАК (4) [там же].
54. Карпово, д.; гр. III (3). В 1892 г. раск. КУАК (3) [там же].
55. Карпово, д.; гр. IV (4). В 1892 г. раск. КУАК (4) [там же].
56. Карпово, д.; гр. V. В 1892 г. раск. КУАК (1) [там же].
57. Карпово, д.; гр. VI. В 1892 г. раск. КУАК (1) [там же].
58. Карпово, д.; гр. в пуст. Рыбина. В 1897 г. раск. КУАК (10) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 404, 405].
59. Дьяково, д.; гр. [Преображенский, 1897а, с. 368–371].
60. Татьянино, с.; гр. В 1850 е гг. раск. Г. М. Девочкина (1) [АЛОИА, ф. 46, д. 64].
61. Шорка, р.; гр. В 1879 г. раск. Г. М. Девочкина (ок. 10) [там же].
62. Горохово, д.; од. кург. [АЛОИА, ф. 46, д. 33].
63. Калище, д.; од. кург. В 1879 г. раск. Г. М. Девочкина [АЛОИА, ф. 46, д. 64; Ниrosso, 1890, с. 139].

64. Стоголова, д.; гр. (ок. 20). В 1900 г. раск. КУАК (7) [АЛОИА, ф. 1, д. 1900/87].
65. Давыдовское, с.; гр. I (8). В 1896 г. раск. КУАК (2) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 368, 369].
66. Давыдовское, с.; гр. II (10). В 1896 г. раск. КУАК (1) [там же].
67. Давыдовское, с.; гр. III (8). В 1896 г. раск. КУАК (1) [там же].
68. Давыдовское, с.; гр. IV (6) [там же].
69. Никудское, с.; гр. (ок. 30). В 1894-1895 гг. раск. КУАК (17) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51, 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 331-333].
70. Витязево, д.; гр. [Горюнова, 1961, с. 257, № 232].
71. Сидоровское, с.; гр. [там же, № 238].
72. Яковлевское, с.; гр. (60-70). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (3) [1899, с. 169].
73. Княжее болото, местн.; гр. (ок. 30). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова [там же, с. 179].
74. Новосели, местн.; гр. (6). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (2) [там же].
75. Серeda-Ушино, с.; од. кург. В 1900 г. раск. КУАК [АЛОИА, ф. 1, д. 1900/87].
76. Буяково, с.; гр. (5) [АЛОИА, ф. 46, д. 33].
77. Кузьмино, д.; гр. (7). В 1899 г. раск. КУАК (7) [АЛОИА, ф. 1, д. 1899/74; Бекаревич, 1901, с. 432, 433].
78. Погоет, д.; гр. (32). В 1899 г. раск. КУАК (32) [АЛОИА, ф. 1, д. 1899/74; Бекаревич, 1901, с. 427-432].
79. Спас Тимофеевское, с.; од. кург. [АЛОИА, ф. 46, д. 33].
80. Гоменки, д.; гр. В 1894 г. раск. КУАК (6), в 1910 г. Д. Н. Сизова (1) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; ф. 46, д. 33; Бекаревич, 1901, с. 379-382].
81. Дренево, д.; гр. I. В 1894 г. раск. КУАК (8) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Бекаревич, 1901, с. 390-392].
82. Дренево, д.; гр. II. В 1894-1895 гг. раск. КУАК (10) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51, 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 392, 393].
83. Мыльниково, д.; гр. I (8). В 1899 г. раск. КУАК (8) [АЛОИА, ф. 1, д. 1899/74; Бекаревич, 1901, с. 436-438].
84. Мыльниково, д.; гр. II (5). В 1899 г. раск. КУАК (5) [там же].
85. Мыльниково и Хрипелево, д.; гр. в местн. Горка. В 1893 г. раск. КУАК (4) [АЛОИА, ф. 1, д. 1893/101].
86. Мыльниково и Хрипелево, д.; гр. в пуст. Илейка [там же].
87. Федулово, д.; гр. (5). В 1898 г. раск. КУАК (5) [АЛОИА, ф. 1, д. 1898/61; Бекаревич, 1901, с. 416, 417].
88. Бухалово, д.; гр. (6). В 1894 г. раск. КУАК (6) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Бекаревич, 1901, с. 379].
89. Боровиково, д.; гр. I (16). В 1894 г. раск. КУАК (16) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Бекаревич, 1901, с. 370-379].
90. Боровиково, д.; гр. II. В 1894 г. раск. КУАК (8) [там же].
91. Боровиково, д.; гр. III. В 1894 г. раск. КУАК (12) [там же].
92. Исаево, д.; гр. В 1894 и 1898 гг. раск. КУАК (7) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51, 1898/61; Бекаревич, 1901, с. 424-423].
93. Подольское, ус.; гр. I (5). В 1898 г. раск. КУАК (5) [АЛОИА, ф. 1, д. 1898/61; Бекаревич, 1901, с. 414-416].
94. Подольское, ус.; гр. II (8). В 1898 г. раск. КУАК (8) [там же].
95. Большое Андрейково, д.; гр. (18). В 1898 г. раск. КУАК (18) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 363-366].
96. Турыгино, д.; гр. В 1894 и 1898 гг. раск. КУАК (21) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51, 1898/61; Бекаревич, 1901, с. 417-421].
97. Нелидово, д.; гр. А. В 1897 г. раск. КУАК (9) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 387-389].
98. Нелидово, д.; гр. Б. В 1897 г. раск. КУАК (6) [там же].
99. Нелидово, д.; гр. В. В 1897 г. раск. КУАК (2) [там же].
100. Федяево, д.; гр. (2). В 1896 г. раск. КУАК (2) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 363].
101. Александрово, д.; гр. I. В 1896 г. раск. КУАК (3) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 361-363].
102. Александрово, д.; гр. II. В 1896 г. раск. КУАК (12) [там же].

103. Стинково, д.; гр. В 1894 г. раск. КУАК (5) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Бекаревич, 1901, с. 425, 426].
104. Залогово, д.; гр. (10). В 1894 г. раск. КУАК (2) [АЛОИА, ф. 1, д. 1894/51; Бекаревич, 1901, с. 424, 425].
105. Марфино, д.; гр. I. В 1896 г. раск. КУАК (2) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 357].
106. Марфино, д.; гр. II. В 1896 г. раск. КУАК (1) [там же].
107. Иконниково, д.; гр. [Горюнова, 1961, с. 256, № 182].
108. Сенино, д.; гр. (12). В 1898 г. раск. КУАК (12) [АЛОИА, ф. 1, д. 1898/61; Бекаревич, 1901, с. 409, 410].
109. Марьинское, д.; гр. I. В 1896 г. раск. КУАК (2) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 357-359].
110. Марьинское, д.; гр. II (15). В 1896 г. раск. КУАК (15) [там же].
111. Марьинское, д.; гр. III. В 1896 г. раск. КУАК (1) [там же].
112. Погорелово, д.; гр. (18). В 1896 г. раск. КУАК (18) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 359-361].
113. Вепрева (Репрево), д.; гр. (6). В 1896 г. раск. КУАК (6) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 367, 368].
114. Михальцево, д.; гр. [Ерофеева, 1965, с. 21, № 68].
115. Горянцево, д.; од. кург. [там же, № 67].
116. Тимоино, д.; гр. I (7). В 1895 г. раск. КУАК (7) [АЛОИА, ф. 1, д. 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 334-338].
117. Тимоино, д.; гр. II (12). В 1895 г. раск. КУАК (12) [там же].
118. Тимоино, д.; гр. III (7). В 1895 г. раск. КУАК (7) [там же].
119. Куликово, с.; гр. I (8). В 1895 г. раск. КУАК (5) [АЛОИА, ф. 1, 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 315-317].
120. Куликово, с.; гр. II (8). В 1895 г. раск. КУАК (6) [там же].
121. Поцовка, д.; гр. (23). В 1895 г. раск. КУАК (20) [АЛОИА, ф. 1, д. 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 317-321].
122. Елотово, д.; гр. I (24). В 1895 г. раск. КУАК (23) [АЛОИА, ф. 1, д. 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 321-324, 338, 339].
123. Елотово, д.; гр. II (15). В 1895 г. раск. КУАК (15) [там же].
124. Елотово, д.; гр. III (12). В 1895 г. раск. КУАК (12) [там же].
125. Елотово, д.; гр. IV (9). В 1895 г. раск. КУАК (6) [там же].
126. Васильевское, д.; гр. I (14). В 1895 г. раск. КУАК (14) [АЛОИА, ф. 1, д. 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 305-310].
127. Васильевское, д.; гр. II (7). В 1895 г. раск. КУАК (6) [там же].
128. Васильевское, д.; гр. III (2). В 1895 г. раск. КУАК (2) [там же].
129. Васильевское, д.; гр. IV (2). В 1896 г. раск. КУАК (2) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 349-353].
130. Васильевское, д.; гр. V (24). В 1896 г. раск. КУАК (24) [там же].
131. Руболдино, д.; гр. (5). В 1896 г. раск. КУАК (5) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 353, 354].
132. Тершино, д.; гр. I (9). В 1895 г. раск. КУАК (9) [АЛОИА, ф. 1, д. 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 311-315].
133. Тершино, д.; гр. II (6). В 1895 г. раск. КУАК (6) [там же].
134. Гридино, д.; гр. I. В 1896 г. раск. КУАК (3) [АЛОИА, ф. 1, д. 1896/55; Бекаревич, 1901, с. 361].
135. Гридино, д.; гр. II. В 1896 г. раск. КУАК (2) [там же].
136. Гридино, д.; гр. III. В 1897 г. раск. КУАК (16) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 393-396].
137. Спас-Ямщики, с.; гр. V. В 1897 г. раск. КУАК (2) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 397].
138. Демидково, д.; гр. (13). В 1897 г. раск. КУАК (13) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 396, 397].
139. Семеново, д.; гр. (35). В 1897 г. раск. КУАК (32) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 383-387].
140. Шувалово, д.; гр. В 1893 г. раск. КУАК (8) [АЛОИА, ф. 1, д. 1893/101].
141. Никулино и Шувалово, д.; гр. на Никулиньских полянах (45). В 1892 и 1897 гг. раск. КУАК (35) [АЛОИА, ф. 1, д. 1892/53, 1897/49; Бекаревич, 1894, с. 36-39; 1901, с. 405, 406].

142. Татаршиново, д.: гр. I (40). В 1895 г. раск. КУАК (24) [АЛОИА, ф. 1, д. 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 339-348].
143. Татаршиново, д.: гр. II (18). В 1895 г. раск. КУАК (16) [там же].
144. Татаршино, д.: гр. (4). В 1895 г. раск. КУАК (2) [АЛОИА, ф. 1, д. 1895/49; Бекаревич, 1901, с. 348].
145. Пустошка, д.: гр. В 1897 г. раск. КУАК (13) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 407, 408].
146. Песиково, д.: гр. В 1897 г. раск. КУАК (13) [АЛОИА, ф. 1, д. 1897/49; Бекаревич, 1901, с. 406, 407].
147. Мишское, с.: гр. I (20). В 1892 г. раск. КУАК (20) [АЛОИА, ф. 1, д. 1892/53; Бекаревич, 1894, с. 27, 28].
148. Мишское, с.: гр. II (12). В 1892 г. раск. КУАК (9) [там же].
149. Уиковского, ус.: гр. (15). В 1898 г. раск. КУАК (15) [АЛОИА, ф. 1, д. 1898/61; Бекаревич, 1901, с. 410-412].
150. Следиурин и Трубинка, д.: гр. (свыше 10) [Широгов, 1890, с. 138].
151. Плес, г.: гр. [Ерофеева, 1965, с. 22, № 71].
152. Норданиха, пуст.: гр. (12). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (12) [1899, с. 210, 211].
153. Конселиха, д.: гр. (8). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 179].
154. Левашиха, д.: гр. I в пуст. Сухарева (18). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (10) [там же, с. 164, 165].
155. Левашиха, д.: гр. II в пуст. Сухарева. В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (16) [там же, с. 165-167].
156. Левашиха, д.: гр. III в пуст. Сухарева. В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (15) [там же, с. 167, 168].
157. Хмельницы, ус.: гр. (6). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 212, 213].
158. Мальцева, д.: гр. (25). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 161, 162].
159. Кочергина, д.: гр. I (22). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 163].
160. Кочергина, д.: гр. II (24). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 164].
161. Кочергина, д.: гр. I (111). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (3) [там же, с. 213, 214].
162. Кочергина, д.: гр. II (IV). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (10) [там же, с. 214].
163. Кочергина, д.: гр. в пуст. Стрелка (15). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (3) [там же, с. 162].
164. Кочергина, д.: гр. в овраге (15). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 212].
165. Петрушино, д.: гр. (4). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 180].
166. Кулькино, пуст.: гр. (6). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 211, 212].
167. Пеньки, д.: гр. I в пуст. Алабуга (12). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (10) [там же, с. 169-171].
168. Пеньки, д.: гр. II в пуст. Алабуга (8). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 209, 210].
169. Пеньки, д.: гр. в местн. Городина-Чувиль (свыше 20). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (10) [там же, с. 171, 172].
170. Пеньки, д.: гр. I в пуст. Кубасова (8). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (8) [там же, с. 172, 173].
171. Пеньки, д.: гр. II в пуст. Кубасова (5). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 173, 174].
172. Пеньки, д.: гр. в пуст. Реброва. В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 208, 209].
173. Кисловская, пуст.: гр. I (8). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 174, 175].
174. Кисловская, пуст.: гр. II (10). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (8) [там же, с. 175, 176].
175. Кисловская, пуст.: гр. III (10). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 176].
176. Босиха, пуст.: гр. (9). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 197, 198].
177. Никулина, д.: гр. в ур. Могильцы (15). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (3) [там же, с. 206].

178. Никулина, д.; гр. в поле Могильцы (7). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (3) [там же, с. 208].
179. Обабкова (Абабкова), д.; гр. I (8). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 176, 177].
180. Обабкова (Абабкова), д.; гр. II (8). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 178, 179].
181. Луковец, д.; в ур. Княжие Сосны (8). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (8) [там же, с. 206, 207].
182. Обабкова (Абабкова), д.; гр. в пуст. Могильцы (11). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (10) [там же, с. 207, 208].
183. Обабкова (Абабкова), д.; гр. (27). В 1968 г. раск. Е. Н. Ерофеевой (13) [АИА, р. I, д. 3706].
184. Кученово, д.; од. кург. В 1968 г. раск. Е. Н. Ерофеевой [там же].
185. Куринский овраг; гр. (10). В 1968 г. раск. Е. Н. Ерофеевой (7) [там же].
186. Каменка, пос.; гр. (2). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (2) [1899, с. 215].
- 187-189. Глухов, д.; гр. I-III. В 1912 г. раск. И. Д. Преображенского (2) [Археологическая... 1912, с. 35, 36].
190. Рамеше, д.; гр. [Преображенский, 1897а, с. 370].
191. Чернецова, д.; гр. в пуст. Гривица (5). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [1899, с. 201, 202].
192. Козки, пуст.; гр. (8). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 200, 201].
193. Реутово, пуст.; гр. (25). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (12) [там же, с. 199, 200].
194. Горесловка, д.; гр. (10). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (8) [там же, с. 225, 226].
195. Ворошилица, д.; гр. (7). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 224, 225].
196. Коробово, с.; гр. (11). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (14) [там же, с. 226, 227].
197. Коробово, с.; гр. в пуст. Золотуха (4). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 203].
198. Коробово, с.; гр. в пуст. Могильцы (до 50). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 203, 204].
199. Пещериха, пуст.; гр. (18). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (15) [там же, с. 202, 203].
200. Коробово, с.; гр. в пуст. Сеча (32). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (3) [там же, с. 204, 205].
201. Антоновское, с.; гр. в пуст. Попова (5). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова, (5) [там же, с. 200].
202. Антоновское, с.; гр. (до 20). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (8) [там же, с. 227, 228].
203. Сторожева, д.; гр. I (10). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (9) [там же, с. 180, 181].
204. Сторожева, д.; гр. II (5). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 182].
205. Сторожева, д.; од. кург. В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова [там же].
206. Иворова, д.; гр. (5). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 190, 191].
207. Иворова, д.; гр. в пуст. Кувалдина (6). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 191].
208. Безрядова, пуст.; гр. (8). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 189, 190].
209. Фомипская, д.; гр. (11). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (9) [там же, с. 187, 188].
210. Низовская, д.; гр. I (17). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (17) [там же, с. 182-184].
211. Низовская, д.; гр. II (7). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 185].
212. Лешкова, д.; гр. (7). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 185, 186].
213. Лешкова, д.; гр. в пуст. Суцева (5). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 222, 223].
214. Босиха Вторая, пуст.; гр. (6). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 224].
215. Кузнецова, пуст.; гр. В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (9) [там же, с. 198, 199].

216. Повляинское, с.; гр. (22). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 195].
217. Повляинское, с.; гр. в пуст. Земная Гора (4). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 223].
218. Конищева, д.; гр. I (5). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 192, 193].
219. Конищева, д.; гр. II (4). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 220, 221].
220. Ильинка, пуст.; гр. (7). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 195, 196].
221. Говенова, д.; гр. в пуст. Максимовка (4). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 223].
222. Шеляиха, д.; гр. (12). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 194].
- 222а. Шеляиха, д.; од. кург. в пуст. Северцы. В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова [там же].
223. Кожухова, д.; гр. в пуст. Гореловка (10). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 186, 187].
224. Кожухова, д.; од. кург. в пуст. Гореловка. В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова [там же, с. 187].
225. Кожухова, д.; гр. (15). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (4) [там же, с. 191, 192].
226. Белогуровская, д.; гр. (7). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 188, 189].
227. Гороховка, пуст.; гр. (6). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [там же, с. 221].
228. Зиновкина, д.; гр. (12). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (7) [там же, с. 193, 194].
229. Никульцева (Никульское), д.; гр. (5). В 1895 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 196, 197].
- 229а. Никульцева (Никульское), д.; гр. в пуст. Новый Базар (16). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (11) [там же, с. 215, 216].
230. Рамежье, д.; гр. в пуст. Мостищева (5). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 216].
231. Рыболовка, д.; гр. (5). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же].
232. Собакино, д.; гр. [АИА, р-1, д. 1925].
233. Собакино, д.; од. кург. [там же].
234. Новая Деревня, д.; гр. (7). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [1899, с. 216, 217].
235. Зимнево, д.; гр. I (6). В 1952 и 1956 гг. раск. Е. Н. Ерофеевой (6) [АИА, р-1, д. 782, 1227].
236. Зимнево, д.; гр. II. В 1952 и 1961 гг. раск. Е. Н. Ерофеевой (18) [там же].
237. Зимнево, д.; гр. III (8) [АИА, р-1, д. 782].
238. Незлово, д.; гр. В 1928 г. раск. П. А. Касторского [АИА, р-1, д. 673; Ерофеева, 1965, с. 19].
239. Есиплево, с.; гр. (6). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [1899, с. 217].
- 240 241. Есиплево, с.; гр. I и II [Ерофеева, 1965, с. 19].
242. Фefeldовка, д.; гр. в пуст. Герасимовка (6). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [1899, с. 222].
243. Любанова, д.; гр. в пуст. Скалова (5). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (5) [там же, с. 221, 222].
244. Голузино, д.; гр. [АИА, р-1, д. 1445; Ерофеева, 1965, с. 18].
245. Ильинское, д.; гр. [там же].
246. Велизалец, д.; гр. (12) [там же].
247. Рыжково, д.; гр. (12). В 1946 и 1948 гг. раск. Е. Н. Ерофеевой (9) [АИА, р-1, д. 51, 224, 225].
248. Черная, р.; гр. I [АИА, р-1, д. 224, 225].
249. Черная р.; гр. II. В 1948 г. раск. Е. Н. Ерофеевой (3) [там же].
250. Черная р.; гр. III. В 1948 г. раск. Е. Н. Ерофеевой (3) [там же].
251. Старое Село, д.; гр. [АИА, р-1, д. 51].
252. Романово, д.; гр. [там же].
253. Корсаково, д.; гр. [Ерофеева, 1965, с. 14].
254. Заволжье, устья рек Ваги и Мерижки; гр. (8). В 1952 г. раск. Е. Н. Ерофеевой (2) [АИА, р-1, д. 782].

255. Зайковка, дача: гр. (10). В 1951 г. раск. Е. Н. Ерофеевой (8) [АИА, р. 1, д. 542].
256. Вершинино, д.: гр. у Центрального пионерлагеря (9). В 1951 г. раск. Е. Н. Ерофеевой (7) [там же].
257. Зуево, д.: гр. (8). В 1964 г. раск. Е. Н. Ерофеевой (5) [АИА, р. 1, д. 2894].
258. Куптеево, д.: гр. [АИА, р. 1, д. 51].
259. Долматово, д.: гр. (до 30) [АИА, р. 1, д. 1925].
260. Долматово, д.: два од. кург. [там же].
261. Дьяковка, пуст.: гр. В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (6) [1899, с. 217, 218].
262. Влечиха, д.: гр. в пуст. Сидельница (30). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (12) [там же, с. 218, 219].
263. Новая, д.: гр. (2) [АИА, р. 1, д. 51].
264. Студенец, д.: гр. (12). В 1896 г. раск. Ф. Д. Нефедова (8) [1899, с. 219, 220].
265. Большое Борятино, д.: гр. (5) [АИА, р. 1, д. 1925].
266. Афоново (Афоническая), д.: гр. [Миловидов, 1890а, с. 122; Ерофеева, 1965, с. 14].
267. Алешково, д.: гр. I (20). В 1954 г. раск. А. С. Каманцевой (1), в. 1961 г. Е. Н. Ерофеевой (6) [Каманцева, 1963, с. 269-273; АИА, р. 1, д. 2249].
268. Алешково, д.: гр. II (9). В 1954 г. раск. А. С. Каманцевой (1) [1963, с. 269-273].
269. Авсениха, д.: гр. (7). В 1898 г. раск. КУАК (7) [АЛОИА, ф. 1, д. 1898/61; Бекаревич, 1901, с. 413, 414].
270. Покров, с.: гр. (8). В 1898 г. раск. КУАК (8) [АЛОИА, ф. 1, д. 1898/61; Бекаревич, 1901, с. 412, 413].
271. Юрково, д.: гр. (3) [АЛОИА, ф. 46, д. 33].
272. Прокунино, д.: гр. [там же].
273. Мизгириха, д.: гр. [Ерофеева, 1965, с. 13].
274. Турово, с.: гр. I (12). В 1928 г. раск. А. П. Смирнова (6) [АЛОИА, ф. 2, д. 1928/179; Смирнов, 1929, с. 45-48].
275. Турово, с.: гр. II (10). В 1928 г. раск. А. П. Смирнова (3) [там же].

- Лексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы: (Краниол. исслед.). М., 1969. 324 с.
- Лексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. 332 с.
- Луцкий Д. Н. Сани, ладыя и кони как принадлежность похоронного обряда. Тр. МАО, 1890, т. 14, с. 81 - 226.
- Луцкий Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. -- МАВГР, 1899, т. 3, с. 237 - 259.
- Луцкий Д. Н. О христианских крестах и образках в могилах Средней и Западной России. В кн.: Тр. IX АС. М., 1900, с. 85 - 88.
- Археологическая хроника. ИАК, 1912, вып. 44, с. 35 - 36.
- Аргентов Г. А. Марийцы IX - XI вв.: К вопр. о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973. 200 с.
- Аргентов Г. А. Починковский могильник. В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977, с. 110 - 118.
- Аргентов Г. А. Работы Марийской экспедиции на р. Ушке. АО 1979 г., М., 1980, с. 44 - 45.
- Аргентов Г. А., Патрушев В. С. Археологические исследования в Марийской АССР в 1969 - 1975 гг. В кн.: Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1976, вып. 1, с. 38 - 61.
- Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930. 223 с.
- Бабер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи. -- МИА, 1951, № 22, с. 110 - 158.
- Балзушис С. В. Княжеское хозяйство в XV и первой половине XVI века. - В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 563 - 604.
- Бекаревич Н. М. Раскопки в Костромском уезде. КС, 1890, вып. 1, с. 149, 150.
- Бекаревич Н. М. Два доклада члена Комиссии Н. М. Бекаревича, прочитанные им в заседаниях Комиссии 12 июня и 27 августа 1892 г., о произведенной им совместно с членом-делопроизводителем И. Д. Преображенским раскопке курганов в Костромском уезде. -- КС, 1894, вып. 3, Отд. «Смесь», с. 25 - 39.
- Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенных членами Комиссии в 1895 - 1899 гг. -- КС, 1901, вып. 5, с. 302 - 462.
- Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья. - СА, 1976, № 4, с. 88 - 98.
- Бернацкий В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. 395 с.
- Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899. X, 76 с., XXXIV табл.
- Булычев Н. И. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903. 77 с., XV табл.
- Булычев Н. И. Раскопки по среднему течению реки Угры. М., 1913. 77 с., IX табл. (Зап. Моск. археол. ин-та; Т. 31).
- Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV - XVI вв.: (Ист.-социол. исслед. о типах внегор. поселений). М.; Л., 1936. 166 с. (ИГАИМК; Вып. 139).
- Геншиг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа: (О мерян. этн. общности). В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 52 - 70.
- Глазов В. П. Исследования во Владимире и Владимирской области. АО 1973 г., М., 1974, с. 45 - 46.
- Глазов В. П. О курганах Костромского Поволжья. КСИА, 1977, вып. 150, с. 37 - 41.

- Глазов В. П.* Исследования во Владимирской области. - АО 1977 г., М., 1978, с. 55 - 56.
- Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3, с. 53 - 77.
- Голубева Л. А.* О назначении железных игл с кольцами. СА, 1971, № 4, с. 114 - 126.
- Голубева Л. А.* Веси и славяне на Белом озере. X - XIII вв. М., 1973. 212 с.
- Голубева Л. А.* Игольники восточноевропейского севера X - XIV вв. - В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 199 - 204.
- Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979. 112 с. (САИ; Вып. Е1-59).
- Городцов М. В.* Вятские курганные погребения близ д. Мякишиной. В кн.: Тр. Секции археологии Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. М., 1928, т. 4, с. 542 - 558.
- Горюнова Е. И.* Муромский могильник: К истории г. Мурома. КСИИМК, 1953, вып. 52, с. 33 - 42.
- Горюнова Е. И.* Мерянский могильник на Рыбинском море. КСИИМК, 1954, вып. 54, с. 153 - 163.
- Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. 267 с. (МИА; № 94).
- Горюнова Е. И.* Меря и мари. - В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 70 - 78.
- Гурина Н. П.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции). - МИА, 1963, № 110, с. 85 - 203.
- Диев М.* Какой народ в древние времена населял костромскую сторону и что известно об этом народе. - В кн.: Чтения в имп. Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1865, кн. 4, с. 160 - 168.
- Дмитриев С., Бекаревич Н.* Предварительный отчет об исследованиях древних кладбищ в Костромской губернии, произведенных летом 1882 г. членами-сотрудниками С. Дмитриевым и Н. Бекаревичем. В кн.: Приложение к протоколам заседаний Общества естествознания при Казанском университете. Казань, 1883, с. 2.
- Дубынин А. Ф.* О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли. СА, 1966, № 3, с. 67 - 79.
- Дубынин А. Ф.* Щербинское городище. В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 198 - 282.
- Дюбюк Е.* Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губернии. Тр. Костром. науч. о-ва по изуч. мест. края, 1918, вып. 10, с. 5 - 10.
- Дюбюк Е.* Из материалов к истории зверовой охоты в Костромском крае. - Тр. Костром. науч. о-ва по изуч. мест. края, 1920, вып. 18, с. 3 - 11.
- Дюбюк Е.* Из истории соляной промышленности Костромского края. Тр. Костром. науч. о-ва по изуч. мест. края, 1924, вып. 24, с. 3 - 29.
- Ерофеева Е. Н.* Археологические памятники Ивановской области: (Материалы к археол. карте). Ярославль, 1965. 64 с.
- Ерофеева Е. Н.* Раскопки курганов в Ивановской области. АО 1968 г., М., 1969, с. 33 - 34.
- Ерофеева Е. Н.* Раскопки курганов в Ивановской области. - АО 1969 г., М., 1970, с. 37 - 38.
- Ерофеева Е. Н.* Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе. - В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 216 - 225.
- Жиганов М. Ф.* К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н. э.: (Могильник у пос. Заря). - СА, 1961, № 4, с. 158 - 178.
- Жизневский А. К.* Курганы Тверской губернии. ИОЛЕАЭ, 1890, т. 49, вып. 5, с. 664 - 712.
- Каманцева А. С.* Курганы близ д. Алешково. - МИА, 1963, № 110, с. 269 - 273.
- Кельсиев А. И.* Отчет о раскопках, произведенных в Ярославской и Тверской губернии. - ИОЛЕАЭ, 1879, т. 31, с. 295 - 308.
- Керцелли Н. Г.* Отчет о произведенной раскопке курганов Рузского и Подольского уездов Московской губернии. ИОЛЕАЭ, 1879, т. 31, Прил., с. 9 - 12.

- Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Л., 1966, ч. 2. 147 с., XXXIV табл. (САИ; Вып. ЕА-36).
- Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Л., 1971, ч. 3. 91 с., XXII табл. (САИ; Вып. ЕА-36).
- Кирпичников А. Н., Петренко В. П.* Тиверский городок: (К вопр. изуч. древностей Рус. Карелии). - КСИА. 1974, вып. 139, с. 106-113.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории. Собр. соч., М., 1956, т. 1, ч. 1. 428 с.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории. Собр. соч., М., 1957, т. 2, ч. 2. 468 с.
- Козлова К. И.* Этническая история марийского народа. М., 1978. 344 с.
- Козловский А.* Взгляд на историю Костромы. М., 1840. 203 с.
- Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей. СА. 1958, № 2, с. 92-111.
- Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: (Производство, технология). МИА. 1959, № 65, с. 7-120.
- Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей. - В кн.: Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 156-177.
- Комаров К. И.* Работы Славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях. АО 1974 г., М., 1975, с. 63.
- Комаров К. И.* Работы Славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской и Ивановской областях. АО 1975 г., М., 1976, с. 67-68.
- Комаров К. И.* Работы Славянского отряда Верхневолжской экспедиции. АО 1979 г., М., 1980, с. 56.
- Константинов Щипуни П. П.* К краниологии древнего населения Костромской губернии. - ИОЛЕАЭ, 1897, т. 90, вып. 3, с. 528-533.
- Коробков П. М.* Прозоровские могильники (Мологский уезд Ярославской губ.). Молога, 1928. 100 с. (Тр. Молог. краевед. о-ва; Вып. 1).
- Корсаков Д. А.* Мера и Ростовское княжество. Казань, 1872. 246 с.
- Костромская губерния: Списки насел. мест Рос. имп.* СПб., 1877, т. 18. LXXXII, 465 с.
- Кощи Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского государства, конец XIII -нач. XVI в. М.; Л., 1965. 463 с.
- Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X-XIII вв. Л., 1973. 150 с.
- Кочкуркина С. И.* Территория летописной корелы в XII-XIV вв. (по археологическим данным). - В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978, с. 41-70.
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С.* Исследования в Верхнем Поволжье. - АО 1967 г., М., 1968, с. 23-25.
- Красюк А. А.* Почвенные районы западной части Костромской губернии и водораздела рек Волги и Клязьмы. Тр. Костром. науч. о-ва по изуч. мест. края, 1923, вып. 31, с. 1-29.
- Красюк А. А.* Краткий очерк почв Костромской губернии. Тр. Костром. науч. о-ва по изуч. мест. края, 1924, вып. 33, с. 24-39.
- Красюк А. А., Юницкий В.* К характеристике почв аллювиальных лугов Костромского края. - Тр. Костром. науч. о-ва по изуч. мест. края, 1925, вып. 36, с. 1-17.
- Кузнецов С. К.* Русская историческая география. М., 1910, вып. 1. 197 с.
- Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля: (Центры и границы). История СССР, 1969, № 2, с. 62-94.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. 350 с.
- Лебедев Г. С.* Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка. В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 180-190.
- Левашева В. П.* Сельское хозяйство. Тр. ГИМ, 1956, вып. 32, с. 19-105.
- Левашева В. П.* Височные кольца. Тр. ГИМ, 1967а, вып. 43, с. 7-54.
- Левашева В. П.* Браслеты. Тр. ГИМ, 1967б, вып. 43, с. 207-252.
- Леонтьев А. Е.* Работы Новостроечного отряда Верхневолжской экспедиции. АО 1976 г., М., 1977, с. 57-58.
- Леонтьев А. Е.* Волго-Окская новостроечная экспедиция. АО 1977 г., М., 1978, с. 70.
- Леонтьев А. Е.* Работы в Ярославской и Костромской областях. АО 1981 г., М., 1982, с. 69.
- Леонтьев А. Е.* Работы Волго-Окской экспедиции. АО 1982 г., М., 1984, с. 65.

- Леонтьев А. Е.* Новые данные о костромских курганах. — СА, 1984, № 4, с. 176 -196.
- Леонтьев А. Е., Исланова И. В.* Работы Волго-Окской экспедиции. — АО 1978 г., М., 1979, с. 70 -71.
- Леонтьев А. Е., Рябикин Е. А.* Станы и формы ассимиляции летонической мери: (Постановка вопр.). — СА, 1980, № 2, с. 67 -79.
- Леонтьев А. Е., Рябикин Е. А.* Исследования в бассейне р. Унжи. — АО 1980 г., М., 1981, с. 62 -63.
- Лесман Ю. М.* О сидячих погребениях в древнерусских могильниках. — КСИА, 1981, вып. 164, с. 52 -58.
- Летописец* Переяславля Суздальского. М., 1851, 112 с.
- Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, 175 с.
- Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застёжки — фибулы. — Тр. ГИМ, 1967, вып. 43, с. 149 -190.
- Мальм В. А.* Крестики с эмалью. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 113 -117.
- Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие VIII - XIV вв.: (Лук, стрелы, самострел). М., 1966, 184 с. (САИ; Вып. Е1-36).
- Медведев А. Ф.* Первые раскопки в Городце на Волге. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 73 -85.
- Мельниченко Г. Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII - нач. XIII в. Ярославль, 1974, 274 с.
- Миловидов И. В.* Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1886, 167 с.
- Миловидов И. В.* Древности Костромского края, известные Архивной комиссии. — КС, 1890а, вып. 1, с. 115 -132.
- Миловидов И. В.* О Костроме в историко-археологическом отношении. — В кн.: Тр. VII АС. М., 1890б, т. 1, с. 54 -72.
- Миловидов И. В.* Новые сведения о древностях Костромского края, полученные Архивной комиссией. — КС, 1892а, вып. 2, с. 56 -70.
- Миловидов И. В.* Дополнительные сведения о древностях Костромского края. — КС, 1892б, вып. 2, с. 71 -81.
- Молодцова Е. М.* Разведки в Ивановской области. АО 1969 г., М., 1970, с. 38 -39.
- Молодцова Е. М.* Работы Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции. — АО 1970 г., М., 1971, с. 43 -45.
- Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябикин Е. А.* Средневековые памятники чуди заволжской. — СА, 1984, № 4, с. 197 -216.
- Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, 262 с.
- Недошвина Н. Г.* Перстни. — Тр. ГИМ, 1967, вып. 43, с. 253 -274.
- Недошвина Н. Г.* Хронологические различия в погребальном обряде вятичей. — В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 182 -196.
- Недошвина Н. Г.* О религиозных представлениях вятичей XI - XIII вв. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 49 -52.
- Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенных летом 1895 и 1896 года. — МАВГР, 1899, т. 3, с. 161 -231.
- Никольская Т. Н.* Этнические группы Верхнего Поволжья XI - XIII вв. КСИИМК, 1946, вып. 24, с. 78 -83.
- Никольская Т. Н.* Хронологическая классификация верхневолжских курганов. — КСИИМК, 1949, вып. 30, с. 31 -41.
- Отдельные находки металлических вещей в Верхнем Поволжье.* — ЗОРСА, 1903, т. 5, вып. 1, с. 193 -195.
- Пераухин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. — МАВГР, 1896, т. 2, с. 13 -127.
- Петров В. П.* Подсечное земледелие. Киев, 1968, 228 с.
- Пирогов В.* Сведения о курганах, городищах, земляных валах, древних кладбищах и могилах, находках и проч. по некоторым городам и уездам Костромской губернии. — КС, 1890, вып. 1, с. 132 -142.
- Платонов С. Ф.* Прошлое Русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923, 80 с.

- Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археол. карте губ. Тверь, 1903. 519 с.
- Покровский Ф. В.* Случайная археологическая находка. Археол. изв. и заметки. 1894. № 11. с. 358–360.
- Полубояринова М. Д.* Стеклнные браслеты древнего Новгорода. МИА. 1963. № 117. с. 164–199.
- Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973. 170 с.
- Попов А. И.* Топонимика древних мерянских и муромских областей. В кн.: Географическая среда и географические названия. Л., 1974. с. 13–28. ИСРЛ. 1949. т. 25. 462 с.
- Потин В. М.* Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии. Тр. ГЭ, 1971. т. 12. с. 49–119.
- Преображенский И. Д.* Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края. КС. 1897а, вып. 4, с. 368–371.
- Преображенский И. Д.* Доклад о раскопках, произведенных в 1893 г. в Костромском уезде. КС. 1897б, вып. 4, с. 371–376.
- Равдина Т. В.* О датировке витических курганов. СА. 1965. № 1. с. 122–129.
- Раппопорт И. А.* Оборонительные сооружения Галича Мерьского. КСНИМК. 1959. вып. 77. с. 3–9.
- Редкая археологическая находка.* Сев. Правда. Кострома, 1927. № 113.
- Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры. В кн.: Дьяковская культура. М., 1974. с. 90–197.
- Розенфельдт И. Г.* Об одном типе позднедьяковских племенных украшений. В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. с. 158–164.
- Рыбаков Б. А.* О двух курганах русского феодализма. В кн.: Лениские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. с. 23–33.
- Рыбаков Б. А.* Военное искусство. В кн.: Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969. ч. 1, с. 348–388.
- Рындина И. В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. МИА. 1963. № 117. с. 200–268.
- Рябинин Е. А.* Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974а. 17 с.
- Рябинин Е. А.* Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли. — КСИА. 1974б, вып. 139. с. 23–26.
- Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Костромского Поволья. КСИА. 1975. вып. 144. с. 35–39.
- Рябинин Е. А.* Владимирские курганы: (Опыт источниковед. изуч. материалов раскопок 1853 г.). СА. 1979а, № 1, с. 228–243.
- Рябинин Е. А.* Чудские племена Древней Руси по археологическим данным. В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979б, с. 93–102.
- Рябинин Е. А.* Заволжская экспедиция. АО 1978 г., М., 1979в, с. 87.
- Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л., 1981а. 122 с. (САИ: Вып. Е1 60).
- Рябинин Е. А.* О средневековых древностях Заволжья (по находкам в бассейне Кокшеньги). СА. 1981б, № 3, с. 66–72.
- Рябинин Е. А.* Об одной субстратной погребальной традиции в древнерусских курганах. КСИА. 1982а, вып. 171, с. 29–34.
- Рябинин Е. А.* Исследования в бассейне р. Умки. АО 1981 г., М., 1982б, с. 84.
- Сабурова М. А.* Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции). СА. 1974, № 2, с. 85–97.
- Савельева Э. А.* Пермь вычегодская: К вопр. о происхождении народа коми. М., 1971. 224 с.
- Савельева Э. А., Малышев И. П.* Чабровское городище. В кн.: Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар. 1977. вып. 6. с. 68–80.
- Самарянов В. А.* Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии. Тр. МАО. 1876. т. 6, с. 48–53.
- Саваров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959. 236 с.

- Седов В. В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси. СА, 1961, № 2, с. 103 - 121.
- Седов В. В.* Фишино угорские элементы в древнерусских курганах. В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 246 - 251.
- Седов В. В.* Новгородские сошки. М., 1970а. 58 с. (САИ; Вып. Е1-8).
- Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970б. 200 с. (МИА; № 163).
- Седов В. В.* Браслетообразные височные кольца восточных славян. В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 138 - 144.
- Седов В. В.* Гидронимические пласты и археологические культуры Центра. Вопр. географии, М., 1974, сб. 94, с. 20 - 33.
- Седов В. В.* К палеоантропологии восточных славян. В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 148 - 156.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия из Ярнолча Залесского. КСИИ, 1972, вып. 129, с. 70 - 76.
- Седова М. В.* О двух типах привесок иконок из Северо-Восточной Руси. В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 191 - 194.
- Седова М. В.* Ярнолч Залесский. М., 1978. 158 с.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X - XV вв.) М., 1981. 196 с.
- Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865, т. 2. 898 с.
- Семенов Т. С.* К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. В кн.: Тр. VII АС. М., 1891, т. 2, с. 228 - 258.
- Серебрянников Б. А.* Происхождение марийского народа по данным языка. В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, с. 165 - 180.
- Смирнов А. П.* Краткое описание раскопок произведенных близ селения Турова Славинской волости Макарьевского уезда Иваново-Вознесенской губернии. В кн.: Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения за 1928 г. Иваново-Вознесенск, 1929, с. 45 - 48.
- Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. 276 с. (МИА; № 28).
- Смирнов А. П.* О культурных связях Прибалтики со Средним Поволжьем и Приуральем в эпоху древности и средневековья. - In: Studia archaeologica in memoria Harii Mooga. Tallinn, 1970. lk. 176 - 180.
- Смирнов В. И.* Из вопросов и фактов этнологии Костромского края. - Тр. Костром. науч. о-ва по изуч. мест. края, 1924, вып. 33, с. 135 - 161.
- Смирнов К. А.* Дьяковская культура. В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 7 - 89.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1911, кн. 1, т. 1 - 5. 1726 с.
- Спицын А. А.* Курганы С. Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб., 1896. 124 с., XIX табл. (МАР; № 20).
- Спицын А. А.* Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. - ЗРАО, 1899, т. 11, вып. 1 - 2, с. 117 - 302.
- Спицын А. А.* Древности бассейна рек Оки и Камы. СПб., 1901. 119 с., XXX табл. (МАР; № 25).
- Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Ф. А. и А. Ф. Теплоуховых. СПб., 1902. 70 с., XXXIX табл. (МАР; № 26).
- Спицын А. А.* Владимирские курганы. ИАК, 1905, вып. 15, с. 84 - 172.
- Спицын А. А.* Норманские и славянские древности верховьев Волги. В кн.: Тр. IV ист.-археол. съезда в Костроме. Кострома, 1914, с. 48 - 52.
- Спицын А. А.* Бежецкие древности. - В кн.: Бежецкий край. Бежецк, 1921, с. 1 - 20.
- Спицын А. А.* Древности Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск, 1924. 22 с.
- Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X - XIV вв. - МИА, 1951, № 22, с. 33 - 96.
- Татищев В. Н.* История Российская. М.: Л., 1964, т. 3. 320 с.
- Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. 477 с.
- Тихомиров К. Н.* Раскопки близ пос. Вознесенского Шуйского уезда. В кн.: Тр. Владим. стат. ком. Владимир, 1867, с. 133 - 139.

- Третьяков П. Н.* Костромские курганы. М.; Л., 1931. 38 с. (ИГАИМК; Т. 10, вып. 6-7).
- Третьяков П. Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. М.; Л., 1932. 39 с. (ИГАИМК; Т. 14, вып. 1).
- Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. Л., 1941. 150 с. (МИА; № 5).
- Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. 308 с.
- Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970. 156 с. (МИА; № 179).
- Трофимова Т. А.* Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. СЭ, 1946, № 1, с. 91-136.
- Тугина Н. В.* Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X-XII вв. - Тр. ГИМ, 1966, вып. 40, с. 120-140.
- Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. В кн.: Тр. ИАС. М., 1871, т. 2, с. 633-847.
- Успенская А. В.* Нагрудные и поясные подвески. Тр. ГИМ, 1967, вып. 43, с. 88-132.
- Успенская А. В., Фехнер М. В.* Поселения Древней Руси. - Тр. ГИМ, 1956, вып. 32, с. 7-18.
- Ушаков А. Я.* Отчет о раскопках в Угличском уезде. - ИОЛЕАЭ, 1879, т. 31, с. 280-287.
- Ущakov А. Я.* Раскопки в Мышкинском уезде 1887 года. - В кн.: Тр. VII АС. М., 1890, т. 1, с. 24-34.
- Фехнер М. В.* Раскопки в Костроме. - КСИИМК, 1952, вып. 47, с. 101-108.
- Фехнер М. В.* Селища Ярославского Поволжья XI-XIII вв. - В кн.: Кравецкие записки Ярославского музея. Ярославль, 1957, вып. 2, с. 183-197.
- Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. - Тр. ГИМ, 1959, вып. 33, с. 149-224.
- Фехнер М. В.* Шейные гривны. - Тр. ГИМ, 1967, вып. 43, с. 55-87.
- Фехнер М. В.* Крестовидные привески «скандинавского» типа. - В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 210-214.
- Халиков А. Х.* Об этнических основах марийского народа. В кн.: Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1976, вып. 1, с. 12-26.
- Хвоцинская Н. В.* Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1978, 22 с.
- Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. М., 1960. 899 с.
- Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 1957, № 58, с. 136-245.
- Черницын Н. А.* Угро-финские могильники на территории Вологодской области. - СА, 1966, № 4, с. 196-201.
- Шмидт Е. А.* К хронологии курганов XI-XIII вв. в Смоленском Поднепровье. В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 75-81.
- Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия Новгорода. - МИА, 1956, № 55, с. 164-179.
- Экземлярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891, т. 2. 696 с.
- Юшко А. А.* Археологические памятники бассейна р. Шахра. - КСИА, 1980, вып. 160, с. 82-87.
- Ярославское Поволжье X-XI вв.* М., 1963. 144 с.

- Ailio J.* Karjalaiset soikeat kuparasoljet. Helsinki, 1922. 83 s. (SMYA; N 32. o. 3).
- Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1951, Bd 2. 46 S., 160 Taf.
- Mugurevičs E.* Krustiņveida piekariņi Latvija laikā no 11. līdz 15. gs. Arheol. un etnogr., Rīga, 1974, N 11, lp. 220-239.
- Paloniemi M.* Ristiretkiajan hautalöytö Teuvalta. - SM, 1960, N 67, s. 22-39.
- Schwandt T.* Tietoja Karjalan rantakaudesta. Helsinki, 1893. 206 s. (SMYA; N 13).
- Tallgren A. M.* Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord. ESA, 1928, N 3, p. 3-24.
- Tallgren A. M.* Biarmia. ESA, 1931, N 6, s. 100-120.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- А.ЮИА, ф. 1, д. 1863/3. Об археологических разысканиях во Владимирской губернии.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1890/121. Дело АК о бронзовых украшениях, вырытых крестьянами из кургана близ д. Чижевой Каримовской волости Костромского уезда Костромской губернии.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1892/53. Дело АК о выдаче открытых листов КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1893/101. Дело АК о раскопках КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1894/51. Дело АК о раскопках членов КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1895/49. Дело АК о раскопках КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1896/55. Дело АК о выдаче открытых листов на раскопки КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1896/206. Дело АК по истребованию от костромского губернатора сведений о раскопках в губернии Ф. Д. Нефедова.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1897/49. Дело АК о раскопках членов КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1898/61. Дело АК о раскопках членов КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1899/74. Дело АК о выдаче открытых листов КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1900/87. Дело АК о раскопках КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1902/80. Дело АК о раскопках КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1903/35. Дело АК о раскопках КУАК.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1906/30. Дело АК о раскопках Ю. Г. Гендуны во Владимирской и Московской губерниях.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1907/67. Дело АК о раскопках Ю. Г. Гендуны во Владимирской и Московской губерниях.
- А.ЮИА, ф. 1, д. 1910/68. Дело АК о раскопках В. Н. Глазова в Задонском уезде Воронежской губернии и Буйском уезде Костромской губернии.
- А.ЮИА, ф. 2, д. 1926/146. Раскопки М. Смирнова в Переяславль-Залесском уезде.
- А.ЮИА, ф. 2, д. 1927/157. Раскопки В. И. Смирнова в Галичском уезде и разведки в Костромской губернии 1927 г.
- А.ЮИА, ф. 2, д. 1928/179. Отчет Иваново-Вознесенского губернского общества краеведения об археологических раскопках, произведенных экспедицией под руководством Б. Н. Гракова.
- А.ЮИА, ф. 2, д. 1928/223. Третьяков П. Н. Материалы к работе «Костромские курганы».
- А.ЮИА, ф. 2, д. 1929/223. Палеозоологические раскопки И. А. Тихомирова в Тутаевском районе.
- А.ЮИА, ф. 2, д. 1931/743. Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области. Нековский округ.
- А.ЮИА, ф. 2, д. 1935/88. - Отчет А. Ф. Дубынина об археологических исследованиях в Ивановской промышленной области в 1935 г.
- А.ЮИА, ф. 4, д. 166. Дело МАО: Археол. карта Костром. губ. и объясн. зап. к ней, составл. И. Миловидовым (1889-1890 гг.).
- А.ЮИА, ф. 5, д. 374. Западные финны (фонд А. А. Спицына).
- А.ЮИА, ф. 5, д. 381. Владимирская, Ярославская, Костромская, Тверская губернии (фонд А. А. Спицына).
- А.ЮИА, ф. 35, д. 1940/23. Отчет А. Ф. Дубынина об археологических исследованиях в Селивановском и Тейковском районах Ивановской области в 1940 г.

- У.ЮИА, ф. 46, д. 33. — Смирнов В. И. Курганы и городища Костромской губернии.
- У.ЮИА, ф. 46, д. 64. — Смирнов В. И. Материалы к истории археологического изучения Костромского края.
- ИАА, р. 1, д. 51. — Отчет об археологическом исследовании в Кинешемском районе Ивановской области, производившемся в 1946 г. Ивановским областным музеем под руководством Е. Н. Ерофеевой.
- ИАА, р. 1, д. 224, 225. — Отчет об археологических исследованиях в Кинешемском районе Ивановской области под руководством Е. Н. Ерофеевой: Текст и альбом к отчету.
- ИАА, р. 1, д. 542. — Отчет о раскопках курганов в Кинешемском районе Ивановской области, производившихся областным музеем под руководством Е. Н. Ерофеевой.
- ИАА, р. 1, д. 673. — Отчет о частичном археологическом обследовании затопляемой зоны в пределах Кинешемского и Наволоцкого районов Ивановской области, производившемся Е. Н. Ерофеевой в августе 1952 г.
- ИАА, р. 1, д. 782. — Отчет об археологической разведке в Наволоцком районе Ивановской области, производившейся Е. Н. Ерофеевой в 1953 г. Дополнение к отчету о разведке Е. Н. Ерофеевой 1952 г. в Кинешемском районе Ивановской области.
- ИАА, р. 1, д. 1227. — Отчет об археологической экспедиции в Наволоцком районе Ивановской области, производившейся под руководством Е. Н. Ерофеевой в 1956 г.
- ИАА, р. 1, д. 1445. — Ерофеева Е. Н. Отчет об археологическом обследовании в Ивановской области в 1957 г.
- ИАА, р. 1, д. 1925. — Ерофеева Е. Н. Отчет об археологическом обследовании в Ивановской области в 1959 г.
- ИАА, р. 1, д. 2101. — Горюнова Е. П. Отчет о работе Верхневолжского отряда Волжской экспедиции в 1960 г.
- ИАА, р. 1, д. 2249. — Ерофеева Е. Н. Отчет о раскопках Аленковских курганов Юрьевецкого района Ивановской области, производившихся в 1961 г.
- ИАА, р. 1, д. 2537, 2537а. — Ерофеева Е. Н. Отчет о раскопках курганов у д. Зиново Тейковского района Ивановской области, производившихся Належским отрядом Верхневолжской экспедиции в 1962 г.
- ИАА, р. 1, д. 2894. — Ерофеева Е. Н. Отчет о раскопках курганной группы у д. Зуево Кинешемского района Ивановской области, производившихся в 1964 г.
- ИАА, р. 1, д. 3385, 3385а. — Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в Ивановской, Ярославской и Калининской областях в 1966 г.
- ИАА, р. 1, д. 3706. — Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1968 г.
- ИАА, р. 1, д. 4560. — Аршинов Г. А. Отчет 1-го Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1971 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛИА	— Архив Института археологии Академии наук СССР, М.
ЛЛЮИА	— Архив Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР, Л.
АК	— Археологическая комиссия.
АС	— Археологический съезд.
АО	— Археологические открытия, М.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ГЭ, ОИПК	— Государственный Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, СПб.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества, СПб.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР.
ИАК	— Известия Археологической комиссии, СПб.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры, М., Л.
ИОЛЕАЭ	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, М.
КОКМ	— Костромской областной краеведческий музей.
КС	— Костромская старина, Кострома.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР, М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, М., Л.
КУАК	— Костромская ученая архивная комиссия.
ЛЮИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России, М.
МАО	— Московское археологическое общество.
МАР	— Материалы по археологии России, СПб.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР, М., Л.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей, М., Л.
СА	— Советская археология, М.
САИ	— Свод археологических источников, М., Л.
СЭ	— Советская этнография, М.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki.
SM	— Suomen Museo, Helsinki.
СМУА	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, Helsinki.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Археологическая характеристика Костромского Поволжья и истории его изучения	5
Глава 2. Сельские могильники края. Классификация погребальных обрядов	22
Глава 3. Классификация погребального инвентаря	53
Глава 4. Население Костромского Поволжья в XII – XIII вв.	97
Заключение	126
Таблицы I – IX	130
Список погребальных памятников	141
Литература	149
Архивные источники	156
Список сокращений	158

